

TAYLOR INSTITUTION
DOMI NUS ILLU
MINA TIO MEA

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

МОСКВА.
Въ Типографіи А. Семена.
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва Апрѣля 14-го дня 1861 года.

Ценсоръ Н. Гиляровъ-Платоновъ.

Выписка изъ протоколовъ засѣданій Общества Любителей Россійской Словесности *).

— 1861 года, февраля 4-го, XLI засѣданіе; пунктъ 6. Д. Членъ П. А. Безсоновъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что Коммиссіею «изготовленъ къ печати третій выпускъ «Пѣсень, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ,» въ который войдутъ слѣдующія Былевыя пѣсни: а) Иванъ Гостиный сынъ и Иванъ Годиновичь; б) Данило Ловчанинъ съ женою и Данило Игнатьевичь съ сыномъ; в) Дунай Ивановичь; г) Сорокъ каликъ со каликою; д) Дюкъ Степановичь; е) Суровецъ-Суздалецъ и ж) Сауръ Ванидовичь или Саулъ Леванидовичь съ сыномъ.

Положено: а) Приступить немедленно къ печатанію 3-го выпуска «Пѣсень,» въ числѣ 1,200 экземпляровъ.

б) Цѣну за экземпляръ назначить по 50 к. сер., а съ пересылкою 75 к. серебромъ.

в) Всѣ распоряженія по печатанію и продажѣ сего изданія, на прежнемъ основаніи, возложить на Д. Чл. П. А. Безсонова.»

---

*) Отпечатаны въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1861-й годъ.

Выпускъ 3.

Богатыри: Иванъ Гостиный сынъ; Иванъ Годиновичь; Данило Ловчанинъ съ женою; Данило Игнатьевичь съ сыномъ; Дунай Ивановичь; Сорокъ каликъ со каликою; Дюкъ Степановичь; Суровецъ-Суздалецъ; Сауръ Ванидовичь или Саулъ Леванидовичь съ сыномъ.

ИВАНЪ ГОСТИНЫЙ СЫНЪ.

*

I.

1.

(Дер. Со́сница, на берегу Селигера, Валд. уѣзда, Новгор. губ.).

Нашему хозяину честь бы была,
Намъ бы, ребятамъ, ведро́ пива было́:
Самъ бы испи́лъ, да и намъ бы поднёсъ.
Мы, ма́лы ребята, станемъ сказывати,
А вы, старички, вы послушайте,
Что про матушку про ши́року про Волгу рѣку́.
Ши́рока рѣка подъ Казань подошла,
А поши́ре подалѣ подъ Астрахань,
Великъ перевозъ подъ Новы́мъ-Городо́мъ.

Бѣгъ выбѣгалъ тутъ насадничикъ *),
Въ этомъ во насадничкѣ сынъ со матерью **).
Пью они ѣдя́, прохлажа́ются ***),
Про́между собою похваляются:
Одинъ похвалился житьёмъ-бытьёмъ,
А другой похвалился молодою женой,
А третій похвалился саблей вострою.

---

*) *Насадъ* или набой, отъ насаживанья или набиванья бортовъ: судно, низъ котораго изъ однодеревки, а съ боковъ приставные досчатые борты.—*О.*

**) Все это начало очевидно взято изъ другой пѣсни.—*Прим. П. В. К.*

***) Крестьянинъ, со словъ котораго эта пѣсня записана, признавался, что онъ ея вполнѣ не помнитъ, и пояснилъ словами, что Иванъ Гостиный сынъ пируетъ въ Кіевѣ у *ласковаго князя Владиміра*, а похваляется передъ его славными богатырями.—*Примѣч. П. В. К.*

Взговорилъ Вáнюшка Гостиный сынъ:
« Ахъ вы братцы, вы бóяры!
« Одинъ похвалился житьёмъ-бытьёмъ,
« Другой похвалился молодою женой,
« Третій похвалился саблей вóстрою:
« А я похвалюсь своимъ бу́рушкой,
« Я похвалюсь своимъ кау́рушкой *)!
« Есть у меня да еще бурушка,
« Есть у меня да кау́рушка,
« Трёхъ годковъ жеребу́шечка:
« Маленькій, космáтенькій,
« Глáзочки какъ яблочки,
« Копы́течки по рѣшéтечку,
« Гривушка семи саженькóвъ,
« Хвостичикъ и семи́десятъ **)!...»
Вотъ они и закладываются,
Не объ стѣ рублей, не объ тысячи,
А просто объ своей буйной гóловы:
Какъ бы съ Кіева до Владиміра,
Выѣхавши отъ заутрени,
Къ рáнней обѣднѣ поспѣть ***).

. . . .

« Ахъ ты бурушко мой, кавурушко!
« Сослужи-тко мнѣ слу́жебку,
« Не царскую, не государскую,
« А мою сóбственную,—
« Поклонюсь я тебѣ во прáвое копытечко:
« Какъ бы съ Кіева до Владимірова
« Съ заутренки къ обѣденкѣ поспѣть!»
— Ахъ ты Вáнюшко, Гостиный сынъ!
— Сослужу я тебѣ слу́жебку

---

*) *Каурый*—лошадиная масть (изъ *курый*, въ сложности *бѣло-курый*, съ поднятымъ звукомъ изъ *у* въ *ау*): желторыжій съ ремнемъ по хребту, хвостъ и грива той же масти.—*О.*

**) Здѣсь, по словамъ пѣвца, пропускъ.—*П. В. К.*

***) Опять пропускъ.—*П. В. К.*

— Не царскую, не государскую,
— А свою собственную:
— Накорми жъ ты меня пшено́й яровою,
— Ты напой меня бѣлой ключевой водой,
— Выведи меня во чисто́е поле,
— Пусти́ меня на травы зелёныя,
— Накорми́ меня траво́й шёлковою,
— Самъ поката́йся и меня покатай *)!

. . . .

— Ахъ ты Ва́нюшко, Гостиный сынъ!
— Выноси́-тко сѣде́личко Черкасское,
— Подтяни́-тко подпру́ги-то шелковыя,
— Садись-ко ты на добра́ коня,
— Подтянись-ко ты подпру́гам'-то шелко́вым' !—

Онъ бѣгомъ побѣга́лъ по пяти́десятъ вёрстъ,
Ско́комъ поскакалъ по семи́десятъ вёрстъ,
Засипѣлъ онъ по змѣи́ному,
Заревѣлъ онъ по звѣри́ному:
Съ горъ желты́ пѣски́ сподыма́лися,
Бѣлая вода всколыха́лася,
Съ теремо́въ шатры **) посваля́лися,
Вси господа́ испужа́лися,
Вси по ка́меннымъ пала́тамъ разбѣжалися.

(Не кончено; записано самимъ П. В—чемъ отъ крестьянина Савелья, 5 Сент. 1839 г. въ Новгородѣ).

*

2.

. . . .

Бѣгомъ побѣжалъ по пятидесятъ верстъ,
Ско́комъ поскакалъ по осьмидесятъ верстъ,
Въ тотъ ли то городъ Кіевскій,
Въ Кіевскій въ Володимірскій:

---

*) Опять пропускъ.—*П. В. К.*
**) *Шатёръ*—крыша.—*П. В. К.*

Вся это вода всколыхалася,
Вси господа испужалися,
Вси по каменнымъ палатамъ разбѣжалися.
Ужь какъ тотъ жеребецъ, сивогривый жеребецъ,
Онъ и тынъ изломилъ, онъ и въ поле ушелъ.

(Отрывокъ того же; записано П. В—чемъ на рожнѣ).

*

3.

(Кирша Даниловъ).

Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго князя Владиміра
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ
На многи князи-бояра,
И на Рускіе могучіе богатыри,
И гости богатые.
Будетъ день въ половину дня,
Будетъ пиръ во полу пирѣ;
Владиміръ князь разпотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
« Гой еси, князи и бояра,
« И всѣ Рускіе могучіе богатыри!
« Есть ли въ Кіевѣ таковъ человѣкъ,
« Ктобъ похвалился на триста жеребцовъ,
« На триста жеребцовъ и на три жеребца похваленые,—
« Сивъ жеребецъ, да кологривъ жеребецъ *),
« И которой полоненъ воронко во Большой ордѣ,
« Полонилъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичь,
« Какъ у молода Тугарина Змѣевича:
« Изъ Кіева бѣжать до Чернигова

---

*) *Кологривъ*—грива на одну сторону.—*О.*

« Два девяноста-то мѣрныхъ верстъ,
« Промежь обѣдней и заутренею?»
Какъ бы меньшой за большаго хоронится,
Отъ меньшаго ему тутъ князю отвѣту нѣту.
Изъ того стола княженецкаго,
Изъ той скамьи богатырскія,
Выступается Иванъ Гостиной сынъ,
И скочилъ на свое мѣсто богатырское,
Да кричитъ онъ, Иванъ, зычнымъ голосомъ:
— Гой еси ты, сударь, ласковой Владиміръ князь!
— Нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ,
— А и быть передъ княземъ невольникомъ.
— Я похвалюсь на триста жеребцовъ,
— И на три жеребца похваленые,—
— А сивъ жеребецъ, да кологривъ жеребецъ,
— Да третій жеребецъ полоненъ воронкô.
— Да которой полоненъ во Большой ордѣ,
— Полонилъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
— Какъ у молода Тугарина Змѣевича:
— Ѣхать дорога не ближняя,
— И скакать изъ Кіева до Чернигова,
— Два девяноста-то мѣрныхъ верстъ,
— Промежу обѣдни и заутрени,
— Ускоки давать конины,
— Что выметывать раздолья широкія *).
— А бьюсь я, Иванъ, о великъ закладъ,
— Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ—
— О своей буйной головѣ.—
За князя Владиміра держатъ поруки крѣпкія
Всѣ тутъ князи и бояра, туто, де, гости корабельщики,
Закладу они за князя кладутъ на сто тысячей;
А никто, де, тутъ за Ивана поруки не держитъ,—
Пригодился тутъ владыка Черниговской,
А и онъ-то за Ивана поруку держитъ,
Тѣ онъ поруки крѣпкія, крѣпкія на сто тысячей—
Подписалися.

*) Выметывать изъ подъ себя, перескакивать цѣлыя долины.—О.

Молодой Иванъ Гостиной сынъ
Онъ выпилъ чару зелена вина въ полтора ведра,
Походилъ онъ на конюшню бѣлодубову
Ко своему доброму коню къ бурочкѣ,
Косматочкѣ, троелѣточкѣ,
Падалъ ему въ правое копытечко,
Плачетъ Иванъ, что рѣка течетъ:
« Гой еси ты, мой доброй конь,
« Бурочко, косматочко, троелѣточко!
« Про то ты вѣдь не знаешь, не вѣдаешь,
« А пробилъ я, Иванъ, буйну голову свою
« Со тобою добрымъ конемъ.
« Бился съ княземъ о великъ закладъ,
« А не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
« Бился съ нимъ о стѣ тысячей,
« Захвастался на триста жеребцовъ,
« А на три жеребца похваленые,—
« Сивъ жеребецъ, да кологривъ жеребецъ,
« И третій жеребецъ полоненъ воронко:
« Бѣгати-скакать на добрыхъ на коняхъ
« Изъ Кіева скакать до Чернигова,
« Промежу обѣдни, заутрени,
« Ускоки давать конины,
« Что выметывать раздолья широкія.»
Провѣщится ему доброй конь бурочко,
Косматочко, троелѣточко,
Человѣческимъ Рускимъ языкомъ:
— Гой еси, хозяинъ ласковой мой!
— Ни о чемъ ты, Иванъ, не печалуйся:
— Сива жеребца—того не боюсь,
— Кологрива жеребца—того не блюдусь,
— Въ задоръ пойду—у воронка уйду;
— Только меня води по три зари,
— Медвяною сытою пои
— И сорочинскимъ пшеномъ корми.
— И пройдутъ тѣ дни срочные,
— И тѣ часы урочные,
— Придетъ отъ князя грозенъ посолъ

— По тебя-то Ивана Гостинаго.
— Чтобы бѣгати-скакати на добрыхъ на коняхъ,—
— Не сѣдлай ты меня, Иванъ, добра коня,
— Только берись за шелковъ поводокъ,
— Поведешь по двору княженецкому,
— Вздѣнь на себя шубу соболиную,
— Да котора шуба въ три тысячи,
— Пуговки въ пять тысячей.
— Поведешь по двору княженецкому,
— А стану, де, я, бурка, передомъ ходить,
— Копытами за шубу посапывати,
— И по черному соболю выхватывати,
— На всѣ стороны побрасывати,—
— Князи-бояра подивуются,
— И ты будешь живъ—шубу наживешь,
— А не будешь живъ, будто нашивалъ *).—

По сказанному и по писанному:
Отъ великаго князя посолъ пришелъ,
А зоветъ-то Ивана на княженецкой дворъ.
Скоро, де, Иванъ наряжается,
И вздѣвалъ на себя шубу соболиную,
Которой шубѣ цѣна три тысячи,
А пуговки вальящатыя **) въ пять тысячей;
И повелъ онъ коня за шелковъ поводокъ.
Онъ будетъ, де, Иванъ, середи двора княженецкаго,
Сталъ его бурко передомъ ходить
И копытами онъ за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
Онъ на всѣ стороны побрасывати:
Князи и бояра дивуются,
Купецкіе люди засмотрѣлися;
Зрявкаетъ бурко по туриному,

---

*) Пословица понынѣ: «Поживешь—шубу наживешь, а не наживешь—будто нашивалъ.—*О.*

**) Рѣзныя, чеканеныя толстой работы, въ противуположность работѣ *обронной.—О.*

Онъ шипъ пустилъ по змѣиному,—
Триста жеребцовъ испугалися,
Съ княженецкаго двора разбѣжалися:
Сивъ жеребецъ двѣ ноги изломилъ,
Кологривъ жеребецъ тотъ и голову сломилъ,
Полоненъ воронкô въ Золоту орду бѣжитъ,
Онъ хвостъ поднявъ, самъ всхрапываетъ;
А князи-то и бояра испужалися,
Всѣ тутъ люди купецкіе,
Окарачь они по двору наползалися;
А Владиміръ князь со княгинею печаленъ сталъ,
. . . .
Кричитъ самъ въ окошечко косящатое:
« Гой еси ты, Иванъ Гостиной сынъ!
« Уведи ты уродья со двора долой:
« Просты поруки крѣпкія *), записи всѣ изодраныя. »
Втапоры владыка Черниговскій,
У великаго князя на почестномъ пиру,
Велѣлъ захватить три корабля на быстромъ Днѣпрѣ,
Велѣлъ похватить корабли
Съ тѣми товары заморскими,
— А князи, де, и бояра никуда отъ насъ не уйдутъ.—

(Ср. ниже начало пѣсни о Дунаѣ).

* *
*

*) Упразднены, порѣшены; въ закладѣ говорятъ: « рублемъ простъ буду », — ставлю рубль, и рубль отданый порѣшитъ, опроститъ, развяжетъ руки заложившихся объ рублѣ.— *О.*

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

I.

1.

(Шенкурскій уѣздъ).

Во славномъ было городѣ во Кіевѣ,
У того же у князя у Владиміра,
Собиралъ Владиміръ князь славный пиръ,
Славный пиръ, почестенъ столъ,
Назвалъ на пиръ всѣхъ князей-бояровъ,
Еще всѣхъ могучихъ богáтыревъ.
Всѣ на пиру пьяны-веселы,
Всѣ на пиру прирасхвастались:
Иной хвастаетъ золотой казной,
Иной похвасталъ чистымъ сéребромъ,
Иной похвасталъ скатнымъ женчугомъ,
Иной похваляется добрымъ конемъ.
Тутъ сидитъ Иванушко Годиновичъ,
Онъ сидитъ, не пьетъ не кушаетъ,
Бѣлой лебеди Иванъ не рушаетъ.
Что на это Владиміръ князь слово говоритъ,
Говоритъ Владиміръ князь, какъ въ трубу трубитъ:
«Ужь ты гой еси, Иванушко Годиновичъ!
«Ужь ты чтò же сидишь, не пьешь не кушаешь,
«Ты почто бѣлой лебеди не рушаешь?
«Ужь и я ль обнесъ тебя золотой казной,
«Я ль обнесъ тебя братыней пьяною?»
На это Иванушко отвѣтъ держитъ:
— Не обнесъ ты меня царóй *) казной,
— Не обнесъ ты меня братыней пьяною.—

*) Такъ.— *О.*

На это ласковъ князь рѣчь говорилъ:
« Что ты, что ты, Иванушко Годиновичь,
« Что ты, что ты сидишь—ни чѣмъ не хвастаешь?»
На это Годиновичь отвѣтъ держитъ:
— Ужь ты гой еси, ласковъ Владимiръ князь!
— Ты позволь-ко мнѣ-ка слово молвити:
— Не изволь меня при всемъ столѣ казнить,
— Не изволь меня при всѣхъ князьяхъ рубить.—
На это ласковъ князь рѣчь говоритъ:
« Говори ты, Иванушко, безъ опасности,
« Говори ты, Годиновичь, безъ великiя.»
Проговорилъ Иванушко Годиновичь:
— Что во нашемъ во городѣ во Кiевѣ,
— Что у насъ въ слободѣ въ Ерусалимскiя,
— У насъ нѣтъ молодцевъ, удалыхъ Суздальцевъ *),
— У насъ нѣтъ дѣвицъ—бѣлыхъ лебедей:
— У насъ молодцы приженилися,
— У насъ дѣвицы за мужь выданы,
— Я одинъ, добрый молодецъ, холостъ хожу.—
На это ласковъ князь слово вымолвилъ:
« Ужь ты гой еси, Иванушко Годиновичь!
« Ты поди-ко, Иванъ, на конюшiй дворъ,
« Ты бери жеребца съ девяти цѣпей,
« Надѣвай-ко сбруду **) богатырскую,
« Поѣзжай-ко ты, куда хочется,
« Ты бери себѣ жену, гдѣ можется:
« Хоть у того царя, у царевича,
« Хоть у того короля, у королевича,
« Хоть у того у купца богатаго,
« Хоть у того у попа простоволосаго,
« Хоть у того у мужика у подлаго ***).»
Показалося Ивану за досадушку,
Показалося ему за бѣду великую:
— Мнѣ не надо у царя, у царевича,

---

*) Ср. ниже богатыря « Суздальца.»—*О.*

**) Збрую.—*О.*

***) Низкаго, изъ нисшаго сословiя.—*О.*

— Мнѣ не надо у короля, у королевича,
— Мнѣ не надо у купца богатаго,
— Мнѣ не надо у попа простоволосаго,
— Мнѣ не надо у крестьянина поддлаго;
— Я возьму ли себѣ, возьму сужену,
— Что во томъ ли въ городѣ во Черниговскомъ,
— У того ли у короля у Чернигова;
— У него есть Авдотья, Лебедь бѣлая:
— Она ростомъ не мала, умомъ крѣпка,
— У ей лицо бѣло, какъ осённый *) снѣгъ,
— У ей брови черны, какъ у соболя,
— У ей очи ясны, какъ у сокола.—
На это ласковъ князь Владиміръ рѣчь говорилъ:
« Ужь ты гой еси, Иванушко Годиновичъ!
« Не бери ты во городѣ во Черниговѣ,
« У того у царя у Чернигова:
« У него есть Авдотья, Лебедь бѣлая,
« Она ростомъ не мала, да умомъ слаба;
« У нее лицо бѣло, какъ осённый снѣгъ,
« У нее брови черны, какъ у соболя,
« У нее очи ясны, какъ у сокола.»

Показалося Иванушку за досадушку:
Выходилъ Иванъ изъ дубá-стола,
Изъ за тѣхъ скатертей изъ за бéрчатыхъ **);
Ни съ кѣмъ добрый молодецъ не прощается,
Онъ двери отпираетъ широко, нá пяту,
Онъ двери запираетъ крѣпко нá крѣпко:
Дубовыя ободверины пóкосилъ.
Говоритъ ему на это Владиміръ князь:
« Ужь ты гой еси, Иванушко Годиновичъ!
« Тебѣ много ли надо золотой казны,
« Тебѣ много ли надо силы (арміи),
« Тебѣ много ли надо сильныхъ богáтырёвъ?»
— Мнѣ не надо твоей золотой казны,

*) Первый.— О.
**) Браныхъ, въ которыхъ перебираются нитки для узора).— О.

— Мнѣ не надо твоей силы (арміи),
— Мнѣ не надо твоихъ богатыревъ.—

Походилъ Иванъ на конюшій дворъ,
Онъ бралъ жеребца съ девяти цѣпей,
Надѣвалъ узду богатырскую,
Онъ бралъ съ собой саблю широкую,
Онъ бралъ съ собой востро копье,
Онъ бралъ съ собой палку буевую *),
Захватилъ на попутьѣ булатный ножь.
Видѣли Ивана, какъ коня сѣдлалъ,
Не видали поѣздочки богатырскія,
Только взглянутъ: въ чистомъ полѣ курева стоитъ **).
Поѣхалъ Иванъ по чисту полю,
Онъ доѣхалъ до рѣченьки бродовыя,
Переѣхалъ за рѣченьку бродовую,
Онъ заѣхалъ во городъ во Черниговскій,
Онъ пріѣхалъ ко царю ко Чернигову.

Онъ заѣхалъ къ царю на широкій дворъ,
Онъ поставилъ коня не привязавши.
Походилъ Иванъ на крылечушко,
Со крылечушка во новы сѣни,
Со новыхъ сѣней во свѣтлу гряду ***).
Онъ двери отпиралъ широко — на пяту,
Онъ двери запиралъ крѣпко на крѣпко:
Дубовое ободвѣренье онъ покосилъ.
Онъ крёстъ кладетъ по писаному,
Поклонъ кладетъ по ученому,
Онъ молится Спасу Пречудному.
«Ужь ты здравствуй, царь со царицею,
«Ужь ты здравствуй, царь, все Черниговецъ!»
На это Черниговецъ отвѣтъ держитъ:

---

*) Палицу боёвую.—*О.*

**) Пыль столбомъ.—*О.*

***) Обыкновенно—«во свѣтлу *гридню.*» *Гряда* нынче—воронецъ, поперечное бревно, на которомъ лежатъ палати, отъ стѣны до печнаго голубца. Отсюда, черезъ слово *греда*, образовалась *гридня:* покой съ палатями (въ ней упоминаются по пѣснямъ именно «богатырскія палати»), гдѣ сидѣли богатыри, *гридь*, слуги,—*людская;* она же, прямо изъ сѣней, была *пріемною.*—*О.*

— Ужь ты здравствуй, Иванушко Годиновичь!
— Ты пріѣхалъ ко мнѣ все по старому,
— Все по старому, по бывалому,
— Что во тѣ ты во ключнички во столовые?—
На эту рѣчь Иванушко въ отвѣтъ сказалъ:
« Я пріѣхалъ къ тебѣ не по старому,
« Не по старому пріѣхалъ, не по прежнему,
« Не во тѣ во ключнички во столовые,
« Я пріѣхалъ къ тебѣ сватомъ свататься:
« Ты отдай за меня Авдотью, Лебедь бѣлую!»
Говоритъ Черниговецъ таковы рѣчи:
— Ужь ты что ты, Иванушко Годиновичь!
— У меня вѣдь Авдотьюшка засватана,
— Засватана Авдотья, запоручена,
— Что во ту ли во орду во невѣрную,
— За того ли за Одолища *) поганаго.—
На эти рѣчи Иванушка отвѣтъ держитъ:
« Ужь ты гой еси, царь Черниговецъ!
« Отдавай за меня Авдотью, Лебедь бѣлую:
« Ужь ты чёстно не дашь,—за боёмъ возьму,
« Ужь я тѣмъ кроволитьицемъ великіимъ.»
— Ужь ты гой еси, Иванъ Годиновичь!
— У меня, право, Авдотьюшка засватана,
— Засватана Авдотья, запоручена,
— Что во ту ли во орду во невѣрную,
— За того ли Одолища за поганаго.—

Тутъ пошелъ Иванъ изъ свѣтлой гряды,
Изъ свѣтлой гряды пошелъ по новымъ сѣнямъ,
Изъ новыхъ сѣней пошелъ во другу гряду,
Онъ двери отпиралъ широко—нá пяту,
Онъ двери запиралъ крѣпко нá крѣпко.
Онъ крестъ кладетъ по писáному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Молится Спасу Пречудному.
« Ужь ты здравствуй, Авдотья, Лебедь бѣлая!»
Тутъ сидитъ Авдотья, полотенце ткётъ.

*) Идолища.—*О.*

На головкѣ у Авдотьи бѣлы лебеди,
На лѣвомъ плечѣ у ней черны собыли,
На правомъ плечѣ сидятъ ясны соколы,
На прошéстяхъ *) у Авдотьи сизы голуби,
На подножкахъ **) у Авдотьи черны вóроны.
— Ужь ты здравствуй, Иванъ, свѣтъ Годиновичь!—
Выходила Авдотья изъ тонка полотнá ***),
Она брала Ивана за бѣлы руки,
Цаловала-миловáла во сахарныя уста.
На это Иванъ не замѣшкался:
Повелъ онъ Авдотью изъ свѣтлой гридьі,
Онъ повелъ Авдотью по новымъ сѣнямъ.
Еще тутъ ли Авдотьюшка росплáкалáсь:
— Ты умѣлъ меня, батюшка, вспоить-вскормить,
— Ты умѣлъ меня, батюшка, высоко взростить, —
— Не умѣлъ меня, батюшка, за мужь выдати,
— Безъ того кроволитьица великаго!—
На эту рѣчь Черниговецъ отвѣтъ держитъ:
«« Ужь ты что же, Иванушка Годиновичь,
«« Хлѣба-соли со мной не покушаешь?»»
Отвѣчаетъ Иванъ Годиновичь:
« На пріѣздѣ ты гóстя не отпотчивалъ,—
« На поѣздѣ тѣ гостя не отпотчиватъ!»
Садилъ Авдотью на добра коня,
Поѣзжалъ Иванъ во чисто поле;
Онъ доѣхалъ до рѣченьки бродовыя,
Переѣхалъ рѣченьку бродовую,—
Пристигала его темная ноченька.
Онъ разставилъ шатеръ бѣлый, камчаточный,
Повалился въ шатри съ своей Авдóтьюшкой.
Мало по малу, да въ скорѣ времени
Доходили вѣсточки до Одóлища.
Походилъ Одолище во конюшій дворъ,
Онъ бралъ жеребца съ девяти цѣпей,

*) *Прошéсть*—основа, утóкъ, то, что ткутъ.—*О.*
**) У ткацкаго станка.—*О.*
***) Изъ за ткапья.—*О.*

Надѣвалъ сбруду богатырскую,
Бралъ съ собой саблю широкую,
Бралъ съ собой востро копье,
Бралъ съ собой палку буёвую;
Захватилъ на попутьѣ булатный ножъ;
Тутъ поѣхалъ Одолище во чисто поле,
Онъ доѣхалъ до города до Чернигова,
Ко тому ли царю ко Чернигову.
Онъ заѣхалъ къ царю во широкій дворъ,
Закрычалъ своимъ громкимъ голосомъ:
— Ужь ты гой еси, царь, вольный Черниговецъ,
— У тебя дома ли Авдотья, Лебедь бѣлая?—
Что на это Черниговецъ догаденъ былъ,—
Выходилъ Черниговецъ изъ свѣтлой гряды,
Выходилъ Черниговецъ на новы сѣни,
Со новыхъ сѣней на крылечушко,
Говорилъ Черниговецъ таковы рѣчи:
« У меня нѣтъ Авдотьи, Бѣлой лебеди,
« У меня былъ Иванушка Годиновичь,—
« Увезъ Авдотью, Лебедь бѣлую.»

На это Одолище не замѣшкался:
Поѣзжалъ Одолище во чисто поле,
Доѣхалъ до рѣченьки до бродовы,
Переѣхалъ рѣченьку бродовую,—
Онъ увидѣлъ шатеръ бѣлый, камчаточный,
Онъ скрычалъ-зычалъ зычнымъ голосомъ:
— Кто есть живъ въ шатрѣ въ тонкомъ, камчатномъ,
— Кто есть живъ въ шатрѣ, тотъ поди сюда!—
На это Иванушка послушался:
Ото сна встаетъ добрый молодецъ, пробуждается,
Выходитъ Иванъ изъ бѣла шатра,
Умывается водой свѣжей, ключевою,
Онъ терся полотенцемъ тонкимъ, камчатечнымъ,
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Онъ молится Спасу Пречудному.
Походитъ Иванъ ко добру коню,

Оболокаетъ сбру́ду богатырскую,
Беретъ съ собой саблю широкую,
Беретъ съ собой остро копье,
Беретъ съ собой палку буе́вую;
Поѣхалъ Иванъ ко Одолищу.
Разъѣзжалися братаны на у три́ версты,
Они съѣхались, братаны, поздоровались,
Они саблями ударились широкими,
И тутъ другъ друга не ранили.
Что разъѣхались братаны на у три́ версты,
Они съѣхались, братаны, поздоровались,
Они копьями ткнулися бержемецкими *),
Они еще, братаны, другъ друга не доса́дили.
Что разъѣхались братаны на у три версты,
Они съѣхались, братаны, поздоровались,
Они палками кинулись буе́выми:
Попала Одолищу по го́ловы,—
Улеталъ Одолище со добра коня.
На это Иванушка догадливъ былъ:
Соскочилъ Иванъ со добра коня,
Перескочилъ гриву лошади́ную,
Навалился Одолищу на черны груди,
Разстегаетъ петельки шелковыя,
Отстегаетъ пуговки однозоло́тныя **),
Хочетъ спороть груди черныя,
Хочетъ вынуть ретиво сердце;
Позабылъ во шатрѣ свой булатный ножъ;
Онъ скрычалъ своимъ громкимъ голосомъ:
« Ужь ты гой еси, Авдотья, Лебедь бѣлая!
« Ты кинай-ко ***) булатный ножъ изъ бѣла шатра:
« Надо пороть Одолищу черны груди,
« Надо вымать у Одолища ретиво сердце.»
На это Авдотьюшка ослышалась ****):
Приносила изъ шатра его булатный ножъ.
Увидалъ Одолище поганое,

*) Мурзамецкими.—*О.*
**) Изъ одного, чистаго золота.—*О.*
***) Кидай.—*О.*
****) Послушалась.—*О.*

Заговорилъ Одолище таковы слова:
— Ужь ты гой еси, Авдотья, Лебедь бѣлая!
— Ты кинай ножишко далече во чисто поле,
— Ты бери-ко Ивана за русы кудри,
— Согони́ Иванушка съ Одолища!—
Что на это Авдотья ослы́шалася:
Кина́ла булатный ножь въ чисто поле,
Она брала Ивана за русы кудри,
Воротила Иванушка съ Одолища.
Еще тутъ-то Одолище на верхъ попалъ:
Навалился къ Ивану на бѣлы груди,
Разстегаетъ онъ петельки шелковыя,
Отстегаетъ онъ пуговки однозолотныя,
Онъ хочетъ пороть груди бѣлыя,
Онъ хочетъ выма́ть ретиво сердце,
Онъ вымаетъ изъ ножней свой булатный ножь.
Сожалѣлася Авдотьюшка объ Иванушкѣ,
Сама го́воритъ таковы рѣчи:
«« Ой ты гой еси, Одолище поганое!
«« Не пори у Ивана бѣлыхъ грудей,
«« Не выма́й у Ивана ретива сердца:
«« Мы возмемъ-ка Иванушка да свяжемъ здѣсь,
«« Еще той свяжемъ плетью шелковою,
«« Шелковою плеточкой, троесу́чною *),
«« Мы привяжемъ Ивана ко сыру дубу!»».
Пристигала ихъ темна ноченька:
Повалился Одолище въ тонко́й шатеръ,
Повалился Одолище съ Авдотьюшкой.
Поутру онъ вставаетъ ранехонько,
Выходитъ Одолище изъ бѣла шатра.
Прилетѣли на сырой дубъ два голубя,
Увидалъ ихъ Одолище поганое,
Проговорилъ Одолище таковы рѣчи:
— Ужь ты взглянь-ко, Авдотья, Лебедь бѣлая,
— Прилетѣли на сырой дубъ два голубя!—
На это Авдотьюшка отвѣтила:

*) Въ три сука сученою.— *О.*

«« Ужь ты гой еси, Одолище поганое!
«« Ты устрѣ́ль-ко мнѣ сиза голубя:
«« Захотѣла я здѣсь голубятины.»»
На это Одолище ослы́шался:
Заряжаетъ стрѣлу, стрѣлу вострую,
Выпущаетъ свою стрѣлу каленую,
Онъ самъ стрѣлѣ наказываетъ,
Онъ самъ стрѣлѣ наговариваетъ:
— Ты пади, стрѣла, не на воду, не на́ землю,
— Ты пади, стрѣла, во дубъ-древо,
— Изъ сыра дуба въ сиза голубя,
— Сизу голубю пади ты во право око!—
Она пала не на воду, не на землю,
Она пала во матерое въ дубъ-древо,
Отскочила отъ дуба Одолищу въ черны груди,
Изъ черныхъ грудей въ ретиво сердце:
Тутъ-то Одолище окончился.
Еще тутъ-то Авдотьюшка расплакалась:
«« Отъ того ли бе́режка отъѣхала,
«« До другаго бережка не доѣхала!»»
Взмолился Иванушко Авдотьюшкѣ:
— Ужь ты гой еси, Авдотья, Лебедь бѣлая!
— Отвяжи меня, Авдотья, отъ сыра дуба,
— Не положу я на тебя большой вины,
— Только дамъ науче́ньице по женскому.—
Что на это Авдотья не ослышалась:
Она бра́ла себѣ саблю вострую,
Она хочетъ срубить Ивану голову,
Она мѣтитъ Ивану по бѣлой шеѣ:
Заторча́ли *) Авдотьюшки бѣлы ручушки,
Не попала Ивану по бѣлой шеѣ,
Попадала по плеточкѣ по шелковой,
Пересѣкла плеточку шелковую.

Тутъ добрый молодецъ на волѣ сталъ,
Садилъ Авдотью на добра коня,

*) Задрожали.— О.

Поѣхалъ Иванушка во чисто поле,
Самъ говоритъ таковы рѣчи:
« Ужь ты гой еси, Авдотья, Лебедь бѣлая!
« Ты сходи-ко на рѣченьку бродовую,
« Принеси-ко ты воды свѣжей ключевыя:
« На этомъ на мѣстечкѣ испить хочу!»
На это Авдотья рѣчь говорила:
— Ужь ты гой еси, Иванушка Годиновичь!
— Ты не пить хочешь, хочь меня губить!—
Показалося Ивану за досадушку,
Показалося ему за бѣду великую:
Онъ срубилъ Авдотьѣ буйну голову,
По локо́тъ отсѣкъ онъ ручку правую,
Самъ говорилъ таковы рѣчи:
« Обнимала Одолища поганаго!»
По колѣно отсѣкъ лѣву ноженьку,
Самъ говорилъ таковы рѣчи:
« Оплетала ты Одолища поганаго!»
Онъ самъ себѣ наговариваетъ:
« Я женился, добрый молодецъ, мнѣ-ка не съ кѣмъ спать!»

Поѣзжалъ онъ во городъ во Кіевскій,
Въ ту слободу Ерусалимскую,
Въ стрѣту ладятъ *) ему князья-бояра,
Встрѣчаютъ молодца, усмѣхаются:
«« Ты женился, добрый молодецъ, тебѣ не съ кѣмъ спать!»»
На это Иванушко отвѣтъ несетъ:
« Ой вы гой есте, братцы-товарищи!
« Вѣдь не всякому, братцы, женитьба издавается **)!»

(Записано А. Харитоновымъ и доставлено В. И. Далемъ).

*

*) Угодили, пригодились, попадаются.— *О.*

**) Удается.— *О.*

2.

(Кирша Даниловъ).

Во стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова, осударь, князя Владиміра вечеринка была,
На пиру у него сидѣли честныя вдовы.
Пригодился тутъ Иванъ Годиновичь,
И проговоритъ ему стольной Кіевской Владиміръ князь:
« Гой еси, Иванъ ты Годиновичь!
« А за чѣмъ ты, Иванушка, не женишься?»
Отвѣчаетъ Иванъ сынъ Годиновичь:
— Радъ бы, осударь, женился, да не гдѣ взять:
— Гдѣ охота брать, за меня не даютъ,
— А гдѣ-то подаютъ, ту я самъ не беру.—
А проговоритъ ласковой Владиміръ князь:
« Гой еси, Иванъ сынъ Годиновичь!
« А садися ты, Иванъ, на remенчатъ стулъ,
« Пиши ярлыки скорописчаты *).»
И садился тотчасъ Иванъ на ременчатъ стулъ,
Написалъ ярлыкъ скорописчатой,
О добромъ дѣлѣ, о сватаньѣ,
Къ славному городу Чернигову,
Къ Дмитрію гостю богатому;
Написалъ онъ ярлыкъ скорописчатой,
А Владиміръ князь ему руку приложилъ.
« А не ты, Иванъ, поѣдешь свататься,
« Сватаюсь я, де, Владиміръ князь.»

А скоро, де, Иванъ снаряжается,
А скоря **) того поѣздку чинитъ
Ко городу Чернигову.
Два девяносто-то мѣрныхъ верстъ
Переѣхалъ Иванушка въ два часа.
Сталъ онъ, Иванъ, на гостинномъ дворѣ,
Скочилъ онъ, Иванъ, со добра коня;
Привязавши коня къ дубову столбу,

*) Грамоты.— *О.*
**) Скорѣй.— *О.*

Походилъ во гридню во свѣтлую,
Спасову образу молится,
Онъ Дмитрію гостю кланяется,
Положилъ ярлыкъ скорописчатой на круглой столъ.
Димитрій гость разпечатываетъ и разсматриваетъ,
Просматриваетъ и прочитываетъ:
— Глупой Иванъ, неразумной Иванъ!
— Гдѣ ты, Иванушка, перво былъ?
— Нонѣ Настасья просватана,
— Душа Дмитревна запоручена
— Въ дальну землю Загорскую,
— За царя Афромея Афромеевича.
— За царя отдать—ей царицею слыть,
— Пановя всѣ поклонятся,
— Пановя и улановья,
— А Нѣмецкихъ языковъ счету нѣтъ;
— За тебя, Иванъ, отдать—холопкой слыть,
— Избы мести, заходы скрести.—
Тутъ Иванушкѣ за бѣду стало,
Схватя ярлыкъ, Иванъ, да и вонъ побѣжалъ.

Садился Иванъ на добра коня,
Побѣжалъ онъ ко городу ко Кіеву;
Скоро Иванъ на дворъ прибѣжалъ,
И приходитъ онъ во свѣтлу гридню
Ко великому князю Владиміру,—
Спасову образу молится,
А Владиміру князю кланяется.
Вельми онъ, Иванъ, закручинился.
Сталъ его Владиміръ князь спрашивати,
А сталъ Иванъ разсказывати:
« Былъ я у Дмитрія во дому,
« Положилъ ярлыкъ на круглой столъ,
« Дмитрій гость не задерживалъ меня въ томъ,
« Скоро ярлыки прочитывалъ
« И говорилъ таковы слова:
«— Глупой ты, де, Иванъ, неразумной Иванъ!
«— Гдѣ ты, Иванушка, перво былъ?
«— Нонѣ Настасья просватана

«— Въ дальну землю Загорскую,
«— За царя Афромея Афромеевича;
«— За царя, де, ее отдать—царицею слыть,
«— Пановя всѣ поклонятся,
«— Пановя всѣ и улановья,
«— А Нѣмецкихъ языковъ счету нѣтъ;
«— За тебя, де, Иванъ, отдать—холопкой слыть,
«— Избы мести, да заходы скрести.—»
Тутъ ему князю за бѣду стало,
Рветъ на главѣ черны кудри свои,
Бросаетъ ихъ о кирпищетъ полъ:
— Гой еси, Иванъ Годиновичь!
— Возьми ты у меня князя сто человѣкъ
— Рускихъ могучихъ богатырей,
— У княгини ты бери другое сто,
— У себя, Иванъ, третье сто;
— Поѣзжай ты о добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ,
— Честью не дастъ, ты и силою бери.—

Скоро молодцы тѣ собираются,
А скоря того поѣздку чинятъ,
Поѣхали къ городу Чернигову;
А и только переѣхали быстраго Днѣпра,
Выпала пороха снѣгу бѣлаго.
По той по порохѣ, по бѣлу снѣгу,
И лежатъ три слѣда звѣриные:
Первой слѣдъ гнѣдаго тура,
А другой слѣдъ лютаго звѣря,
А третій слѣдъ дикаго вепря.
Сталъ онъ Иванъ разъясачивати *):
Послалъ онъ за гнѣдымъ туромъ сто человѣкъ
И велѣлъ поимать его бережно,
Безъ той раны кровавыя;
И за лютымъ звѣремъ послалъ другое сто,
И велѣлъ изымать его бережно,
Безъ той раны кровавыя;
И за дикимъ вепремъ послалъ третье сто,

*) Дѣлать нарядъ, разряжать молодцовъ по отрядамъ.—О.

А велѣлъ изымать его бережно,
Безъ тоя раны кровавыя,
И привесть ихъ во стольной Кіевъ градъ
Ко великому князю Владиміру.
А самъ онъ, Иванъ, поѣхалъ единый во Черниговъ градъ.

И будетъ Иванъ во Черниговѣ,
А у Дмитрія гостя богатаго,
Скачетъ *) Иванъ середи двора,
Привязалъ коня къ дубову столбу,—
Походилъ онъ во гридню свѣтлую,
Къ Дмитрію гостю богатому,
Спасову образу молится,
Дмитрію гостю не кланяется;
Походилъ за занавѣсу бѣлую
Онъ къ душкѣ Настасьѣ Дмитревнѣ.
А тутъ у Дмитрія гостя богатаго
Сидятъ мурзы-улановья,
По нашему Сибирскому дружки словутъ.
Привезли они платьице цвѣтное,
Что на душку Настасью Дмитревну,
Платья того на сто тысячей,
Отъ царя Афромея Афромеевича;
А самъ царь Афромей Афромеевичь
Онъ отъ Чернигова въ трехъ верстахъ стоитъ;
А силы съ нимъ три тысячи.
Молодой Иванушка Годиновичь
Онъ изъ за занавѣсу бѣлаго
Душку Настасью Дмитревну
Взялъ за руку за бѣлую,
Потащилъ онъ Настасью, лишь туфли звенятъ.
Что взговоритъ ему Дмитрій гость:
— Гой еси ты, Иванушка Годиновичь!
— Суженое пересуживаешь,
— Ряженое переряживаешь:
— Можно тебѣ взять не гордостью,
— Веселымъ пиркомъ, свадебкой.—

*) Слѣзаетъ (вскочить—взлѣзть).—О.

Только Иванъ слово выговорилъ:
« Гой еси ты, славной Дмитрій гость!
« Добромъ мы у тебя сваталися,
« А сватался Владиміръ князь;
« Не могъ ты честью мнѣ отдать,—
« Нонѣ беру и не кланяюсь.»
Вытащилъ ее середи двора,
Посадилъ на добра коня,
И самъ метался въ седѣлечко Черкесское.
Некому бѣжать во Кіевъ градъ,
За молодомъ Иванушкомъ Годиновичемъ;
Переѣхалъ онъ, Иванъ, девяносто верстъ.
Поставилъ онъ, Иванъ, тутъ свой бѣлъ шатеръ,
Развернулъ ковры сорочинскіе,
Послалъ потнички *) бумажные,
Изволилъ онъ, Иванъ, съ Настасьею опочивъ держать.

Донеслась скоро вѣстка нерадошна
Царю Афромею Афромеевичу;
А пріѣхали мурзы, улановья,
Телячьимъ языкомъ разсказываютъ:
«« Изъ славнаго, де, города изъ Кіева,
«« Прибѣжалъ удалъ молодецъ,
«« Увезъ твою противницу **) Настасью Дмитревну.»»
Царь Афромей Афромеевичъ
Скоро онъ вражбу чинилъ:
Обернется гнѣдымъ туромъ,
Чистыя поля туромъ перескакалъ,
Темные лѣса соболемъ пробѣжалъ,
Быстрыя рѣки соколомъ перелеталъ,—
Скоро онъ сталъ у бѣла шатра.
А и тутъ царь Афромей Афромеевичъ
Закричалъ, заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
— Гой еси, Иванушка Годиновичъ!
— А и ты суженое пересуживаешь,
— Ряженое переряживаешь:
— Почто увезъ ты Настасью Дмитревну?—

*) Подстилки подъ сѣдло, чтобы не тереть лошади.— О.

**) Ровню, сверстницу, дружку, что пришлась кому, сербск. « слика и прилика.»— О.

А скоро Иванъ выходитъ изъ бѣла шатра,
Говорилъ тутъ Ивапушка Годиновичь:
« Гой еси, царь Афромей Афромеевичь!
« Станемъ мы съ тобою боротися,
« А большинѣ *), что кому наша Настасья достанется. »
И схватилися они тутъ боротися.
Что, де, ему царю дѣлати
Со молодымъ Иваномъ Годиповичемъ **)?
Согнетъ онъ царя корчагою,
Опустилъ онъ о сыру землю:
Царь Афромей Афромеевичь
Лежитъ на земли, свѣту не видитъ.
Молодой Иванъ Годиновичь
Онъ ушелъ за кустикъ мочитися;
Царь Афромей едва пропищалъ:
— Думай ты, Настасья, не продумайся!
— За царемъ за мною быть—царицею слыть,
— Пановя всѣ поклонятся,
— Пановя всѣ, улановья,
— А Нѣмецкихъ языковъ счету нѣтъ;
— За Иваномъ быть—холопкой слыть,
— А избы мести, заходы скрести.—
Приходитъ Иванъ ко бѣлу шатру,
Напустился съ нимъ опять боротися,
Схватилися они руками боротися;
Душка Настасья Дмитревна
Изымала Ивана Годиновича за ноги,
Тутъ его двое и осилили,
Царь Афромей на грудяхъ сидитъ,
Говоритъ таково слово:
— А и нѣтъ чингалища ***) булатнаго,
— Нечѣмъ пороть груди бѣлыя.—
Только лишь царь слово выговорилъ:
— Гой еси ты, Настасья Дмитревна!
— Подай чембуръ ****) отъ добра коня.—

*) Кто кого пересилитъ, чья будетъ сила и большина: *о большинѣ*.— *О*.
**) На оборотъ: « Что Ивану дѣлать съ царемъ?»— *О*.
***) Кинжалища.— *О*.
****) Третій поводъ: ср. вып. 1-й, стр. 73.— *О*.

И связали Ивана руки бѣлыя,
Привязали его ко сыру дубу.
Царь Афромей въ шатеръ пошелъ,
Сталъ съ Настасьею поигривати,
А назолу даетъ *) ему молоду Ивану Годиновичу.
По его было талану добра молодца,
А и молода Ивана Годиновича,
Первая высылка изъ Кіева бѣжитъ,
Ровно сто человѣкъ:
Прибѣжали ко тому бѣлу шатру,
Будто зайца въ кустѣ изъѣхали:
Спиря скочилъ, тотъ поспириваетъ,
Сёма прибѣжалъ, тотъ посёмываетъ;
Которы молодцы они поглавнѣе,
Срѣзали чембуры шелковые,
Молода Ивана Годиновича опрастывали.
Говорилъ тутъ Иванушка Годиновичь:
« А и гой вы еси, дружина хорабрая!
« Ихъ-то царей не бьютъ, не казнятъ,
« Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ:
« Повезите его ко городу ко Кіеву,
« Ко великому князю Владиміру. »

А и тутъ три высылки всѣ сбиралися,
Нарядили царя въ платье цвѣтное,
Повезли его до князя Владиміра.
И будутъ въ городѣ Кіевѣ,
Разсказали тутъ удалы добры молодцы
Великому князю Владиміру
Про царя Афромея Афромеевича.
И Владиміръ князь со княгинею
Встрѣчаетъ его честно, хвально и радошно,
Посадилъ его за столы дубовые,
Тутъ у князя столъ пошелъ
Для царя Афромея Афромеевича.

Молодой Иванушка Годиновичь,
Остался онъ во бѣломъ шатрѣ,
Сталъ онъ, Иванъ, жену свою учить,

*) Дѣлаетъ досаду: Ивану, глядя на то, завистно.—*О.*

Онъ душку Настасью Дмитревну.
Онъ перво ученье, то руку отсѣкъ ей,
Самъ приговариваетъ:
« Эта мнѣ рука не надобна,
« Трепала она рука Афромея царя.»
А второе ученье, ноги ей отсѣкъ:
« А и та, де, нога мнѣ не надобна,
« Оплеталася со царемъ Афромеемъ невѣрныимъ.»
А третье ей ученье, губы ей обрѣзалъ и съ носомъ прочь:
« А и эти губы мнѣ не надобны,
« Цѣловали они царя невѣрнаго.»
Четверто ученье, голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:
« Эта голова мнѣ не надобна,
« И этотъ языкъ мнѣ не надобенъ,
« Говорилъ со царемъ невѣрныимъ,
« И здавался на его слова прелестныя.»

Втапоры Иванъ Годиновичъ
Поѣхалъ ко стольному городу Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
И будетъ въ городѣ Кіевѣ,
Благодаритъ князя Владиміра
За велику милость, что женилъ его
На душкѣ Настасьѣ Дмитревнѣ.
Втапоры его князь спрашивалъ:
— Гдѣ же твоя молодая жена?—
Втапоры Иванъ о женѣ своей сказалъ,
Что хотѣла съ Вахромеемъ царемъ
Въ шатрѣ убить его,
За что ей поученье далъ, голову срубилъ.
Втапоры князь веселъ сталъ,
Что отпускалъ Вахромея царя, своего подданника,
Въ его землю Загорскую.
Только его увидѣли,
Что обернется гнѣдымъ туромъ,
Поскакалъ далече во чисто поле къ силѣ своей.

* *
*

ДАНИЛО ЛОВЧАНИНЪ

СЪ ЖЕНОЮ.

I.

1.

(Симбирск. губ., село Станичное).

Не красное солнце числовалося *):
Заводилося пированьеце честнóе у князя Володимíра
Про всѣхъ ли про князей-бояръ,
Про сильныхъ могучихъ богатырей,
Про всю поленицу удáлую.
Они пили-ѣли, прохлаждалися,
Промеждý себя похвалялися:
Кто хвалится житьемъ-бытьемъ,
Кто хвалится богатствомъ,
А кто хвалится силушкою,
А кто хвалится молодой своей женой.
Возгóворитъ нашъ батюшка Володимíръ князь:
« Ой вы гой еси, князи-бóяре,
« Сильные могучіе богатыри
« И вся поленица удáлая!
« Всѣ вы у меня переженены:
« Одинъ-то я не женатъ хожу, холостъ гуляю.
« Гдѣ было бы мнѣ за себя невѣсту взять,

---

*) Владиміръ прозванъ « краснымъ солнышкомъ; » солнышко играетъ и по небу ходитъ; и играя, и ходя оно показываетъ « число-время »; и Владиміръ называется « числомъ-временемъ », у него пиры и игры, онъ всегда на пиру похаживаетъ. онъ на пиру гостей « чествуетъ » (считаетъ въ счетъ, чтитъ, откуда у Славянъ самый пиръ называется « честью » и « частью »).— *О.*

« И было бы мнѣ съ кѣмъ думу подумати,
« И было бы съ кѣмъ слово промолвити,
« При пиру́ при бесѣдушкѣ похвалитися,
« И было бы кому вамъ поклонитися?»
Возгóворитъ Путятинъ Путятовичь:
— Ты батюшка нашъ, Володимiръ князь!
— Возьми ты невѣсту за себя
— У Данилы Лóвчанина,
— Грозную Настасью Никулишну:
— Есть тебѣ съ кѣмъ думы подумати,
— Есть съ кѣмъ слово промолвити,
— При пиру при бесѣдушкѣ похвалитися,
— Есть кому намъ поклонитися.—
Возгóворитъ Володимiръ князь:
« Ты гой еси, Путятинъ Путятовичь!
« Какъ мнѣ у живáго жену отнять?»
Возгóворитъ опять Путятинъ Путятовичь:
— Ой ты гой еси, нашъ батюшка Володимiръ князь!
— Наряди его въ службу дальнюю, невзворóтивную,
— На Буянъ островъ;
— Вели тамъ ему убить звѣря лютаго,
— Звѣря лютаго, сивопрянаго *), лихошёрстнаго,
— Вели вынуть изъ него сердце со печенью.—
И возгóворитъ тутъ Володимiръ князь:
« Ой ты гой еси, Данило Лóвчанинъ!
« Сослужи ты мнѣ службу дальнюю:
« Съѣзди на Буянъ островъ,
« Убей звѣря лютаго,
« Звѣря лютаго, сивопрянаго, лихошёрстнаго,
« И вынь сердце его со печенью.»

Становился Данило Лóвчанинъ
На свои нóженьки рѣзвыя
Изъ за столовъ за дубовыихъ,
Скáтертей бѣлобранныхъ,
Яствъ сахарныхъ,

*) Сиво-перянаго, сиво-пераго.—*О.*

Пойловъ медовыхъ;
И выходитъ на широкой дворъ;
Садился онъ на своего коня добраго,
И поѣхалъ къ своему подворьицу.
Увидала его молодая жена
Изъ высока терема
Грозная Настасья Никулишна,
Что-то онъ ѣдетъ нé веселъ,
Буйну головушку повѣсилъ,
Очи ясны понасупилъ въ матушку сыру землю:
Знать онъ у князя не учéщенъ былъ *),
Или мѣстомъ сидѣлъ всѣхъ ниже,
Или чара приходила всѣхъ послѣ?
Возгóворитъ Данило Лóвчанинъ:
« Ой ты гой еси, моя молода жень,
« Грозна Настасья Никулишна!
« У князя-то я учéщенъ былъ,
« И мѣстомъ сидѣлъ всѣхъ выше,
« И чара приходила всѣхъ прежде:
« Погубляютъ меня перемёты **) женскія.
« Подавай мнѣ малъ колчанъ въ полтрéтья ста стрѣлъ.»
Она подала ровно въ триста стрѣлъ.

Поѣхалъ же добрый молодецъ
Далече въ чистó поле;
Подъѣзжаетъ добрый молодецъ
Ко Буянову острову.
Увидалъ онъ звѣря лютаго,
Снимаетъ съ себя тýгой лукъ,
Накладываетъ тоё стрѣлу позлачёную
На тети́вочку шелкóвую;
Убиваетъ онъ звѣря лютаго,
Вынимаетъ онъ сердце со печенью.
А самъ добрый молодецъ сѣлъ хлѣба покушать,
Бѣла лебедя порушать.

---

*) Не учествованъ, не получилъ своей части и чести.—*О.*

**) Обороты, путаницы, сплетни, сѣти.—*О.*

Ѣдутъ къ нему триста бояриновъ
Да триста Татариновъ,
Триста Донскихъ козаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ:
«« Хлѣбъ тебѣ соль, Данило Ловчанинъ, кушати,
«« Бѣла лебедя рушати!
«« Не хлѣба-соли мы пришли кушати,
«« Не бѣла лебедя рушати,
«« Пришли мы за твоей буйной головушкой.»»
Становился Данило Ловчанинъ
На свои рѣзвыя ноженьки,
Натягивалъ тугой лукъ,
Накладывалъ каленыя стрѣлы,
Не по стрѣлкѣ онъ накладывалъ,
А накладывалъ по пяти все онъ стрѣлъ,
Побивалъ всѣхъ онъ триста бояриновъ,
Побивалъ всѣхъ Татариновъ,
Побивалъ онъ всѣхъ Донскихъ козаковъ,
Съ перваго до послѣдняго.
И самъ онъ добрый молодецъ позадумался:
« Знать, я князю неугоденъ сталъ!»
Упиралъ копье тупымъ концемъ въ сыру землю,
А вострымъ копьемъ въ ретиво сердце.

Тутъ малые люди остались
И донесли князю.
Володиміръ князь
Собиралъ поѣздъ вѣнчаться
На грозной Настасьѣ Никулишнѣ.
И возговоритъ тутъ грозная Настасья Никулишна:
« Охъ ты гой еси, батюшка, Володиміръ князь!
« Дозволь ты мнѣ съ другомъ милымъ повидаться,
« Съ бѣлымъ тѣломъ распроститься?»
И пошла она отъ него
И увидѣла: дѣлаютъ гробницу;
И возговоритъ грозная Настасья Никулишна:
« Ой вы гой еси, плотники мастера!
« Дѣлайте гробницу просторную,

«Чтобъ было гдѣ ему положиться,
«Костямъ бы его поворотиться:
«Его кости богатырскія.»
Какъ пришла къ тѣлу Данилы Ло́вчанина,
И на то же копье спороласе.

(Доставлено А. М. Языковымъ).

2.

(Село Павлово, Нижегородск. губ.).

У князя было у Владиміра,
У Кѣевскаго солнышка Сеславича
Было пированьицо почесное,
Чесно и хвально, больно радышно
На многи князья и бо́яря,
На сильныхъ могучихъ бога́тыре́й.
Въ по́лсыта бояря наѣдалиса,
Въ по́лпьяна бояря напивалиса;
Промежь себя бояря похвалялиса:
Сильн-а-тъ хвалитса силою,
Богатой хвалитса богатествомъ;
Купцы-тѣ хвалятса товарами,
Товарами хвалятса заморскими;
Бояря-та хвалятса помѣстьями,
Онѣ хвалятса вотчинами.
Одинъ только не хвалитса Данила Денисьевичь.
Тутъ возго́ворить самъ Володиміръ князь:
«Охъ ты гой еси, Данилушка Денисьевичь!
«Ишшо што ты у меня ничѣмъ не хвалишса?
«Али не чѣмъ тѣ похвалитися?
«Али нѣту у тея золотой казны?
«Али нѣту у тея молодой жоны?
«Али нѣту у тея платья свѣтново [*]?»

---

[*]) Цвѣтнаго.—*О.*

Отвѣтъ держитъ Данила Денисьевичь:
— Ужь ты батюшка нашь, Володимiръ князь!
— Есь у меня золота казна,
— Ишшо есь у меня и молода жона,
— Ишшо есь у меня и платье свѣтное;
— Нéшта такъ я это призадумалса.—

Тутъ пошолъ Данила съ широка двора.
Тутъ возговоритъ самъ Володимiръ князь:
« Охъ вы гой естя, мои князья-бóяря!
« Ужь вы всѣ у меня пережанены,
« Только я одинъ холóстъ хожу;
« Вы ишшúте мнѣ невѣстушку хорошую,
« Вы хорошую и пригожую,
« Штобъ лицомъ красна и умомъ свёрстна,
« Штобъ умѣла Рускую грамату
« И четью-пѣтью церковному,
« Штобы было ково назвать вамъ матушкой,
«Ввеличать бы государыней.»
Изъ за лѣвой было изъ за сторонушки
Тутъ возгóворитъ Мишатычка Путятинъ сынъ:
— Ужь ты батюшка, Володимiръ князь!
— Много я ѣжжалъ по инымъ землямъ,
— Много видалъ я королевишонъ,
— Много видалъ и изъ ума пыталъ:
— Котора лицомъ красна—умомъ не сверстна,
— Котора умомъ сверстна—лицомъ не красна.
— Не нахаживалъ я такой красавицы,
— Не видывалъ я эдакой пригожицы,—
— У тово ли у Данилы у Денисьича,
— Ишшо та ли Василиса Никулишна:
— И лицомъ она красна, и умомъ сверстна,
— И Рускую умѣетъ больно грамоту,
— И четью-пѣтью горазда церковному;
— Ишшо было бы кого назвать намъ матушкой,
— Ввеличать намъ государыней!—
Это слово больно князю не показалося,
Володимiру словечко не полюбилося.

Тутъ возгóворитъ самъ батюшка Володимiръ князь:
« Ишшо гдѣ это видано, гдѣ слыхано
« Отъ живово мужа жону отнять!»
Приказалъ Мишатычку казнить-вѣшати.
А Мишатычка Путятинъ приметливъ былъ *),
На иную на сторонку перекинулся:
— Ужь ты батюшка, Володимiръ князь!
— Погоди меня скорò казнить-вѣшати,
— Прикажи, государь, слово мóлыти.—
Приказалъ ему Володимiръ слово мóлыти:
— Мы Данилушку пошлёмъ во чистò поле,
— Во тѣ ли луга Леванидовы,
— Мы ко ключику пошлёмъ ко гремячему,
— Велимъ пымать птичку бѣлогорлицу,
— Принести её къ обѣду княженецкому;
— Што ишшо убить ему льва лютово,
— Принести его къ обѣду княженецкому.—
Это слово князю больно показалося,
Володимiру словечко полюбилося.
Тутъ возговоритъ старой казакъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ:
« Ужь ты батюшка, Володимiръ князь!
« Изведёшь ты ясново сокола:
« Не пымать теѣ бѣлой лебеди!»
Это слово князю не показалося,
Посадилъ Илью Муромца во погребъ.

Садился самъ во золотъ стулъ,
Онъ писалъ ярлыки скорописные,
Посылалъ ихъ съ Мишатычкой въ Черниговъ градъ.
Тутъ поѣхалъ Мишатычка въ Черниговъ градъ
Прямо ко двору ко Данилину и ко терему Василисину.
На дворъ-атъ въѣзжаетъ безопасышно,
Во полатушку входитъ безобсылышно.

---

*) *Переметливъ*: умѣлъ обернуться на другую сторону.— *О.*

Тутъ возговоритъ Василиса Никулишна:
« Ты невѣжа, ты невѣжа, неотецкой сынъ!
« Для чего ты, невѣжа, эдакъ дѣлаешь:
« Ты на дворъ-атъ въѣзжаешь безопасышно,
« Въ полатушку входишь безобсылышно?»
Отвѣтъ держитъ Мишатычка Путятинъ сынъ:
— Охъ ты гой еси, Василиса Никулишна!
— Не своей я волей къ вамъ въ гости зашолъ,
— Прислалъ меня самъ батюшка Володиміръ князь
— Со тѣми ярлыками скорописными.—
Положилъ ярлычки, самъ вонъ пошолъ.
Стала Василиса ярлыки пересматривать:
Заливалася она горючьми слезми.
Скидовала съ сея платье свѣтное,
Надѣваетъ на сея платье молодецкое,
Сѣла на добра коня, поѣхала во чисто поле
Искать мила дружка свово Данилушка.
Нашла она Данилу свѣтъ Денисьича;
Возговоритъ ему таково слово:
« Ты надежинька, надежа, мой сердешной другъ,
« Да ужь мóлодой Данила Денисьевичь!
« Што останное *) намъ съ тобой свиданьицо!
« Поѣдемъ-ка съ тобою къ широку двору.»
Тутъ возгóворитъ Данила Денисьевичь:
— Охъ ты гой еси, Василисушка Никулишна!
— Погуляемъ-ка въ остатки по чисту полю,
— Побьемъ съ тобой гуськовъ да лебёдушокъ!—
Погулямши поѣхали къ широку двору.
Возгóворитъ Данила свѣтъ Денисьевичь:
— Внеси-ка мнѣ малóй колчанъ калёныхъ стрѣлъ.—
Несетъ она большой колчанъ каленыхъ стрѣлъ.
Возгóворитъ Данилушка Денисьевичь:
— Ты невѣжа, ты невѣжа, неотецка дочь!
— Чево ради ты, невѣжа, ослушаешса?
— Аль не чаешь надъ собою бóльшово?—
Василисушка на это не прогнѣвалась,

*) Послѣднее.—О.

И возго́воритъ ему таково слово:
« Ты надежинька, мой сердешной другъ,
« Да ужь мо́лодой Данилушка Денисьевичь!
« Лишняя стрѣлычка теѣ приго́дится:
« Пойдетъ она ни по князѣ, ни по баринѣ,
« А по свымъ братѣ бога́тырѣ.»

Поѣхалъ Данила во чисто поле,
Што во тѣ луга Леванидовы,
Што ко ключику ко гремячему,
И къ колодезю прiѣхалъ ко студёному.
Беретъ Данила трубыньку подзорную,
Глядитъ ко городу ко Кѣеву.
Не бѣлы̀ снѣги забѣлѣлиса,
Не чёрныя грязи зачернѣлиса:
Забѣлѣласа, зачернѣласа сила Руская
На тово ли на Данилу на Денисьича.
Тутъ заплакалъ Данила горючьмѝ слезмѝ,
Возго́воритъ онъ таково слово:
— Знать, гораздо я князю сталъ ненадобенъ,
— Знать, Володимiру не слуга я былъ!—
Беретъ Данила саблю боёвую,
Прирубилъ Денисьичь силу Рускую.
Погодя тово времечько манёшинько,
Берётъ Данила трубычку подзорную,
Глядитъ ко городу ко Кѣеву.
Не два слона въ чисты́мъ полѣ слонятса,
Не два сыры̀ дуба шатаютса:
Слонятса-шатаютса два бога́тыря
На тово ли на Данилу на Денисьича,
Ево родной братъ Никита Денисьевичь
И названной братъ Добрыня Никитовичь.
Тутъ заплакалъ Данила горючьмѝ слезмѝ:
— Ужь и въ правду, знать, на меня Господь прогнѣвалса,
— Володимiръ князь на удалово осе́рдилса!—
Тутъ возговоритъ Данила Денисьевичь:
— Ишшо гдѣ это слыхано, гдѣ видано,

— Братъ на брата со боёмъ идётъ? —
Берётъ Данила сво вострó копьё,
Тупымъ концомъ втыкатъ во сыру̀ землю,
А на вострый конецъ самъ упалъ.
Споролъ сеѣ Данила груди бѣлыя,
Покрылъ сеѣ Денисьичь очи ясныя.
Подъѣзжали къ нему два богáтыря,
Заплакали объ нёмъ горючьмѝ слезмѝ.
Поплакамши, назадъ воротилиса,
Сказали князю Володиміру: «« Не стало Данилы,
«« Што тово ли удáлово Денисьича!»»

Тутъ сбираетъ Володиміръ поѣздъ-атъ.
Садилса въ колёсычку во зóлоту,
Поѣхали ко городу Чернигову.
Пріѣхали ко двору ко Данилину;
Восходятъ во тéремъ Василисинъ-атъ.
Цѣловалъ ее Володиміръ во сахáрныя уста.
Возгóворитъ Василиса Никулишна:
« Ужь ты батюшка, Володиміръ князь!
« Не цѣлуй меня въ уста во крóвавы,
« Безъ мово друга Данилы Денисьича.»
Тутъ возговоритъ Володиміръ князь:
— Охъ ты гой еси, Василиса Никулишна!
— Наряжайся ты въ платье свѣтное,
— Въ платье свѣтное подвѣнешное.—
Наряжалась она въ платье свѣтное,
Взяла съ собой булатной ножь.
Поѣхали ко городу ко Кѣеву.
Поверсталиса супротивъ луговъ Леванидовыхъ.
Тутъ возговоритъ Василиса Никулишна:
« Ужь ты батюшка, Володиміръ князь!
« Пусти меня проститься съ милымъ дружкомъ
« Со тѣмъ ли Данилой Денисьичомъ.»
Посылалъ онъ съ ней двухъ богáтырей.
Подходила Василиса ко милу̀ дружку,
Поклонилась она Данилѣ Денисьичу;

Поклонилась она, да восклонилася,
Возговоритъ она двумъ богáтырямъ:
« Охъ вы гой естя, мое вы два богáтыря!
« Вы подите, скажите князю Володиміру:
« Штобы не далъ намъ валятьса по чисту полю,
« По чисту полю со милымъ дружкомъ,
« Со тѣмъ ли Данилой Денисьичомъ.»
Беретъ Василиса свой булатной ножь,
Спорола сеѣ Василисушка груди бѣлыя,
Покрыла сеѣ Василиса очи ясныя.
Заплакали по ней два богáтыря.
Пошли онѣ ко князю Володиміру:
«« Ужь ты батюшка, Володиміръ князь!
«« Не стало нашой матушки Василисы Никулишны.
«« Передъ смертью она намъ промолыла:
««— Охъ вы гой естя, мое вы два богатыря!
««— Вы подите, скажите князю Володиміру,
««— Штобы не далъ намъ валятьса по чисту̀ полю,
««— По чисту̀ полю со милымъ дружкомъ,
««— Со тѣмъ ли Данилой Денисьичомъ.—»»
Пріѣхалъ Володиміръ во Кѣевъ градъ,
Выпушшалъ Илью Муромца изъ погреба,
Цѣловалъ ёво въ головку, во темичко:
— Правду сказалъ ты, старóй казакъ,
— Старой казакъ Илья Муромецъ!—
Жаловалъ ёво шубой соболиною,
А Мишаткѣ пожаловалъ смолы котёлъ.

(Изъ Приб. къ Изв. А. Н., т. I; записано свящ. Е. Ѳаворскимъ).

*
* *

ДАНИЛО ИГНАТЬЕВИЧЬ

СЪ СЫНОМЪ.

I.

1.

(Симбирск. губ., с. Станичное).

Во городѣ во Кіевѣ
Жилъ тутъ Данило Игнатьевичь,
Сильный могучій богатырь;
Поизволилъ онъ постричься,
Попосхимиться во чуднымъ монастырѣ.
И послышали орды невѣрныя,
Что не стало у князя Володиміра
Сильнаго богатыря Данилы Игнатьевича.
Они пишутъ ярлыки скорописные князю Володиміру:
«« Охъ ты гой еси, Володиміръ князь!
«« Вышли къ намъ поединщика;
«« А не вышлешь къ намъ поединщика,
«« То все твое вызжемъ и вырубимъ,
«« Самого тебя князя въ полонъ возмемъ.»»
Растужится, расплачется Володиміръ князь:
« Не стало у меня застоюшки *) великой! »
Некому съѣздить далече во чисто́ поле,
Попровѣдать орды великія,
И некому привести къ нему языка поганаго:
Растужится, расплачется Володиміръ князь.
И приходитъ къ нему молодой вьюношь,
Иванъ Даниловичь двѣнадцатилѣтецъ:
— Охъ ты гой еси, нашь батюшка, Володиміръ князь!

---

*) *Застоя*—защита, оборона.—*О.*

— Не плачь, не тужи и не печалься:
— Я твоя великая застоюшка,
— Оборонушка не малая,
— Я съѣзжу далече во чистó поле,
— Попровѣдаю óрды великія
— И приведу языка поганаго.—
« Охъ ты гой еси, млáдый вьюношь, Иванъ Даниловичь!
« Молодехонекъ, зеленехонекъ:
« Ты на большихъ бояхъ не бывывалъ,
« Страстей-ужастей ты не видывалъ.»
Возговоритъ младый вьюношь Иванъ Даниловичь:
— Охъ ты гой еси, князь Володиміръ!
— Возьму я благословеньице великое
— У своего батюшки у родимаго Данилы Игнатьевича,
— И попрошу его коня добраго,
— И сбрую богатырскую.—

— Государь ты мой батюшка, Данила Игнатьевичь!
— Дай ты мнѣ благословеньеце великое,
— Коня добраго и сбрую богатырскую.—
Возговоритъ отецъ его:
« Ой ты гой еси, мое дитятко Иванъ Даниловичь!
« Молодехонекъ ты, зеленехонекъ:
« На большихъ бояхъ не бывывалъ,
« Страстей-ужастей ты не видывалъ
« И богатырскимъ конемъ ты не владывалъ.»
И далъ онъ ему благословеньице,
Коня добраго, сбрую богатырскую.

•

Поѣхалъ же молодой вьюношь далече въ чистó поле.
И никуда конца не видно и силы смѣты нѣтъ;
Его добрый конь разъярился,
И не усидѣлъ онъ на добромъ конѣ,
Среди силы невѣрной, и сронилъ его;
И поскакалъ къ монастырю, гдѣ сидитъ его родной отецъ,
Данила Игнатьевичь.

Всталъ добрый молодецъ на рѣзвы ноги,
И взялъ Татарина за ноги,
И побилъ всю силу невѣрную
Съ перваго до послѣдняго.
И самъ дивуется Татарину:
— Исполать тебѣ, Татаринушка!
— Крѣпокъ ты и гибокъ, не порвешься,
— Не порвешься и не изломишься;
— Какова палица боевая:
— И то изгибается и ломается! —
Расправилъ шатеръ и легъ почивать.

А отецъ его Данила Игнатьевичь
Прискакалъ на добромъ конѣ къ шатру,
И — пыхъ изъ лука стрѣлой — шатеръ бѣлый сшибъ,
И увидѣлъ свое дѣтище *).

И поѣхалъ къ князю Володиміру:
Князь Володиміръ встрѣтилъ ихъ съ образами мѣстными
И служилъ молебны чѐстные.

(Доставлено А. М. Языковымъ).

✿

2 **).

(Онега).

Какъ во славномъ-то во городи во Кіеви,
У ласкова князя у Владиміра [1])
Заводилось пированьице — почѐстенъ пиръ.

---

*) Перебито: конь сронилъ Ивана Даниловича, но, поправившись, Иванъ побилъ враговъ, Татариномъ; тогда онъ поѣхалъ къ отцу въ монастырь и тамъ его убилъ было Данило, не узнавши. Ср. слѣдующую пѣсню. — *О.*

**) Разнорѣчія взяты изъ другаго образца былины, въ которомъ по мѣстному говору употребляется вообще: *ч* вм. *ц* и на оборотъ; *е* вм. *я* — «кнезь», «напивалисе»; *и* вм. *ѣ* — «вси»; «тобя» вм. «тебя», и т. п. Разнорѣчія же болѣе важныя приведемъ особо. — *О.*

1) Владимера.

А и всѣ на пиру [1]) да напивалися,
А и всѣ на чесномъ да пріѣдалися [2]),
Да и всѣ на чесномъ видь приросхвастались.
А иной же-то [3]) хвасталъ широкимъ дворомъ,
А другой-отъ-то видь хвасталъ золотой казной,
А новой-отъ-то [4]) хвасталъ [5]) добрымъ конемъ,
Да другой-то хвасталъ силою могучею;
Только [6]) глупой-отъ видь хвасталъ [7]) молодой женой.
И сидитъ молодець [8]), да онъ не пьетъ не ѣстъ,
А не пьетъ да онъ не ѣстъ [9]), да онъ не кушаётъ,
И ничѣмъ же молодець да видь не хвастаётъ,
И повѣсилъ молодѐць да буйну голову:
Ише на имя Данила свѣтъ Игнатьевичь.
Ише эфто князю Владиміру не показалося.
По сѐреду [10]) кирписьному онъ запохаживалъ,
Да онъ бѣлыма руками заразваживалъ,
Да онъ желтыма кудрями запотряхивалъ:
« А што же ты, Данилушка Игнатьевичь,
« А не пьешь да ты не ѣшь, да ты не кушаёшь,
« И ничимъ же ты, Данило, видь не хвастаёшь?»
Втогды сталъ тутъ [11]) Данило на рѣзвы ноги,
Втогды кланялся Владиміру до сырой земли:
— Ише чимъ мнѣ-ка, Владиміръ князь, видь хвастати?
— Ни двора-то у меня широкого не было,
— Золотой у меня казны видь не лучилося,
— А и сила-та была видь во мнѣ ровная [12]).

---

1) На пиру-ту.
2) Наѣдалисе.
3) Иной-отъ-то.
4) *Новой*—иной.—*О.*
5) Хвастаётъ.
6) Тольки.
7) Хвастатъ.
8) Молодѐць.
9) Не ѣсъ.
10) *Середъ, середа и среда*—полъ.—*О.*
11) Становился втогда.
12) Посредственная, такъ и сякъ.—*Прим. 1-го изд.*

— Видь служилъ я у тобя да пятьдесятъ годовъ,
— Да убилъ я тобѣ [1] видь пятьдесятъ царёвъ,
— А мелко̂й силы убилъ—да той и смѣту нѣтъ.
— Топерь отъ роду мнѣ стало девяносто лѣтъ:
— Ты спусти-тко [2], спусти, Владиміръ, въ монастырь пречѐстные,
— Да во тѣ ли [3] спусти во кельи низкія,
— Да спасти мнѣ-ка, спасти да душа грѣшная.—
А отвѣтъ держалъ Владиміръ князь:
« Ой, нельзя [4], нельзя спустить тебя, Данилушко, —
« Ише нѐкому дѣлать видь защиты всему Кіеву.»
И во вто̂рой разъ просилъ [5] Данилушко Игнатьевичь:
— Да спусти же ты, Владиміръ, въ монастырь пречестные,
— Да во тѣ-то ты спусти во кельи низкія,
— Да спасти мнѣ-ка, спасти да душа грѣшная.—
Говорилъ же тутъ Данило да Игнатьевичь:
— А и будетъ тѣ ограда бѣлокаменной,
— Да и будетъ тѣ защита всему Кіеву:
— Есть видь у меня да сынъ Михайлушко [6].—
И втогдȧ [7] спустилъ его Владиміръ въ монастырь пречѐстные,
Да во тыи-то спустилъ во кельи низкія.

А узнали тутова [8] цари невѣрные,
Што во Кіеви богатыри ушли въ монȧстыри.
Приходитъ втогда туда невѣрный царь,

---

1) У тобя.
2) Спусти-тко-се.
3) Во тыи.
4) А нельзи.
5) Прошалъ.
6) — За то есь видь у миня Михайло Даниловиць:
— Вотъ и будетъ тѣ защыта всёму Кіеву,
— Будетъ тѣ ограда бѣлокамённой.
« Бѣлокаменной » — вѣроятно Москвы, прозвище которой перенесено къ Кіеву. — *О.*
7) Втогды.
8) Ту.

Приносилъ видь онъ книгу настольную,
Ише требуетъ, собака, поединщины.
Выходилъ Владиміръ князь да на (балхонъ) высокіе,
Да смотрѣлъ Владиміръ князь да во всѣ стороны:
У собаки видь силы-то въ чистомъ поли
Будто облако ходячоё нагонено.
И втогда Владиміръ князь зачалъ почестенъ пиръ,
Што на всѣ князи [1]), на всѣ бо̀яра,
Да на всѣ и паленйцы-то удалые,
Ише и на весь-то народъ да православные.
Дакъ и всѣ видь на пиру-то напивалися,
Да и всѣ видь на чесномъ да наѣдалися.
Говорилъ втогда [2]) Владиміръ князь въ перво̀й накòнъ [3]):
« Ужь вы ой еси, князи мои бо̀яра,
« Да вы ой еси, паленицы [4]) да удалые,
« Ише весь-то вы народъ да православные!
« А и хто бы то видь съѣздилъ да въ чисто̀ полё,
« Да пѐресчйтывать силы̀ невѣрныя?»
А и въ ту̀ю пору было, во то время̀
Бо̀льшой видь хоронится за среднёго,
Ише срѐдней-отъ хоронится за младшого,
А отъ младшого Владиміру отвѣту нѣтъ.
Говорилъ же видь Владиміръ во второй наконъ,
Да говорилъ видь онъ и во третѐй наконъ.
А и въ ту̀ю-ту пору̀ было, во то время
Выходилъ тутъ доро̀дне [5]) доброй мо̀лодець
Изъ за то̀во онъ стола видь бѣлодубова,
Ише на̀ имя Михайло да Даниловичь.
Понизёшеньку онъ Владиміру поклоняется,
Помалёшеньку ко Владиміру подвигается:
— Ты спусти-тко, спусти, Владиміръ князь, въ чисто̀ полё,

1) Пируху.
2) Ту.
3) *Наконъ*—разъ.—*О.*
4) Мои.
5) *Дородне, дороднё*—дороднiй, дородный.—*О.*

— Пересчитывать-то видь силы̀ невѣрныя.—
А отвѣтъ таковъ держалъ ему Владиміръ князь:
« Ой же ты, Михайло да Даниловичь!
« А и ростомъ-то видь ты же есь глупешенёкъ,
« Да и разумомъ-то ты же есть малешенёкъ [1];
« Топерь отъ роду, Михайло, тѣ двѣнадцать лѣтъ,
« Потеряшь, братъ, ты, Михайло, свою голову.»

А и то видь Михайлу да не показалося.
Ише скоро онъ пошелъ по сѐреды кирписьныя,
Широко отворялъ онъ двери на̀ пяту,
Запиралъ онъ тыи двери крѣпко на̀ крѣпко,
А двери-ты на штёпочки всѣ разсыпа̀лися [2],
Да и двери-ты видь тѣ да покололися,
И вся эта палата зашаталася,
Да одва эта палата́ не розрушилась.
Ише скоро онъ пошелъ да [3] на широкой дворъ,
Да скоря̀ того пошелъ онъ къ сво̀ёй матери [4].
Да сѣдлалъ, да онъ уздалъ да лошадь добрую,
И поѣхалъ нашь Михайло во чисто̀ полё,
Во чисто̀ полё поѣхалъ—онъ роздумался:
« Што я не съѣздилъ къ сво̀ёму родителю,
« Да не взялъ отъ его благословленья-та да полнаго [5].»
Поворачивалъ добра̀ коня ко мона̀стырю пречѐстному,
Да ко тѣмъ ли да ко кельямъ низкіемъ.
А въ ту̀ю пору мать сыра̀ земля да зазыбалася [6],
Старо старчишшо Данильшо засовалося:
— А не мой ли видь [7] пріѣхалъ да Михайлушко?

---

1) На оборотъ: « ростомъ малешенекъ, а разумомъ глупешенекъ.» Такъ и есть въ разнорѣчіи.—*Ростомъ*—возрастомъ.—*О.*

2) Разсыпались.

3) Скоро выходилъ онъ.

4) Пропущено:
Да и взялъ у ей благословленьё полноё
Пересцитывать силы невѣрныя.

5) Пересцитывать да силы невѣрныя.

6) *Зазыбалася*—всколебалася.—*О.*

7) Тутъ.

— А куда, Михайло, ѣдёшь, куда путь дёржишь?—
«Ѣду вidь я, бачько, да во чисто полё,
«Пересчитывать-то видь силы невѣрныя.»
Отвѣтъ дёржалъ старо старчишшо Данилишшо:
— Этая-та должность не твоя бы есть,
— Не спустилъ бы я тобя да во чисто полё.
— И тая [1]) заповѣдь положена тяжелая,
— Да и застава положена великая [2]).
— Топерь отъ роду, Михайло, тѣ двѣнадцать лѣтъ [3]);
— Да потеряёшь ты, Михайло, свою голову!—
А и то видь какъ Михайлу да не показалося.
Скоро поворачивалъ добра коня въ чисто поле;
И рыкалъ да старо старчишшо Данильшо гласомъ громкіемъ [4]):
— Стой-ко ты, Михайло, да удёржи коня,
— Да возьми-тко отъ меня благословленьё полноё.
— А [5]) поѣдёшь ты, Михайло, во чисто полё,
— Выѣдёшь ты на шеломя на окатисто [6]),
— А по Русскому—на гору да на высокую,
— Да крычи-тко ты, Михайло, во всю голову,
— Ише требуй-ко ты бурушка косматого:
—«Ай, которой же служилъ ты мойму батюшки,
—«Послужи-тко ты топерь сыну Михайлушку!»
— Прибѣжитъ тутъ конь да видь [7]) косматые,

---

1) Къ тому.

2) Порученіе дано тебѣ тяжелое, обѣтъ, тобою положенный, труденъ, и простоять на такой «заставѣ,» противъ такого непріятеля, дѣло великое. Порученія, дававшіяся богатырямъ, обозначаются общимъ именемъ «богатырской заставы;» ср. «застоя», защита, оборона.—*О.*

3) А и разумомъ-то ты вить есь глупешонёкъ,
Да и ростомъ-то вить ты есь малешонёкъ.

4) Старо старцишшо Данильшо тутъ опомнилсе,
Да скрыцялъ старой вить гласомъ громкіемъ:

5) Какъ.

6) Холмъ со скатомъ вокругъ: съ котораго можно вокругъ осмотрѣть. *Шеломя*, какъ слово древнее (извѣстное и по Слову о П. И.), выраженіе «шеломя окатистое,» какъ древле-пѣсенное, переводится уже «по русски», т. е. на современный обиходный языкъ.—*О.*

7) Да конь.

— Стойтъ онъ на горы да па высокія;
— Да отмѣрь-ко ты, Михайлушко, какъ пять локо́тъ,
— И копай-ко ты, Михайло, мать сыру землю̀,
— Да во сторону копай да ты во встосьную:
— А и тутова [1]) збруя да видь богатырская.—

Втогда выѣхалъ Михайло на шеломя̀ окатисто,
Да крычалъ Михайло во всю голову,
Ише требовалъ онъ бурушка косматого:
« Ай, которой же служилъ ты мойму батюшки,
« Послужи-тко ты топерь сыну̀ Михайлушку [2])!»
Да отмѣрялъ тутъ Михайло какъ видь пять локо̀тъ,
Да во сторону копалъ да онъ во встосьную,
И копалъ Михайло да мать сыру землю̀,
Находилъ онъ тутъ все збрую богатырскую,
И втогды ужь онъ поѣхалъ во чисто полё [3]).
Забречала его палиця боёвая,
Засвистѣла его сабля, сабля вострая.
Выходило старо старчишшо Данильшо на зеленой лугъ,
Да просилъ онъ Спаса съ Богородицёй:
— Ты, Спаса всемилослива Богородиця!
— Да прими-тко ты [4]) моленьё пустынноё,
— Да прими-тко ты моленьё скоро на̀-скоро,
— Помоги-тко ты сыну Михайлушку:
— Исполнятъ онъ все да дѣла добрыя [5]),
— Ише дѣлатъ онъ защиту всему Кіеву [6]).—

---

1) Лёжитъ.

2) Прибѣжалъ ту конь, да конь косматые.

3) Да копалъ тутъ Михайло мать сыру землю̀,
Да во сторону копалъ землю во встосьную,
Копалъ Михайло, копалъ да и выкопалъ:
Тутъ лёжала збруя богатырьская.
Принималъ Михайло саблю вострую,
Бралъ въ бѣлы рукѝ паличу боёвую,
Да поѣхалъ Михайло во цисто̀ полё.

4) Мое.

5) Исполняётъ вить онъ дѣло доброё.

6) Ише дѣлаётъ ограду бѣлокамённой.

Только [1]) въ тую было пору [2]), въ то время
Доброй конь у Михайла провѣщился:
«« Бей-ко [3]) ты, Михайло, силу съ крайчику,
«« Не заѣжжай-ко се, Михайло, въ силу въ мàтику [4]):
«« А и копаютъ тутъ [5]) уланове три погреба,
«« А три погреба копаютъ тутъ глубокіе,
«« И становятъ тутъ у погребъ копья вострые,
«« Иже первой-отъ я погребъ дакъ перèскочу,
«« Видь и другой-отъ я погребъ да перèскочу,
«« А третьёго мнѣ-ка погреба не перèскочить.»»
И бьетъ Михайло тутъ коня по тусьнымъ [6]) бедрамъ:
« Ахъ ты конь, мой конь, травяной мѣшокъ!
« Не хочешь ты послужить мнѣ-ка времени малого?»
Да началъ коня приправливать во силу да въ матику:
Пèрвой-то погрèбъ его конь перèскочилъ,
Да и другой-отъ онъ погребъ видь перèскочилъ,
А третьёго-то онъ погреба не перèскочилъ;
И упалъ ногами онъ да заднима,
Уронилъ Михайла онъ въ глубокъ погрèбъ,
Только нè палъ тотъ [7]) на копья вострые.
Набиралися уланове поганые,
Да вязали видь его за руки бѣлыя,
Да тѣмà петлями [8]) видь шелкòвыма,
И ковали, ковали, да во желѣза тяжелые,
Видь рѣзвы ноги ковали Михайловы,
И повели-то его ко царищу ко Уланищу.
Только молится Михайло Спасу съ Богородицёй:

---

1) Тольки.
2) Втáпоры.
3) Бей-ко-се.
4) *Матика*—матица, приподнятая, выдающаяся надъ концами середина.—*О.*
5) Тамъ.
6) Тучнымъ.—*О.*
7) Михайло.
8) Петлéми.

« Ты не дай-ко-се меня поганымъ на поруганье:
« Буду я служить да съ вѣку до̀ вѣку
« Да за ту̀ю я за вѣру за крещоную,
« Да за церкви я служить буду за Божьія [1])!»
А втогда видь у Михайлы съ двое съ трое силы прибыло [2]),
Разорвалъ онъ петли-ты шелковые,
Да сломалъ [3]) желѣза онъ тяжелые,
Ухватилъ онъ видь о̀слядь [4]) телѣжную,
Да и завелъ [5]) видь онъ о̀слядью помахивать.
Какъ впередъ-то онъ махнетъ—дакъ ту̀то улиця,
А назадь-ту отмахнетъ—дакъ переулочекъ.
И узнала тутъ его конь-лошадь добрая,
Прибѣгала [6]) со всей со сбруей богатырскою;
И садился тутъ Михайло на добра̀ коня,
Заводилъ [7]) онъ силы пересчитывать,
Пересчитывать тутъ силы [8]) съ крайчику,
Да полонить тѣ силы тутъ да съ края на̀ край.
И поѣхалъ онъ къ царишшу ко Уланишшу,
И отсѣкъ царишшу онъ да буйну голову,
Положилъ [9]) онъ ту̀ю голову на ко̀пье вострое.
Самъ онъ головы-то удивляется:
Вить ушишша-та у царишша—быдто блю̀дишша,
А глазишша-та у царишша—быдто̀ чаши пивныя,
А носишшо-то у царишша—быдто̀ палиця боёвая.

Дакъ и ѣдётъ втогды Михайло по чисту̀ полю̀.
И ходитъ туто старо старчишшо Данилишшо

---

1) За тѣ церквы служить буду за Божьіи.

2) А втогда вить у Михайлы Даниловиця
Съ двое съ трое силы-то прибыло.

3) Разломалъ.

4) *Ослядь, оследь*—одинъ изъ двухъ длинныхъ толстыхъ стяговъ, составляющихъ *пяла* телѣги.—*Прим. 1-го изд.*

5) Да и по̀нялъ (началъ).

6) Тутъ узналъ.... прибѣгалъ.

7) Да и нацялъ (началъ).

8) Онъ силу.

9) Насадилъ

Да со той ли со клюкою со желѣзною,
Ише тая-та клюка да сорока пудовъ [1]),
А старикъ-отъ самъ видь приговариватъ:
— Ой же вы еси, уланове поганые,
— А убили у меня вы сына Михайлушка!—
Тутъ пріѣхалъ самъ Михайло близь его,
Да крычалъ [2]) ему онъ гласомъ громкіемъ:
« Што ты ише, старой, туто дѣлаёшь?»
А отвѣтъ дёржалъ старо старчишшо Данильшо:
— Ой же ты, улановинъ поганые!
— Да подвинься-ко сюда [3]), да ко мнѣ старому,
— Дакъ розсѣку я тя клюкой и съ конемъ на̀ двое.—
А скрычалъ Михайло гласомъ скромкіемъ [4]),
Ише скромкіемъ онъ гласомъ, да робечьіемъ:
« Стой-ко-се ты, монахъ, да удёржи коня [5]),
« Приздыни-тко [6]) ты свой колпакъ шелковые,
« Втогда да увидишь, кого надобѣть!»
Приздынулъ [7]) монахъ колпакъ шелковые;
Подъѣжжалъ втогда Михайло близь его;
Тутъ [8]) во первыхъ опозналъ своёго бурушка,
Во вторыхъ-то опозналъ сына Михайлушка:
— Ты куда, Михайло, ѣдёшь, куда путь дёржи̇шь?—
« Ѣду я, бачко, видь во Кіевъ градъ.
« Былъ же я видь, бачко, во несчастіи:
« Пересчитывалъ я силы видь поганыя,
« Въ глубокѝ погрёбы ѣздилъ [9])—убитъ не былъ:
« Видно ваши-ты молитвы да пустынныя
« Видь послѣдовали къ Спасу многомилосливу!

---

1) Примётыватъ тулова-та (ходитъ да переворэчиваетъ клюкою туловища) целовѣцеськи.

2) Скрыцялъ.

3) Суды.

4) *Скро́мкой*—тихій, слабый.—*Прим. 1-го изд*.

5) Клюку.

6) Приподними.—*О*.

7) Приздымалъ.

8) Дакъ.

9) Падалъ?—*О*.

« Да поди-тко ты, бачко, во монастырь пречёстные,
« Да моли-тко ты, моли Бога по прежному,
« А самъ-отъ я поѣду видь во Кіевъ градъ [1]).»

Да во Кіевъ градъ заѣхалъ не воротами —
Черѐзъ стѣну̀ заѣхалъ онъ городо̀вую,
Черезъ башню онъ заѣхалъ наугольную,
И вязалъ коня къ кольцю онъ золоченому.
Выходилъ втогда Владиміръ со Опраксіей,
И дивились головы-то тутъ улановой.
Дакъ втогда ужь вотъ завелся тамъ [2]) почестенъ пиръ,
Што на всѣ кнези пиру̀ха [3]) на бо̀яра,
Да на всѣ и паленици-ты удалыя.

(Записано г. Верещагинымъ со словъ Ниженгскаго крестьянина Ивана Пахомова; ср. Приб. къ Изв. А. Н., т. III; разноречія оттуда же).

*
* *

---

1) « Да, видно, молитвы-тѣ твои пустынныя
« Послѣдовали Спасу да съ Богородичей.
« Топерь поди-тко ты, бацько, въ монастырь прецёсные,
« Да во тѣ поди кельи низкія,
« Да моли-тко ты, моли Бога по прежному,
« А я топерь поѣду во Кіевъ градъ.»

2) Втогды зацяли.

3) Пируху.

ДУНАЙ ИВАНОВИЧЪ

I.

1.

(Шенкурскъ).

Во славномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя Владиміра
Столованье было пированьице,
Почестенъ пиръ на всѣхъ на князей на бояръ,
На сильныхъ могучихъ на богатырей,
На всѣ полинѝцы удалыя.
Всѣ ко князю на пиръ собиралися,
Всѣ князи и бояра,
И всѣ сильные могучіе богатыри,
И всѣ полиницы удалыя.
Всхо̀жее солнушко идетъ къ западу,
Бѣлый день-то идетъ къ вечеру,
Почестенъ пиръ идетъ на̀ весело,
И всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ князья и бояра,
И сильные могучіе богатыри,
И всѣ полиницы удалыя;
Всѣ они пьяны-веселы,
Всѣ они промежь собой порасхвастались:
Первой князь хвалился чистымъ серебромъ,
Второй князь хвалился краснымъ золотомъ,
Третёй князь хвалился скатнымъ жемчугомъ.

Не золота̀ трубочка вострубила,
Не серебряна саповочка *) возыграла,—

---

*) *Дудочка.— Ө.*

Проговорилъ слово князь Владиміръ,
Князь Владиміръ стольный Кіевскій:
« Не дѣломъ вы, братцы, хвастаете,
« Не удачей своей похваляетесь;
« У меня ли то нѣтъ чиста сéребра?
« У меня ли то нѣтъ красна золота?
« У меня ли то нѣтъ скатна жемчуга?
« А всѣ вы, князья, у меня изжѐнены *),
« По мѣстамъ вы, князья, да испосажены,
« И всѣ вы, князья, у меня жалованы:
« А я ли Владиміръ не женатъ живу,
« Не женатъ живу, да холостымъ слыву.
« А кто мнѣ знаетъ супротивницу,
« Супротивницу **)—красну дѣвицу?»
Всѣ князья и бояра,
Всѣ сильные могучіе богатыри,
И всѣ полиницы удалыя—
Всѣ другъ за друга хоронятся:
Большой князь хоронится за средняго,
А середній хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго и отвѣту нѣтъ.
Не изъ большаго-то мѣста, не изъ меньшаго,
Изъ того ли мѣста изъ середняго,
Изъ за столья изъ за бѣлодубоваго
Вставалъ-то да добрый молодецъ
Тихій ***) Дунай сынъ Ивановичь,
Низко Владиміру князю покланяется:
— Ужь ты батюшка нашь, Владиміръ князь,
— Ты Владиміръ князь стольный Кіевскій!
— Благослови мнѣ слово молвити,
— Безъ скораго безъ казненья
— И безъ дальнія мнѣ-ка высылки?—
« Теперь ты, Тихій Дунай сынъ Ивановичь,
« Теперь ты что хочешь говори.»

---

*) Переженены.—*О.*

**) Ровню, достойную меня; ср. выше.—*О.*

***) Дунай прозывается *Тихимъ*, ибо таково исконное прозвище (*тихій и бѣлый*) у Славянъ для ихъ старшей рѣки—Дуная.—*О.*

— Жилъ я, Владиміръ князь, въ Ляховинской землѣ
— У Ляховинскаго короля двѣнадцать лѣтъ:
— Ровно три года я былъ въ кóнюхахъ;
— Три года я у воротъ стоялъ,
— У воротъ стоялъ приворотничкомъ:
— Три года я у дверей стоялъ,
— У дверей стоялъ придверничкомъ;
— Три года я у стола стоялъ,
— У стола стоялъ—стольничалъ.
— У того-то у короля у Ляховинскаго
— Есть двѣ дочери—двѣ хорошія:
— Большая-то дочь возрастомъ не мала
— И умомъ-то она на статѣ *),
— Въ грамоту дѣвица поучёная,
— Лицомъ она бѣла, какъ зимній снѣгъ,
— Очи у ея, какъ у сокола,
— Брови у ея, какъ у соболя,
— Ходитъ она, словно лебедушка,
— Глазомъ глянетъ—словно свѣтлый день;
— Будетъ тебѣ она супротивница.—
Князю Владиміру слова приглянулися,
Приглянулися, прилюбилися;
Садилъ онъ его за дубовый столъ,
Учàлъ онъ его чествовать:
« Поѣзжай ты, Дунай, сватовцомъ,
« Бери ты казны, сколько надобно,
« Бери ты тридцать богатырей.»
— Казна мнѣ твоя не надобна,
— О богатыряхъ мнѣ не подумати;
— Дай ты мнѣ любимаго товарища
— Добрыню Никитича.—

Пошли они съ Добрыней Никитичемъ;
Пришли они къ королю Ляховинскому,
Зашли въ палаты высокія бѣлокаменныя.
Не креститъ онъ лица бѣлаго,

---

*) Статна, къ стати, пригодна, какъ слѣдуетъ быть.— О.

На всѣ на четыре стороны покланяется,
Королю Ляховинскому на особицу.
Проговорилъ король Ляховинскій:
« Чтò ты пришолъ ко мнѣ: войной воевать,
« Или по старому служить?»
— Я пришолъ не войной воевать,
— Не по старому служить;
— Я пришолъ о добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ:
— Ты отдай большую дочь свою
— За нашего князя за Владиміра.—
Отвѣтъ держитъ король Ляховинскій:
« За Владиміра можно дѣвка давать:
« Хорошой женихъ, во славѣ во почести.»
— А другую дочь за меня отдай.—
« Веселымъ пиркомъ да и свадебка!»

Отошло дѣло *), и домой снялись,
И пріѣхали ко князю ко Владиміру.
Владиміръ князь возрадовался,
И пошли они ко Божьей церкви, обвѣнчалися;
И пошло у нихъ пированьицо,
Пированье-столованье на весь крещеный людъ.
На пиру Дунай порасхвастался:
— Нѣтъ на свѣтѣ меня сильнѣй!—
« Не дѣломъ ты, Дунай, хвастаешь,»
Говоритъ ему молодая жонка,
« Нѣтъ на свѣтѣ меня стрѣльнѣе **),
« А Ильи Муромца сильнѣе:
« Я у тебя съ тѐмечка перстенекъ сострѣлю,
« И темечка не задеру.»
Не задѣла она, сострѣлила.
Дунай разъ стрѣлилъ—онъ задѣлъ выше:
Надо головы не прихватить;
Другой разъ стрѣлилъ,—на праву сторону на аршинъ:
Третій разъ Дунай намѣтилъ въ ретиво сердце.

---

*) Покончили сватовство.—*О.*

**) Болѣе мѣткой на стрѣльбу.—*О.*

Проговорила жонка Дунаева:
« Почто ты стрѣляешь мнѣ въ ретиво сердце?
« У меня во утробѣ два чада:
« Одно—по колѣнъ ножки въ серебрѣ,
« По локоть ручки въ золотѣ.»
Не слушаетъ Дунай жонки своей,
Стрѣлилъ онъ ей въ ретиво сердце;
Распоролъ груди бѣлыя:
Какъ увидѣлъ онъ два чада—испугался,
Воткнулъ копье тупымъ концомъ въ дубовый полъ,
Бросился на остріе—и животъ скончалъ.

(Записано въ 1844 году г. П. Борисовымъ и доставлено В. И. Далемъ).

*

2.

(Сузунскій заводъ).

У ласкова князя Володиміра
Было пированье—почетный пиръ,
Было столованье—почетный столъ
На всѣ князи и бо́яре
И сильные могучіе бога́тыри.
Будетъ день въ половину дня,
Будетъ столъ во полу̀ столѣ;
Богатыри прирасхвастались
Молодецкою у́далью:
Алешенька Поповичь—что бороться гораздъ,
А Добрыня Никитичь—гораздѣ его,
А Дунай сынъ Ивановичь—изъ лука стрѣлять
По той, было, мѣточкѣ—въ золо́тъ перстень,
Что во ту, было, ставочку муравлену.
Говорила тутъ Дуная жена,
Что по имени Дарья Бродовишна *):

---

*) Збродовична.— О.

« Ахъ ты гой еси, Дунай сынъ Ивановичь!
« А и я тебя не хуже стрѣлять
« По той мѣточкѣ—въ золóтъ перстень,
« Въ ту ставочку муравленую.»
Тутъ-то Дунаю за бѣду стало,
За великую обиду показалося.
Говорилъ онъ своей молодой женѣ:
— Ты гой еси, Дарья Бродовишна!
— Пойдемъ-ко мы на горы высокія,
— На тѣ, было, шеломы окатистые *),
— Станемъ съ тобой изъ туга лука стрѣлять,
— По той мѣточкѣ—въ золóтъ перстень,
— Въ ту ставочку муравлену.—
Тутъ-то его молодая жена
Сдогадалася, спохваталася:
« Ахъ ты, Дунай сынъ Ивановичь!
« Ты прости меня, глупу женщину,
« Что тебя при бесѣдѣ избезчестила:
« У меня есть въ утробѣ чадо милое,
« Чадо̀ милое, любимое,
« По колѣнъ у чада ноги въ золотѣ,
« По локóть у чада руки въ сéребрѣ,
« Во лбу у чада солнце красное,
« На затылкѣ свѣтёлъ мѣсяцъ,
« По косицамъ **) часты̀ звѣзды̀.»
Тому-то Дунай не увѣровалъ;
Бралъ онъ жену за бѣлы̀ рукѝ,
За бѣлы руки, за златы перстнѝ;
Повелъ ее на горы высокія,
На тѣ, было, шеломы окатисты;
Становилъ Дунай молоду жену;
Отскакивалъ на версту пятисотную;
Стрѣлялъ Дунай изъ тугà лукà:
Первóй разъ стрѣлилъ, не дóстрѣлилъ,
Второй разъ стрѣлилъ, перéстрѣлилъ,

*) Ср. выше.—*О.*
**) По вискамъ.—*О.*

Въ третій разъ попалъ въ молоду жену,
Угодилъ по ретиву́ сердцу́,
И убилъ Дунай молоду жену.
Подскакивалъ къ своей молодой женѣ,
Выдергивалъ чинжалище булатное,
Споролъ у ней бѣлу́ю грудь,
Посмотрѣлъ—въ утробѣ чадо милое:
По колѣнъ бы у чада ноги въ золотѣ,
По локо́ть у чада руки въ се́ребрѣ,
Во лбу у чада солнце красное,
На затылкѣ свѣтёлъ мѣсяцъ,
По косицамъ часты звѣзды.
Тутъ ему за бѣду стало,
За великую досаду показалось:
Становилъ кинжалъ тупымъ концомъ,
Становилъ въ сыру́ землю́
И падалъ на кинжалъ ретивы́мъ сердцо́мъ.

Отъ той ли крови отъ горячія
Протекала матушка Дунай рѣка.

(Безъ начала; записано Д. П. Соколовымъ отъ старика Епанешникова; ср. Приб. къ Изв. А. Н., т. II).

*

3 *).

(Онега).

Ай былъ-жилъ Дунай да сынъ Ивановичь,
Гулялъ-гулялъ Дунай да съ земли [1] въ землю,
И загулялъ Дунай да къ королю въ Литву,
А къ тому ли королю да Ляховинскому.
Три́ годы у короля Дунай конюхалъ,

---

*) Разнорѣчія изъ былины, записанной тамъ же и тѣмъ же, но съ большимъ соблюденіемъ мѣстнаго говора; отношеніе между обѣими былинами совершенно то же, какъ выше между двумя былинами о Данилѣ Игнатьевичѣ. — *О.*

1) Изъ земли.

Да три годы у короля онъ стольничалъ,
Ише три годы у короля онъ клюшничалъ.
Какъ король-отъ мо̀лодца да любилъ-жаловалъ,
Да и королиха мо̀лодця вить тако же,
А Настасья королевисьня молодця у луши дёржитъ.

У короля въ тую пору завелся [1]) почестенъ пиръ;
Не спушшаётъ Настасья вить на пиръ мо̀лодця:
« Не ходи-тко ты, Дунай, да на почестенъ пиръ,
« А на томъ-то пиру да напиваются,
« Да на томъ тамъ пиру [2]) все наѣдаются,
« Да похвасташь какъ мной ты, красной дѣвицёй,
« Дакъ потеряёшь ты, Дунай, да свою голову.»
Дунай-отъ Настасьи вить да не слушаётъ.
И пошелъ Дунай да на почестенъ пиръ.
Всѣ на пиру тутъ напивалися,
Вить и всѣ да на пиру-то наѣдалися,
Да и всѣ на пиру [3]) да приросхвастались.
А Дунай-отъ говорилъ да таковы слова:
— Гулялъ я молодѐць да изъ земли въ землю̀,
— Загулялъ я молодѐць да къ королю въ Литву [4]),
— Король меня, молодця, да любилъ-жаловалъ,
— Да и королиха видь молодця тако же [5]),
— А Настасья королевисьня [6]) у души дёржитъ.—

А то вить [7]) какъ королю да не показалося.
Скрычалъ король да гласомъ громкіемъ:

---

1) Втогды у короля зацялсе.

2) Да на томъ ли на пиру-ту.

3) Ише вси вить на песно̀мъ.

4) — А къ тому ли королю да Ляховиньскому:
— Три̑ годы у короля я конюхалъ,
— Да три̑ годы у короля я стольницялъ,
— Ише три̑ годы у короля я клюсьницялъ.

5) — Королиха ласкала, приголубливала.

6) мо̀лодця да

7) Ише эвто.

«Ой же вы, палачи еси немилóсливы,
«Да возмите-тко Дуная за бѣлы̀ рукѝ,
«Ише за тѣ перстни возмите за злаченые,
«Да ведите-тко Дуная во чистó полё,
«Отсѣките-тко Дунаю да буйну голову!»
Повели Дуная мимо домъ да Настасьюшкинъ [1]);
А не дóйдучись дому да Настасьиного,
Скрычалъ Дунай въ полгласа [2]) человѣческа:
— Спишь ты, Настасья, не пробудишься:
— Вить ведутъ-то Дуная во чистó полё [3])!—
Проходилъ онъ противъ дому Настасьина,
Да скрычалъ Дунай да во всю голову:
— Все ты спишь, моя Настасья, не пробудишься:
— Вить ведутъ Дуная да во чистó полё!—
А скрычалъ Дунай-то [4]) гласомъ громкіемъ:
Отъ того палата да и зашаталася,
И королевисьня Настасья пробужалася [5]).
И бѣжитъ Настасья да на широкой дворъ,
Во единой вить рубашечки и бéзъ пояса,
И крычала же она да гласомъ зычныемъ [6]):
«Ой же вы еси, палачи немилóсливые [7])!
«Возмите-тко казны да колько надобно [8]),
«А спустите-тко Дуная во чистó полё!
«Да подите-тко ише да [9]) на царевъ кабакъ,
«И напойте, палачи, да пьяницю кабацкого,
«Да отсѣките-тко ему да буйну голову,
«Тую голову снесите королю Ляховинскому.»

---

1) Настасьинъ.
2) Въ половину гласа.
3) Ему ссѣкци, сказнить да буйна гóлова.
4) Дунай-отъ.
5) Пробужеится.
6) И бѣжитъ въ одной рубашки да и бéзъ пояса,
И крыцитъ Настасья гласомъ громкіемъ.
7) Немилóстивы.
8) Надобѣть.
9) А сами-ты подитё.

И послушались Настасьи палачи немилосливы,
Да и брали оны казны, да колько надобно,
И спустили вить Дуная [1]) во чистò полё,
И пошли оны ише да на царевъ кабакъ,
Напоили оны тамъ да пьяницю кабацкого,
Да отсѣкли оны ему да буйну голову,
И снесли ту голову̀ да къ самому царю [2]).

И пошелъ втогда Дунай да во чистò полё,
Да зашелъ ише Дунай какъ вить во Кіевъ градъ.
Заходилъ Дунай да на царевъ кабакъ,
Пропилъ [3]) тутъ Дунай да шляпу Гречеську,
Ише пропилъ онъ съ собя сапожки сафьяные,
Да съ собя онъ пропилъ и все платьё цвѣтное.»
Сидитъ топерь Дунай да вить въ рогозочки.
Втогда [4]) зачался у Владиміра почестенъ пиръ,
Ише всѣ вить на пиру-ту напивалися,
Да и всѣ вить на честномъ да наѣдалися.
Говорилъ втогда Владиміръ таково слово:
« Всѣ у насъ во Кіеви поженены,
« Да и всѣ у насъ во Кіеви подаваны [*]),
« Только язъ, Владиміръ, одинъ холостъ хожу.
« Хто бы мнѣ зналъ жену да супротивную [5]),
« Да и станомъ мнѣ ровну̀, да и умомъ сверстну̀,
« Штобы очи у ей были, какъ у ясна сокола,
« Да и брови были, какъ у черна [6]) соболя,
« Што у черного ли то соболя Сибирского?»
А въ тую-то было пору, во то время̀,

---

1) Тѣ Настасьи-то, вить, послушали,
Деньги взели, Дуная спустили....

2) Тую голову снесли да самому королю,
Самому королю да Ляховиньському.

3) Пропивалъ.

4) Втогды.

*) Повыдаваны, повыданы.—*О.*

5) Супротивничу.—Ср. выше.—*О.*

6) У цернаго.

Большой-отъ хоронится за среднёго,
А середнёй-отъ хоронится за меньшого [1]),
А отъ меньшого Владиміру отвѣту нѣтъ.
Говорилъ тутъ Владиміръ во другой наконъ *),
Говорилъ же вить Владиміръ и въ третѐй наконъ.
А и было въ тую пору, да во то время̀,
Выходилъ тутъ дородне-доброй молодець
Изъ за того онъ стола да бѣлодубова,
Изъ за тòя онъ скатёрки-то берчàтыя **),
Ише нà имя Малюта Воскурлатовъ сынъ [2]).
Самъ онъ говорилъ да таково словò:
«« Ой же ты, осударь нашь, Владиміръ князь!
«« Прикажи-тко-се мнѣ да слово молвити,
«« Безъ той ли безъ высылки безъ дальныя,
«« Безъ той ли безъ кàзани ***) безъ смертныя?»»
« Говори же ты, Малюта, тобя Богъ проститъ.»
«« Есть на царевомъ бòльшомъ кàбаки:
«« Сидитъ вить тамъ Дунай да въ рогòзочки [3]),
«« Къ тобѣ не въ чемъ притти ему да на почестенъ пиръ;
«« А знатъ онъ тобѣ жену да супротивницю,
«« И станòмъ тобѣ ровнỳ, да и умомъ сверстнỳ,
«« Вить и очи-то у ей, какъ у ясна сокола,
«« Да и брови-ты у ей, какъ у черна соболя,
«« Што у черного ли то соболя Сибирсково.»»
Говорилъ тутъ Владиміръ таковы слова:
« Бери-тко ты, Малю̀та, золотыѐ ключи,
« Отмыкай-ко-се, Малюта, кованыѐ сундуки,
« Да бери-тко ты казны, да колько надобно [4]),
« И поди же [5]) ты, Малюта, на царевъ кабакъ,

---

1) За младшого.

*) Разъ.—*О.*

**) Браной.—*О.*

2) Ише на̀ имя Олёша Поповиць сынъ.—И ниже то же —*О.*

***) Казни.—*О.*

3) Повторяется, что̀ пропилъ Дунай.—*О.*

4) Надобѣть.

5) Иди-тко.

« Выкупай-ко-се ты платье Дунаево,
« Да веди-тко ты Дуная на почестенъ пиръ.»
Бралъ Малюта да золоты ключи,
Отмыкалъ онъ да кованы̀ сундуки,
И онъ бралъ казны, да колько надобно.
Приходилъ Малюта на царевъ кабакъ [1]):
«« Ой же вы, чумаки, цѣловальники!
«« Берите-тко вы денегъ, да колько надобно,
«« А отдавайте-тко вы пла̀тьё Дунаёво!»»
Обирали оны деньги, колько надобно,
Отдавали оны платьё Дунаёво.
«« Ты пожалуй-ко, Дунай, къ князю Владиміру,
«« Званъ ты имъ да вить на почестенъ пиръ [2]).»»
Отвѣтъ дёржалъ Дунай да таковы слова:
— Со похмѣлья у меня, видно, съ го́лоду
— Розломило у меня да буйну го́лову [*]).—
Наливали ему чару зелена̀ вина,
Ише тая-та чара вить въ полтора ведра;
Принималъ ее Дунай да едино̀й рукой,
Да выпивалъ Дунай да на еди̇ной духъ.
Тутъ молодцы̀ заотправлялися,
Ише шли оны по городу по Кіеву,
Дѣвки, жонки по плечь въ окно металися:
« Ише гдѣ эдаки молодцы да спорожалися?»
Приходилъ Дунай къ Владиміру на почестенъ пиръ;
Началъ тутъ Владиміръ у Дуная спрашивати,
А Дунай-то сталъ ему отвѣтъ дёржать:
— Гулялъ я, мо̀лодець, да изъ земли въ землю̀,
— Загулялъ я, мо̀лодець, да къ королю въ Литву,
— Былъ въ услу̀женьи [3]) у короля я девять лѣтъ;
— Вить какъ есть у короля двѣ дочери:

---

[1]) Да крицялъ Олёша гласомъ зысьныемъ.

[2]) Говорилъ ему Олёша таковы слова:
«« Ты пожалуй-ко, Дунай да сынъ Ивановиць,
«« Ко Владимеру кнезю на поцестёнъ пиръ.»»

[*]) Народная пословица.—*О.*

[3]) Служилъ.

— Бо̀льшая дочка Настасья королевисьна,
— Да все ѣздитъ во чисто̀ полё поляковать;
— А вторая-то есть дочка да Опраксія,
— Сидитъ она за тридевятью замка̀ми,
— Да сидитъ она за тридевятью ключами,
— Штобы и вѣтеръ не за̀вѣлъ, да и солнцё не за̀пекло [1]),
— Да и добры мо̀лодци штобы не за̀видѣли,
— И станомъ тобѣ [2]) ровна, да и умомъ сверстна̀,
— И очи-то у ей, какъ у ясна сокола,
— А и брови-ты у ей, какъ у черна соболя,
— Што у черного ли то соболя Сибирскаго.—
« Ой же ты, Дунай да сынъ Ивановичь!
« Бери-тко ты, Дунай, да што тѣ надобно,
« Го̀роды тѣ нать-ли [*]) съ пригоро̀дами,
« Ише [3]) села ли тѣ нать да со приселками,
« Али мнова [**]) тобѣ надоть золота̀ казна,
« Али сила тобѣ надоть несчетная;
« Доставай-ко-се ты, Дунай, да Опраксію!»
Отвѣтъ дёржалъ Дунай да таковы слова:
— Мнѣ не надоть твои го̀роды да съ пригоро̀дами,
— И не надоть мнѣ-ка села со приселками,
— Да не надоть и твоя мнѣ золота̀ казна,
— Да не нать мнѣ-ка и сила да несчетная;
— Только дай ты мнѣ Добрынюшу [4]) Никитича,
— Да и дай-ко ты ише мнѣ Алешу Поповича.—
И спустилъ съ Дунаемъ-то Владиміръ князь
Добрынюшу Никитича да со Алешёю [5]).

---

1) — Штобы, вишь, вѣтры не за̀вѣли,
— Да соньчё красно не за̀пекло.

2) Она тѣ.

*) Надоть ли.— *О.*

3) Али.

**) Многа.— *О.*

4) Добрынюшку.

5) Да и далъ ему Владимеръ кнезь
Добрынюшку Микитиця да Олёшу Поповиця.

И поѣхали вить да свататися [1]).
Только видѣли молодцёвъ сѣдучись,
Да не видѣли вить ихъ да поѣдучись [2]),
Только ходитъ пыль, да курева [*]) столбомъ стоитъ.

Пріѣжжали молодци къ королю да къ Ляховинскому,
И король-отъ молодця да стрѣчаётъ тутъ:
« Да ты здрастуй-ко, Дунай да сынъ Ивановичъ!
« Ты служить ко мнѣ пріѣхалъ да по прежному,
« Да служить ли ты пріѣхалъ мнѣ по старому?»
Отвѣчалъ ему Дунай да таковы слова:
— Не служить я къ тѣ пріѣхалъ да по прежному,
— Не пріѣхалъ я служить тобѣ по старому [3]);
— Вишь я ѣжжу за добрымъ дѣломъ—за сватовеньюмъ:
— Да отдай-ко ты Опраксію да королевисьню
— Да за нашего ли князя за Владиміра.—
А и то вить [4]) королю не показалося,
Хочетъ король Дуная притѣснити тутъ.
А Дунай-отъ сдергивалъ скамейку дубовую,
Да завелъ вить онъ скамьею-то помахивать.
Втогда король одва и живъ лёжитъ,
Вышелъ онъ потомъ да на крыльцё злаченоё,
А Опраксію втогда вить на коня садятъ [5]).
Говорилъ туто король да таковы слова:
« Ой же ты, Дунай да сынъ Ивановичъ!
« Коли ты берешь у меня [6]) Опраксію,

---

1) Поѣхали молодци-ти свататьсе
Да къ тому тамъ королю Ляховиньському.
2) Сѣдуци.... поѣдуци....
*) Пыль.—*О.*
3) — Я пріѣхалъ къ тобѣ, вить, служить не по прежному,.
— Да пріѣхалъ къ тобѣ служить не по старому.
4) Ише эвто.
5) Сдёргиватъ Дунай скамейку дубовую,
Да и нацялъ Дунай-отъ скамейкой помахивать:.
Дакъ втогды король одва и живъ лёжитъ;
Выходили втогда молодци на крыльчё золоцёноё,
Выводили Опраксёю да и на коня садятъ.
6) Дочку.

« Дакъ возми-тко ты съ ей и придано все!»
Обирали молодци все приданоё [1]),
И поѣхали молодци во чисто поле.

Ѣдутъ какъ оны по чисту̀ полю̀,
Перепала ископыть *) лошадиная,
А на ископыти подпись похвальная:
«« Хто во этую поѣдётъ дороженьку [2]),
«« Дакъ тому-то и вить живу̀ не быть.»»
Розгорѣлося тутъ у Дуная ретиво̀ сарцо̀,
Помутилися [3]) его ясны̀ очѝ:
— А возми-тко ты, Добрыня, Опраксію,
— Да вези-тко ты ее да во Кіевъ градъ [4]),
— А самъ-отъ я [5]) поѣду во чисто̀ полё.—
Во чистомъ поли Дунай-отъ усматриватъ,
Што бога̀тырь какъ сѣнна куча шатается [6]).
Съѣхались скоро мо̀лодци, ударились,
Палици у ихъ поломалися;
Во второй [7]) разъ съѣхались, ударились,
Сабли у ихъ пощербалися **);
Соходили потомъ [8]) молодци рукопашкою:
Первой день водилися оны до вечера,

---

1) Повыбралъ Дунай да золоту казну,
Повыносилъ златыхъ перстнёвъ, скатна жѐньцюга.

*) Попался по дорогѣ комъ изъ подъ копыта; ср. выше.—*О.*

2) Кому въ этую дороженьку ѣхати.

3) И смутилисе.

4) — Ой же ты, Добрынюшка Микитовиць,
— Да ты ой еси, Олёша Поповиць сынъ!
— Вы возьмите-тко Опраксѐю королевисьню,
— Да возите-тко ей да во Кіевъ градъ
— А ко нашему-то кнезю ко Владимеру....

5) — А я-та.

6) Во цисто̀мъ поли видитъ бога̀тырь,
Какъ сѣнна куця стоитъ да шатаитсе.

7) Въ другой.

**) Выщербились, зазубрились.—*О.*

8) Дакъ соходили.

Да темну ночепьку водились до бѣла̀ свѣта̀,
И второй-отъ день водилися до вечера.
И упалъ дородне-доброй мо̀лодець,
Со добра коня упалъ на мать сыру̀ землю̀,
А Дунай-отъ да садился на черны̀ груди̇ [1],
И говорилъ тутъ Дунай да таковы слова:
— Ты скажись мнѣ-ка, скажись-ко-се [2],
— Ты которой земли, да ты коёй орды?
— Да и какъ же тобя да именёмъ зовутъ [3]?—
А въ исподи̇ лежитъ да гордо̀й думаётъ:
« Кабы я сидѣлъ да на бѣлы̀хъ [4] грудяхъ,
« Не спрашивалъ бы ни имени, ни вотчины,
« А распоролъ бы [5] я вить груди бѣлыя,
« Да и вынялъ бы [6] вить я да сарцо съ печенью.»
Говорилъ Дунай да во второй наконъ:
— Ты скажись мнѣ-ка, скажись-ко-се,
— Ты которой земли, да ты коёй орды?
— Ише какъ тобя да именёмъ зовутъ?—
Вынималъ Дунай да свой булатенъ ножь,
И видитъ молодѐць, што хлопота̀ пришла:
« Да ты здрастуй-ко, Дунай да сынъ Ивановичь!
« А попомни-тко [7], какъ жилъ ты у нашего у батюшка,
« Да у короля-та жилъ ты Ляховинского?
« Я вить есть Настасья королевисьня!»
Ставалъ втогды Дунай да на рѣзвы̀ ноги,
Подымалъ Дунай Настасью на рѣзвы ноги̇ [8],
Цѣловалъ Настасью онъ въ уста сахàрьныя;
Съ того со времени̇ во Кіевъ градъ отправились [9].

---

[1] На цёрну́ю грудь.

[2] — Ты скажись-ко-се, скажись, доброй мо̀лодець,

[3] — Да и какъ тя велицѐютъ изъ отецесьва?—

[4] На цёрны̀хъ.

[5] А поролъ бы.

[6] Вынималъ бы.

[7] А помни–тко.

[8] Настасьюшку съ сырой земли.

[9] Заотправлелисе.

Прiѣзжаютъ [1]) оны ко городу ко Кiеву,—
Опраксiю королевисьню отвѣнчали ужъ,
А Настасью королевисьню ко вѣнцю ведутъ [2]).
У Владимiра втогда зачался почестенъ пиръ.
Дакъ и всѣ на пиру-ту напивалися,
Да и всѣ вить на честномъ да прирохвастались.
А Настасья королевисьня похвастала:
«Вить не долго я во Кiеви пòжила,
«А все я во Кiеви повызнала:
«Вить Алёша Поповича смѣлѣ нѣтъ во Кiеви [3]),
«А Добрынюша [4]) вѣжливѣ нѣтъ во всемъ Кiеви,
«А коли по мѣтамъ-то стрѣлять,
«Дакъ мѣтнѣ *) меня нѣтъ во всемъ Кiеви!»
То какъ да Дунаю и не показалося.
Положили оны великъ залогъ **):
Отойти зà вёрсту за мѣрную,
Положить злаченъ перстѐнь на буйну̀ главу,
Да на буйну̀ главу положить на Дунаёву.
Отходила Настасья зà вёрсту за мѣрную;
Заводила она стрѣ́лить [5]) въ злаченъ перстѐнь,
Што на буйнòй головы да на Дунаёвой,
Дакъ рошшибла она перстень нà двое,
И ни котòра половина не болѣе.
Становилась потомъ Настасья королевисьня;
Положили ей [6]) злаченъ перстѐнь на буйну̀ главу;
А Дунай-то отходилъ зà вёрсту мѣрную,
Въ первòй разъ онъ стрѣлилъ,—не дòстрѣлилъ,
А въ другòй разъ стрѣлилъ,—да перѐстрѣлилъ.

---

1) Прiѣжжали.

2) Повели.

3) Во всемъ Кiеви.

4) Добрыни Микитиця.

*) Мѣтня, мѣтнѣе; «мѣтной»—мѣтко попадающiй въ цѣль.—*Прим. 1-го изд.*

**) Закладъ.—*О.*

5) Она стрѣ́лила.

6) Положилъ ей Дунай-отъ злацёнъ перстѐнь,
Положилъ перстѐнь Настасьи на буйну̀ главу̀

И видитъ Настасья, што хлопотà пришла,
Говорила [1]) Настасья да таковы слова:
« Нѐ жаль мнѣ-ка свѣту бѣлого,
« А жалко мнѣ младеня во череви;
« По локòту у младеня руки въ сѐребри,
« По колѣнъ у младеня ноги въ золоти [2]).»
Стрѣлилъ Дунай да и въ третѐй наконъ:
Попало Настасьи въ ретивò сарцò,
И убилъ Дунай молоду жену,
Приходилъ къ ей Дунай шагòмъ варòвыемъ [3]),
И видитъ—Настасья мертвà лёжитъ [4]).
Становилъ [5]) Дунай да въ мать сыру землю̀
Свой булатенъ ножь да тупымъ концемъ,
И говорилъ Дунай да таковы слова:
« А гдѣ тѣло лёжитъ Настасьино [6]),
« Да останься тутъ тѣло и Дунаево!»
И падалъ онъ на ножь да ретивы̀мъ сарцòмъ.

Со того ли времени, отъ крови горячія
Протекала матушка Дунай рѣка,
Отнынѣ Дунай да и дà вѣку [7]).

(Записано г. Верещагинымъ; ср. Приб. къ Изв. А. Н., т. III).

*

---

1) Говоритъ.

2) « По косѝчамъ (по вискамъ) у младеня цясты̀ звѣзды.»

3) Скоро нá скоро.—*Вардвый*, быстрый, проворный.—*Прим. 1-гò изд.*

4) Вынималъ Дунай да свой булатёнъ ножь.

5) Тутъ втыкалъ.

6) Настасьюшкино.

7) Втогды падалъ Дунай на вострой ножь,
И убилъ онъ заколоъ самъ собя,
Пролилась-то кровь, да кровь горѐцяя.

От той ли то крови гореція
Протекала мать Дунай рѣка,
Отнынѣ Дунай до и дó вѣку.

4.

(Кирша Даниловъ).

Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
Что у ласкова сударь князя Владиміра,
А и было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ;
Много на пиру было князей и бояръ,
И Рускихъ могучихъ богатырей.
А и будетъ день въ половину дня,
Княженецкой столъ во полу столѣ,
Владиміръ князь разпотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Черныя кудри разчесываетъ,
Говорилъ онъ, сударь, ласковой
Владиміръ князь таково слово:
« Гой еси вы, князи и бояра, и могучіе богатыри!
« Всѣ вы въ Кіевѣ переженены,
« Только я Владиміръ князь холостъ хожу,
« А и холостъ я хожу, не женатъ гуляю:
« А кто мнѣ-ка знаетъ сопротивницу *),
« Сопротивницу знаетъ красну дѣвицу?
« Какъ бы та была дѣвица станомъ статна,
« Станомъ бы статна и умомъ свершна **),
« Ея бѣлое лице какъ бы бѣлой снѣгъ,
« И ягодицы ***) какъ бы маковъ цвѣтъ,
« А и черныя брови какъ соболи,
« А и ясныя очи какъ бы у сокола.»
А и тутъ большой за меньшаго хоронится,
Отъ меньшаго ему князю отвѣту нѣту.
Изъ того было стола княженецкаго,
Изъ той скамьи богатырскія,
Выступается Иванъ Гостиной сынъ,
Скочилъ онъ на мѣсто богатырское,

*) Ср. выше; ровню, дружку, подходящую, пару мнѣ. — *О.*
**) Вѣроятно *сверстна*: сверстница по уму. — *О.*
***) Здѣсь—щёки. — *О.*

Вскричалъ онъ, Иванъ, зычнымъ голосомъ:
— Гой еси ты, сударь, ласковой Владиміръ князь!
— Благослови предъ собой слово молвити,
— И единое слово безопальное,
— А и безъ тоя опалы великія:
— Я ли, Иванъ, въ Золотой ордѣ бывалъ
— У грознаго короля Етмануйла Етмануйловича,
— И видѣлъ во дому его двухъ дочерей:
— Первая дочь Настасья королевишна,
— А другая Афросинья королевишна;
— Сидитъ Афросинья въ высокомъ терему,
— За тридесять замками булатными,
— А и буйные вѣтры не вихнутъ *) на ее,
— А красное солнце не печетъ лице.
— А то-то, сударь, дѣвушка станомъ статна,
— Станомъ статна и умомъ свершна,
— Бѣлое лице какъ бы бѣлой снѣгъ,
— А ягодицы какъ маковъ цвѣтъ,
— Черныя брови какъ бы соболи,
— Ясныя очи какъ у сокола.
— Посылай ты, сударь, Дуная свататься.—
Владиміръ князь стольной Кіевской
Приказалъ наливать чару зелена вина въ полтора ведра,
Подносить Ивану Гостиному
За тѣ его слова хорошія,
Что сказалъ ему обручницу **).
Призываетъ онъ Владиміръ князь
Дуная Ивановича въ спальню къ себѣ,
И сталъ ему на словахъ говорить:
« Гой еси ты, Дунай сынъ Ивановичь!
« Послужи ты мнѣ службу заочную,
« Съѣзди, Дунай, въ Золоту орду
« Ко грозному королю Етмануйлу Етмануйловичу,
« О добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ
« На его любимой на дочери,
« На честной Афросиньѣ королевишнѣ;

*) Не повѣютъ.—*О.*

**) Это начало ср. съ былиною выше, объ Иванѣ Гостиномъ.—*О.*

« Бери ты моей золотой казны,
« Бери триста жеребцовъ и могучихъ богатырей.»
Подноситъ Дунаю чару зелена вина въ полтора ведра,
Турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра;
Выпиваетъ онъ, Дунай, чару тоя *) зелена вина,
И турій рогъ меду сладкаго,
Разгоралася утроба богатырская
И могучія плеча разходилися
Какъ у молода Дуная Ивановича,
Говоритъ онъ, Дунай, таково слово:
— А и ласково солнце, ты Владиміръ князь!
— Не надо мнѣ твоя золота казна,
— Не надо триста жеребцовъ,
— И не надо могучіе богатыри;
— А и только пожалуй одного мнѣ молодца,
— Какъ бы молода Екима Ивановича,
— Которой служитъ Алешкѣ Поповичу. —
Владиміръ князь стольной Кіевской
Тотчасъ самъ онъ Екима руками привелъ:
« Вотъ, де, тѣ, Дунаю, будетъ паробочекъ!»
А скоро Дунай снаряжается,
Скоря того богатыри поѣздку чинятъ
Изъ стольнаго города Кіева
Въ дальну орду, Золоту землю.

И поѣхали удалы-добры молодцы;
А и ѣдутъ недѣлю спопряду,
И ѣдутъ недѣлю уже другую,
И будутъ они въ Золотой ордѣ
У грознаго короля Етмануйла Етмануйловича;
Середи двора королевскаго
Скакали молодцы съ добрыхъ коней,
Привязали добрыхъ коней къ дубову столбу,
Походили во палату бѣлокаменну,
Говоритъ тутъ Дунай таково слово:
— Гой еси, король въ Золотой ордѣ!
— У тебя ли во палатахъ бѣлокаменныхъ

*) Тоё.— О.

— Нѣту Спасова образа,
— Некому у тя помолитися,
— А и не за что тебѣ поклонитися.—
Говоритъ тутъ король Золотой орды,
А и самъ онъ король усмѣхается:
« Гой еси, Дунай сынъ Ивановичъ!
« Али ты ко мнѣ пріѣхалъ по старому служить и по прежнему?»
Отвѣчаетъ ему Дунай сынъ Ивановичъ:
— Гой еси ты, король въ Золотой ордѣ!
— А и я къ тебѣ пріѣхалъ не по старому служить и не по прежнему,
— Я пріѣхалъ о дѣлѣ о добромъ къ тебѣ,
— О добромъ-то дѣлѣ—о сватаньѣ,
— На твоей, сударь, любимой-то на дочери,
— На честной Афросиньѣ королевищнѣ,
— Владиміръ князь хочетъ женитися.—
А и тутъ королю за бѣду стало,
А рветъ на главѣ кудри черныя
И бросаетъ о кирпищетъ полъ,
А при томъ говоритъ таковое слово:
« Гой еси ты, Дунай сынъ Ивановичъ!
« Кабы прежде у меня не служилъ вѣрою и правдою,
« Тобъ велѣлъ посадить во погреба глубокіе
« И уморилъ бы смертью голодною
« За тѣ твои слова за бездѣльныя.»
Тутъ Дунаю за бѣду стало,
Разгоралось его сердце богатырское,
Вынималъ онъ свою сабельку острую,
Говорилъ таково слово:
— Гой еси, король Золотой орды,
— Кабы у тя во дому не бывалъ,
— Хлѣба-соли не ѣдалъ,
— Сѣкъ бы по плечь буйну голову.—
Тутъ король неладомъ *) заревѣлъ зычнымъ голосомъ,
Псы борзы заходили на цѣпяхъ,
А и хочетъ Дуная живьемъ стравить

*) Безобразно, непорядкомъ.—*О.*

Тѣми кобелями Меделянскими.
Скричитъ тутъ Дунай сынъ Ивановичъ:
— Гой еси, Екимъ сынъ Ивановичь!
— Что ты сталъ, да чего глядишь?
— Псы борзы заходили на цѣпяхъ,—
— Хочетъ насъ съ тобой король живьемъ стравить. —
Бросился Екимъ сынъ Ивановичь,
Онъ бросился на широкой дворъ,
А и тѣ мурзы-улановья
Не допустятъ Екима до добра коня,
До своей его палицы тяжкія,
А и тяжкія палицы мѣдныя,
Лита она была въ три тысячи пудъ;
Не попала ему палица желѣзная,
Что попала ему ось-то телѣжная,
А и зачалъ Екимъ помахивати,
Прибилъ онъ силы семь тысячей мурзы-улановья,
Пять сотъ онъ прибилъ Меделянскихъ кобелей.
Закричалъ тутъ король зычнымъ голосомъ:
« Гой еси, Дунай Ивановичь!
« Уйми ты своего слугу вѣрнаго,
« Оставь мнѣ силы хоть на сѣмена;
« А бери ты мою дочь любимую
« Афросинью королевишну.»
А и молодой Дунай сынъ Ивановичь
Унималъ своего слугу вѣрнаго,
Пришелъ ко высокому терему,
Гдѣ сидитъ Афросинья въ высокомъ терему,
За тридесять замками булатными;
Буйны вѣтры не вихнутъ на ее,
Красное солнце лица не печетъ;
Двери у палатъ были желѣзныя,
А крюки, пробои по булату злачены;
Говорилъ тутъ Дунай таково слово:
— Хоть нога изломить, а двери выставить! —
Пнетъ во двери желѣзныя,
Приломалъ онъ крюки булатные,
Всѣ тутъ палаты зашаталися,

Бросится дѣвица, испужалася,
Будто угорѣлая вся,
Хочетъ Дуная во уста цѣловать;
Проговоритъ Дунай сынъ Ивановичь:
— Гой еси, Афросинья королевишна!
— А и ряженой кусъ, да не суженому ѣсть *):
— Не цѣлую я тебя во сахарные уста;
— А и Богъ тебя, красну дѣвицу, милуетъ,
— Достанешься ты князю Владиміру.—
Взялъ ее за руку за правую,
Повелъ изъ палатъ на широкой дворъ,
А и хочутъ садиться на добрыхъ на коней;
Спохватился король въ Золотой ордѣ,
Самъ говорилъ таково слово:
« Гой еси ты, Дунай Ивановичь!
« Пожалуй подожди мурзы-улановья.»
И отправляетъ король своихъ мурзы-улановья
Везти за Дунаемъ золоту казну;
И тѣ мурзы-улановья
Тридцать телѣгъ ордынскыхъ насыпали златомъ,
И серебромъ, и скатнымъ жемчугомъ,
А сверхъ того каменьи самоцвѣтными.
Скоро Дунай снаряжается,
И поѣхали они ко городу ко Кіеву.

А и ѣдутъ недѣлю уже спорядку,
А и ѣдутъ уже другую,
И тутъ же везутъ золоту казну.
А наѣхалъ Дунай бродучій слѣдъ,
Не доѣхавши до Кіева за сто верстъ;
Самъ онъ Екиму сталъ наказывать:
— Гой еси, Екимъ сынъ Ивановичь!
— Вези ты Афросинью королевишну
— Ко стольному городу ко Кіеву,
— Ко ласкову князю Владиміру,
— Честно, хвально и радостно;

*) Пословица: кусъ ряженой, пригодный, да не мнѣ суждено его ѣсть, не я твой суженый.— *О.*

—Было бы намъ чѣмъ похвалитися
—Великому князю во Кіевѣ.—
А самъ онъ Дунай поѣхалъ
По тому слѣду по свѣжему, бродучему.
А и ѣдетъ ужь сутки, другіе,
Въ четвертые сутки слѣдъ дошелъ.
На тѣхъ на лугахъ на потѣшныихъ,
Куда ѣздилъ ласковой Владиміръ князь завсегда за охотою,
Стоитъ на лугахъ тутъ бѣлъ шатеръ,
Во томъ шатру опочивъ держитъ красна дѣвица,
А и та ли Настасья королевишна.
Молодой Дунай онъ догадливъ былъ:
Вымалъ изъ налучна тугой лукъ,
Изъ колчана вынулъ калену стрѣлу,
А и вытянулъ лукъ за ухо, калену стрѣлу *),
Котора стрѣла семи четвертей,
Хлеснетъ онъ Дунай по сыру дубу,
А спѣла вѣдь тетивка у туга лука,
А дрогнетъ матушка сыра земля
Отъ того удару богатырскаго,—
Угодила стрѣла въ сыръ крековистой **) дубъ,
Изломала его въ черенья ножевые.
Бросилася дѣвица изъ бѣла шатра будто угорѣлая;
А и молодой Дунай онъ догадливъ былъ:
Скочилъ онъ, Дунай, со добра коня,
Воткнетъ копье во сыру землю,
Привязалъ онъ коня за остро копье,
И гораздъ онъ со дѣвицею дратися,
Ударилъ онъ дѣвицу по щекѣ,
А пнулъ онъ дѣвицу подъ .....,—
Женской полъ отъ того пухолъ живетъ,—
Сшибъ онъ дѣвицу съ рѣзвыхъ ногъ,
Онъ выдернулъ чингалище булатное,
А и хочетъ взрѣзать груди бѣлыя;

---

*) Потянулъ лукъ и спустилъ стрѣлу.—*О.*

**) *Крековистый, кряковистый:* съ корявымъ, крюковатымъ пнемъ, суковатый и здоровый.—*О.*

Втапоры дѣвица возмолилася:
« Гой еси ты, удалой доброй молодецъ!
« Не коли ты меня дѣвицу до смерти:
« Я у батюшки-сударя отпрошалася,
« Кто меня побьетъ во чистомъ полѣ,
« За того мнѣ дѣвицѣ за мужь итти.»
А и туто Дунай сынъ Ивановичь
Тому ея слову обрадовался,
Думаетъ себѣ разумомъ своимъ:
— Служилъ я, Дунай, во семи ордахъ,
— Въ семи ордахъ, семи королямъ,
— А не могъ себѣ выжить красныя дѣвицы:
— Нонѣ я нашелъ во чистомъ полѣ
— Обручницу, сопротивницу.—
Тутъ они обручалися,
Кругъ ракитова куста вѣнчалися;
А скоро ей приказъ отдалъ собиратися,
И обралъ у дѣвицы сбрую всю:
Куякъ *) и панцырь съ кольчугою;
Приказалъ онъ дѣвицѣ наряжатися
Въ простую епанечку бѣлую,
И поѣхали ко городу ко Кіеву.

Только Владиміръ стольной Кіевской
Втапоры ѣдетъ отъ злата вѣнца,
И пріѣхалъ князь на свой княженецкой дворъ,
И во свѣтлы гридни убиралися,
За убраные столы сажалися.
А и молодой Дунай сынъ Ивановичь
Пріѣхалъ ко церкви соборныя,
Ко тѣмъ попамъ и ко дьяконамъ,
Приходилъ онъ во церкву соборную,
Просить честныя милости
У того архіерея соборнаго,
Обвѣнчать на той красной дѣвицѣ.
Ради были тому попы соборные,—

*) *Куякъ*: слово, понынѣ употребительное въ Тамбовск. и Рязанск. губерніи, въ смыслѣ шелома и колпака; въ старину — щитковыя или наборныя изъ бляхъ латы, нашитыя на сукно.— *О.*

Въ тѣ годы присяги не вѣдали,—
Обвѣнчали Дуная Ивановича;
Вѣнчальнаго далъ Дунай пять сотъ рублей
И поѣхалъ ко князю Владиміру.
И будетъ у князя на широкомъ дворѣ,
И скочили со добрыхъ коней съ молодой женой,
И говорилъ таково слово:
— Доложитесь князю Владиміру,
— Не о томъ, что итти во свѣтлы гридни,
— О томъ, что не въ чемъ итти княгинѣ *) молодой,
— Платья женскаго только одна и есть епанечка бѣлая.—
А втапоры Владиміръ князь онъ догадливъ былъ,
Знаетъ онъ кого послать:
Послалъ онъ Чюрила Пленковича
Выдавать платьице женское цвѣтное,
И выдавали они тутъ соянъ **) хрущатой ***) камки
На тое княгиню новобрачную,
На Настасью королевишну,
А цѣна тому сояну сто тысячей;
И снарядили они княгиню новобрачную,
Повели ихъ во палаты княженецкія,
Во тѣ гридни свѣтлыя,
Сажали за столы убраные,
За яства сахарныя и за питья медвяныя:
Сѣли уже двѣ сестры за однимъ столомъ.
А и молодой Дунай сынъ Ивановичь
Женилъ онъ князя Владиміра,
Да и самъ тутъ же женился,
Въ томъ же столѣ столовати сталъ.
А жили они время не малое.

У князя Владиміра, у солнышка Сеславьевича
Была пирушка веселая.
Тутъ пьяной Дунай разхвастался:

---

*) Невѣстѣ.—*О.*

**) *Соянъ*: понынѣ, въ Смоленск. и Тверск. губ., исподница, суконная юбка; крашенинный сарафанъ.—*О.*

***) *Хрущатый* (хржст—хржст) — хрящатый, жесткій, суровый, плотный.—*О.*

— Что нѣтъ противъ меня во Кіевѣ такова стрѣльца,
— Изъ туга лука по примѣтамъ *) стрѣлять.—
Что взговоритъ молода княгиня Апраксѣевна:
« Что гой еси ты, любимой мой зятюшка,
« Молодой Дунай сынъ Ивановичь!
« Что нѣту, де, во Кіевѣ такого стрѣльца,
« Какъ любезной сестрицы моей Настасьи королевишны.»
Тутъ Дунаю за бѣду стало.
Бросали они жеребья,
Кому прежде изъ туга лука стрѣлять,
И досталось стрѣлять его молодой женѣ
Настасьѣ королевишнѣ,
А Дунаю досталось на главѣ золото кольцо держать.
Отмѣрили мѣсто на цѣлу версту тысячну,
Держитъ Дунай на главѣ золото кольцо:
Вытягала Настасья калену стрѣлу,
Спѣла, де, тетивка у туга лука,
Сшибло съ головы золото кольцо
Тою стрѣлкою каленою;
Князи и бояра тутъ металися,
Усмотрѣли калену стрѣлу,
Что на тѣхъ-то перушкахъ лежитъ то золото кольцо.
Въ тѣ поры Дунай становилъ на примѣту свою молоду жену;
Стала княгиня Апраксѣевна его уговаривати:
«« А и ты гой еси, любимой мой зятюшка,
«« Молодой Дунай сынъ Ивановичь!
«« То вѣдь шуточка пошучена.»»
Да говорила же его и молода жена:
« Оставимъ, де, стрѣлять до другаго дня,
« Есть, де, въ утробѣ у меня могучь богатырь;
« Первой, де, стрѣлкой не дострѣлишь,
« А другой, де, перестрѣлишь,
« А третьею, де, стрѣлкою въ меня угодишь.»
Втапоры князи и бояра
И всѣ сильны могучи богатыри
Его молода Дуная уговаривали.

*) *Примѣта*: мѣта, цѣль.— *О.*

Втапоры Дунай озадорился,
И стрѣлялъ въ примѣту на цѣлу версту въ золото кольцо,
Становилъ стоять молоду жену;
И втапоры его молода жена
Стала ему кланятися и передъ нимъ убиватися:
« Гой еси ты, мой любезной ладушка,
« Молодой Дунай сынъ Ивановичь!
« Оставь шутку на три дни,
« Хошь не для меня, но для своего сына нерожденнаго:
« Завтря рожу тебѣ богатыря,
« Что не будетъ ему сопротивника.»
Тому-то Дунай не повѣровалъ,
Становилъ свою молоду жену Настасью королевишну
На мѣту съ золотымъ кольцомъ,
И велѣли держать кольцо на буйной главѣ,
Стрѣлялъ Дунай за цѣлу версту изъ туга лука:
А и первой стрѣлой онъ не дострѣлилъ,
Другой стрѣлой перестрѣлилъ,
А третьею стрѣлою въ ее угодилъ.
Прибѣжавши Дунай къ молодой женѣ,
Выдергивалъ чингалище булатное,
Скоро споролъ ей груди бѣлыя,—
Выскочилъ изъ утробы удалъ молодецъ,
Онъ самъ говоритъ таково слово:
«« Гой еси, сударь мой батюшка!
«« Какъ бы далъ мнѣ сроку на три часа,
«« А и я бы на свѣтѣ былъ попрыжѣе *)
«« И полутчѣе въ семь семерицъ тебя.»»
А и тутъ молодой Дунай сынъ Ивановичь запечалился,
Ткнулъ себя чингалищемъ во бѣлы груди,
Съ горяча онъ бросился во быстру рѣку,

Потому быстра рѣка Дунай словетъ:
Своимъ устьемъ впала въ сине море.
А и то старина, то и дѣянье!

* *
*

*) Попрытче.— О.

СОРОКЪ КАЛИКЪ СО КАЛИКОЮ.

I.

1.

(Шенкурск. уѣзда, деревня Шихеринская).

Изъ Волынца гóрода, изъ Галича *),
Изъ той же Корелы изъ богатыя,
Во ту ли во пустыню во Данилову,
Собиралося, собрунялóся **)
Сóрокъ каликъ со каликою,
Сóрокъ дородныхъ, добрыхъ молодцевъ.
Собиралися калики на зеленый лугъ,
Становилися калики во единый кругъ,
Клю́шки-посохи всѣ въ землю испотыкали,
Клю́ши-посохи тѣ были таволжевые ***),
Одна клюша была кипарисъ-древо.
По сумочкѣ на клюшу исповѣсили,
Тѣ сумочки были рыта бархата,
Одна сумочка хущатóй камки ****),
У того же у большаго подъатаманья,
У молода Михайлушки Касьянова.
Они думали думу за единую,
Они клали заповѣдь великую:
« Еще кто изъ насъ, изъ сорока каликъ,
« Котора калика заворуется,
« Котора калика заплутуется,
« Котора обзáрится на бабицу,—

---

*) Галичья.— *О.*

**) Надѣвали броню, збрую (какъ признакъ похода).— *О.*

***) Изъ *таволги*, кустарника.— *О.*

****) Хрущатой.— *О.*

« Отвести того, дородна добра молодца,
« Отвести далеко во чисто поле:
« Копать ему ямище глубокое,
« Зарывать его во сыру землю,
« Во сыру землю по бѣлымъ грудямъ.
« Чистъ-рѣчистъ языкъ вы́нять теменемъ,
« Очи ясныя—коси́цами *),
« Ретиво сердце промежду плечей;
« Казнена дородна-добра мо́лодца
« Во чистомъ полѣ оставити.»

Походили калики въ пѣшь доро́гою.
Походили калики въ стольный Кіевъ градъ,
Ко ласкову князю ко Владиміру:
Во Ерданѣ-рѣкѣ окупатися,
Господу Богу помолитися,
Ко Господней Гробницѣ приложитися,
Владиміру князю поклонитися.

Идутъ калики по Кіеву,
На встрѣту каликамъ—Владиміръ князь.
Вскрычали калики зычнымъ голосомъ,
Зычнымъ голосомъ, по каличьему:
« Ужь ты красно наше солнышко, Владиміръ князь!
« Ты подай намъ мило́стыню спасенную,
« Ради Христа, Царя небеснаго,
« Ради Матери Божьей Богородицы!»
Возговоритъ Владиміръ стольный Кіевскій:
— Ужь вы гой есте, со́рокъ каликъ со каликою!
— У меня, право, казны съ собой не случилося,
— Подаянья вамъ, каликамъ, не пригодилося.
— Вы идите ко княгинѣ ко Апраксіи:
— Она подастъ вамъ мило́стыню спасенную!—

Походятъ калики въ пѣшь дорогою,
Ко той ко княгинѣ ко Апраксіи:
« Ужь ты гой еси, княгиня, свѣтъ Апраксія!
« Ты подай намъ мило́стыню спасенную,

---

*) Висками.—*О.*

« Ради Христа, Царя небеснаго,
« Ради Матери Божьей Богородицы!»
Отпирала княгиня окошко косящето,
Говорила каликамъ таково слово:
— Ужь вы сорокъ каликъ со каликою!
— Вы подите ко мнѣ въ нову горницу:
— Я въ тѣ-по́ръ подамъ вамъ милостыню спасенную.—
Заходили калики въ нову горницу.
Еще эта княгиня Апраксія
На одного калику обза́рилась,
На того ли на большаго подъатаманья,
На молода Михайлушку Касьянова:
Онъ не вздумалъ княгини потѣшити,
Не посмѣлъ озабы́ть заповѣди крѣпкія.

Беретъ княгиня чашу наливную,
Наливную чашу однозоло́тную,
Клала княгиня чашу въ сумочку
Ко тому ли Михайлу Касьянову.
Пошли калики въ путь-дороженьку.
Говоритъ княгиня Апраксія:
— Не калики то ходятъ,—разбойники,
— Разбойники ходятъ,—грабежники:
— Украли у меня чашу однозолотную.
— Изъ которой князь на поѣздѣ пилъ,
— Изъ которой князь на пріѣздѣ пьетъ!—
Посылаетъ за ними двухъ догонщиковъ.
Наѣзжали княгинины нагонщики
Сорокъ каликъ со каликою,
Сами крычатъ громкимъ голосомъ:
« Не калики вы хо́дите, а разбойники,
« Разбойники ходите, грабежники!
« Вы украли чашу однозолотную,
« Изъ которой князь на пріѣздѣ пилъ,
« Изъ которой князь на поѣздѣ пилъ.»
Взяли сорокъ каликъ со каликою—
Метнули нагонщиковъ подъ облако.
Посылаетъ княгиня новыхъ нагонщиковъ:

— Побѣгите вы за каликами,
— Обойдите дураковъ словами честными.—
Наѣзжали нагонщики сорокъ каликъ,
Говорятъ сами таковы рѣчи:
« Не попала ли какъ къ вамъ чаша питейная,
« Питейная чаша, однозолотная,
« Изъ которой князь на пріѣздѣ пилъ,
« Изъ которой князь на поѣздѣ пилъ?»
Становилися калики во единый кругъ,
Заобыскивали калики свои сумочки:
Нашли калики чашу питейную
У большаго подъатаманья Михайлушки Касьянова.
Отвозили его на чисто поле,
Копали ямище глубокое,
Закопали его во сыру землю,
Во сыру землю до бѣлыхъ грудей;
Чистъ-рѣчистъ языкъ тянули теменемъ,
Очи ясныя косицами,
Ретиво сердце промежду плечей;
Казнена *) удала молодца
На чистомъ полѣ оставили.

(Не кончено. Записано г. Харитоновымъ, 29 Августа 1848 года, и доставлено В. И. Далемъ).

о

2.

(Петрозав. уѣзда, Сѣнногубской волости, деревни Логмасы).

Собиралося сорокъ каликъ со каликою,
Самъ атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ.
Собиралися калики на зеленый лугъ,
Садилися калики во единый кругъ,
И думаютъ думушку добрую,
И совѣтуютъ совѣты хорошіе:
Итти ко городу Еросолиму,

*) Казнивши, каженикомъ оставили, калѣкою. — О.

Ко святой святынѣ помолитися,
Ко Господню гробу приложитися.
И положили они заповѣдь великую:
« Кто обворуетъ и кто облядуетъ,
« Бить клюхамы каличьима,
« Тянуть языкъ со теменемъ,
« И копать очи ясныя косицамы,
« И копать во сыру землю по бѣлымъ грудямъ.»
И пошли они,—котомочки бархатны,
Изъ чернаго бархата заморскаго,
И повышили краснымъ золотомъ,
И повысадили скатнымъ жемчугомъ;
У котомочекъ лямочки семи шелковъ;
На ножкахъ сапожки Турецъ-сафьянъ;
На головушкахъ шляпы земли Греческой;
И взяли они по камешку антавенту:
И скоро калики въ походъ пошли,
День идутъ по красному по солнышку,
Ночь идутъ по камешку антавенту.

И выходили они на чисто поле,
И садилися они въ единый кругъ,
Думали думушку добрую,
Совѣтуютъ совѣты хорошіе:
Зайти ко городу ко Кіеву,
Поисть-попить, хлѣба покушати.
И приходили ко городу ко Кіеву,
И закричали калики громкимъ голосомъ:
«« Свѣтъ ты, надежа, князь Владиміръ стольно-Кіевскій!
«« Пошли мы ко Еросолиму,
«« А зашли ко городу ко Кіеву
«« Поисть-попить, хлѣба покушати.»»
И тая побѣда *) учинилася:
Дома князя не случилося.
Выходила Опракса королевична,
Бьетъ челомъ, покланяется:
« Ай же вы, калики перехожіе!
« Пойдите въ столовую богатырскую **):

*) Бѣда.—О.
**) Гридню; ср. выше.—О.

« Поставлю столы дубовые,
« Постелю скатерти браныя
« И дамъ вамъ ѣствушекъ сахарныихъ,
« И дамъ питьицевъ медвяныихъ:
« Ѣшьте до сыта и пейте до люби!»
И шли во столовую богатырскую:
Поставили имъ столы дубовые,
Постлали скатерти браныя,
Поставили ѣствушекъ сахарныихъ
И дали питьицевъ медвяныихъ;
Ѣли калики до сыта и пили до люби,
И много они благодарствуютъ:
«« Благодарствуешь, Опракса королевична,
«« За хлѣбъ за соль, за всѣ кушанья.»»
Дарила ихъ Опракса королевична
Чистымъ серебромъ и краснымъ золотомъ,
А самого-то атамана скатнымъ жемчугомъ.
И проговоритъ Опракса королевична:
« Ай же ты, атаманъ, Ѳома сударь Ивановичь!
« Пожалуй во спальну во теплую:
« Есть молвить словечушко тайное.»
И приходятъ во спальну во теплую,
Садились на кроваточку тесовую,
На периночку пуховую.
И проговоритъ Опракса королевична:
« Ай же ты, атаманъ, Ѳома сударь Ивановичь!
« Сдѣлаемъ любовь со мной великую.»
Проговоритъ Ѳома сударь Ивановичь:
— Ай же ты, Опракса королевична!
— Не сдѣлаю съ тобой любви великія, —
— Пошли мы ко городу Еросолиму
— И положили заповѣдь великую:
—« Кто обворуетъ, кто облядуетъ,
—« Бить клюхамы каличьима,
—« Тянуть языкъ со теменемъ,
—« И копать очи ясныя косицамы,
—« И копать во сыру землю по бѣлымъ грудямъ.»—
Эты ей рѣчи не слюбилися,

И скорешенько бѣжитъ въ особливъ покой,
И хватаетъ чашу княженецкую,
И положила въ переплеты каличьыи.

И скоро калики въ походъ пошли,
И выходили на чисто поле,
Садились калики во единый кругъ,
И тутъ калики порасхвастались:
«« Были во городѣ во Кіевѣ,
«« Кормила насъ Опракса королевична,
«« Дарила насъ чистымъ серебромъ,
«« Дарила насъ краснымъ золотомъ,
«« А самого атамана скатнымъ жемчугомъ.»»
И проговоритъ Опракса королевична:
« Есть да пить, такъ во Кіевѣ,
« А постоять за Кіевъ, такъ некому!»
Повыскочитъ Чурилушка сынъ Пленковичь:
— Ай же ты, Опракса королевична!
— Пойду я ко кругу каличьему,
— Сдѣлаю обыски великіе
— И отыщу чашу княженецкую.—
И приходитъ къ кругу каличьему,
Не бьетъ челомъ, не покланяется,
И говоритъ не съ упадкою *):
— Ай же вы, калики перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— Ѣли-пили, много хлѣба стрескали,
— И украли чашу княженецкую:
— Сдѣлайте обыски великіе
— И отыщите чашу княженецкую.—
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Скочили калики на рѣзвы ноги
И стянули ему штаны бархатны,
И .... ему клюхамы натыкали:
«« Пойди ко городу ко Кіеву
«« И неси на насъ жалобу великую.»»
И приходитъ Чурила сынъ Пленковичь:
— Ай же ты, Опракса королевична!

*) *Безъ боязни.— О.*

— А не калики есть, всё воры-грабители.—
Проговоритъ Опракса королевична:
« Есть да пить, такъ во Кіевѣ,
« А постоять за Кіевъ, такъ некому!»
Повыскочитъ Алеша Поповичь сынъ Ивановичь:
— Ай же ты, Опракса королевична!
— Пойду я ко кругу каличьему,
— Сдѣлаю обыски великіе
— И отыщу чашу княженецкую.—
И приходитъ къ кругу каличьему,
Не бьетъ челомъ, не покланяется,
И говоритъ не съ упадкою:
— Ай же вы, калики перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— Ѣли-пили, много хлѣба стрескали,
— И украли чашу княженецкую:
— Сдѣлайте обыски великіе
— И отыщите чашу княженецкую.—
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Скочили калики на рѣзвы ноги
И стянули ему штаты бархатны,
Наклескали .... долонямы:
«« Пойди ко городу ко Кіеву
«« И неси на насъ жалобу великую.»»
И приходитъ ко Опраксы королевичной:
— Ай же ты, Опракса королевична!
— А не калики есть, всё воры-грабители.—
Проговоритъ Опракса королевична:
« Есть да пить, такъ во Кіевѣ,
« А постоять за Кіевъ, такъ некому!»
Повыскочитъ Добрынюшка Никитиничь:
— Ай же ты, Опракса королевична!
— Пойду я къ кругу каличьему,
— Сдѣлаю обыски великіе
— И отыщу чашу княженецкую.—
И приходитъ къ кругу каличьему,
И бьетъ челомъ, покланяется:
— Ай же вы, калики перехожіе!

— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— Ѣли-пили, хлѣба кушали,
— У насъ чаша княженецкая затерялася:
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите чашу княженецкую.—
Сдѣлали обыски великіе,
Отыскали чашу княженецкую
У того атамана Ѳомы сударь Ивановича.
И били его клюхамы каличьима,
И копали очи ясныя косицамы,
И тянули языкъ со теменемъ,
И копали въ сыру землю по бѣлымъ грудямъ.

И пошли ёны, калики, по чисту полю.
Напустилъ Господь на ясны очи:
И пошли они по чисту полю
Не дорогою, бездорожицею.
И за его правду великую
Послалъ Господь съ небеси двухъ ангеловъ,
И вложили душеньку въ бѣлы груди,
И приставили очи ясныя къ бѣлу лицу.
И пошелъ атаманъ Ѳома сударь Ивановичь по чисту полю.
И ходятъ калики—кричатъ по чисту полю,
Не дорогою ходятъ, бездорожицею.
Закричалъ Ѳома сударь Ивановичь:
« Ай же вы, калики перехожіе!
« Что̀ же вы ходите не дорогою, бездорожицей?»
И кричатъ всѣ калики громкимъ голосомъ:
«« Ай же ты, Ѳома сударь Ивановичь!
«« За твою за правду за великую
«« Вложилъ тебѣ Господь душу въ бѣлы груди,
«« А за нашу за неправду за великую
«« Напустилъ темень на ясны очи.»»

(Не кончено; записано П. Н. Рыбниковымъ отъ слѣпаго крестьянина Козьмы Романова 13 Генваря 1861 г.).

✽

3.

(Кирша Даниловъ).

А изъ пустыни было Ефимьевы,
Изъ монастыря изъ Боголюбова,
Начинали калики наряжатися
Ко святому граду Іерусалиму,
Сорокъ каликъ ихъ со каликою.
Становилися во единой кругъ,
Они думали думушку единую,
А едину думушку крѣпкую:
Выбирали большаго атамана
Молода Касьяна сына Михайловича.
А и молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
Кладетъ онъ заповѣдь великую
На всѣхъ тѣхъ дородныхъ молодцовъ:
« А иттить намъ, братцы, дорога не ближняя,
« Итти будетъ ко городу Іерусалиму,
« Святой святынѣ помолитися,
« Господню гробу приложитися,
« Во Ердань-рѣкѣ искупатися,
« Нетлѣнной ризой утеретися;
« Итти селами и деревнями,
« Городами тѣми съ пригородками;
« А въ томъ-то вѣдь заповѣдь положена:
«— Кто украдетъ, или кто солжетъ,
«— Али кто пустится на женской блудъ,
«— Не скажетъ большому атаману,
«— Атаманъ про то дѣло провѣдаетъ,—
«— Едина оставить во чистомъ полѣ
«— И окопать по плеча во сыру землю.—»
И въ томъ-то вѣдь заповѣдь подписана,
Бѣлыя рученьки изприложены:
Атаманъ Касьянъ сынъ Михайловичь,
Податаманье,—братъ его родной,
Молодой Михайло Михайловичь.
Пошли калики во Іерусалимъ градъ.

А идутъ недѣлю уже споряду,
Идутъ уже время не малое,
Подходятъ уже они подъ Кіевъ градъ.
Сверхъ тое рѣки Череги,
На его потѣшныхъ на островахъ,
У великаго князя Владиміра,
А и вышли они изъ раменья,
Встрѣчу имъ-то Владиміръ князь.
Ѣздитъ онъ за охотою,
Стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ малыхъ уточекъ,
Лисицъ, зайцевъ всѣхъ поганиваетъ;
Пригодилося ему ѣхати по близости.
Завидѣли его калики тутъ перехожіе,
Становилися во единый кругъ,
Клюки-посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изповѣсили,
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Дрогнетъ матушка сыра земля,
Съ деревъ вершины попадали,
Подъ княземъ конь окорачился,
А богатыри съ коней попадали,
А Спиря сталъ поспиривать,
Сёма сталъ пересёмывать.
Едва пробудится Владиміръ князь,
Разсмотрѣлъ удалыхъ-добрыхъ молодцовъ,
Они-то ему поклонилися,
Великому князю Владиміру,
Прошаютъ у него святую милостыню,
А и чѣмъ бы молодцамъ душа спасти.
Отвѣчаетъ имъ ласковой Владиміръ князь:
« Гой вы еси, калики перехожіе!
« Хлѣбы съ нами завозные,
« А и денегъ со мною не годилося,
« А и ѣзжу я, князь, за охотою,
« За зайцами и за лисицами,
« За соболи и за куницами,
« И стрѣляю гусей, бѣлыхъ лебедей,

« Перелетныхъ малыхъ уточекъ.
« Изволите вы итти во Кіевъ градъ
« Ко душѣ княгинѣ Апраксѣевнѣ:
« Честна роду дочь, королевична,
« Напоитъ–накормитъ васъ добрыхъ молодцовъ,
« Надѣлитъ вамъ въ дорогу злата-серебра.»
Не долго калики думу думали,
Пошли ко городу ко Кіеву.
А и будутъ въ городѣ Кіевѣ,
Середи двора княженецкаго,
Клюки-посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изповѣсили,
Подсумочья рыта бархата;
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Съ теремовъ верхи повалялися,
А съ горницъ охлопья попадали,
Въ погребахъ питья всколебалися.
Становилися во единой кругъ,
Прошаютъ святую милостыню
У молоды княгини Апраксѣевны.
Молода княгиня испужалася,
А и больно она передрогнула.
Посылаетъ стольниковъ и чашниковъ
Звать каликъ во свѣтлу гридню;
Пришли тутъ стольники и чашники,
Бьютъ челомъ, поклоняются
Молоду Касьяну Михайлову,
Со своими его товарищами:
Хлѣба ѣсть во свѣтлу гридню
Къ молодой княгинѣ Апраксѣевнѣ.
А и тутъ Касьянъ не ослушался,
Походилъ во гридню во свѣтлую:
Спасову образу молятся,
Молодой княгини поклоняются.
Молода княгиня Апраксѣевна,
Поджавъ ручки будто Турчаночки,
Со своими нянюшки и мамушки,
Съ красными сѣнными дѣвушки.

Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
Садился въ мѣсто большое;
Отъ лица его молодецкаго,
Какъ бы отъ солнышка отъ краснаго,
Лучи стоятъ великіе;
Убирались тутъ всѣ добры молодцы,
А и тѣ калики перехожіе,
За тѣ столы убраные;
А и стольники, чашники
Поворачиваютъ, пошевеливаютъ
Своихъ они приспѣшниковъ;
Понесли-то яства сахарныя,
Понесли питья медвяныя,
А и тѣ калики перехожіе
Сидятъ за столами убранными,
Убираютъ яства сахарныя,
А и тѣ вѣдь пьютъ питья медвяныя.
И сидятъ они время-часъ другой.
Во третьемъ часу подымалися,
Подымавши они Богу молятся,
За хлѣбъ за соль бьютъ челомъ
Молодой княгинѣ Апраксѣевнѣ
И всѣмъ стольникамъ и чашникамъ;
И того они еще ожидаючи
У молодой княгини Апраксѣевны,
Надѣлила бъ на дорогу златомъ-серебромъ,
Сходить бы во градъ Іерусалимъ.
А у молодой княгини Апраксѣевны
Не то въ умѣ, не то въ разумѣ:
Пошлетъ Алёшиньку Поповича,
Атамана ихъ уговаривати
И всѣхъ каликъ перехожіихъ,
Чтобъ не итти бы имъ сего дня и сего числа.
И сталъ Алёша уговаривати
Молода Касьяна Михайловича,
Зоветъ къ княгинѣ Апраксѣевнѣ
На долгіе вечеры посидѣти,
Забавныя рѣчи побаити,
А сидѣть бы на единѣ во спальнѣ съ ней.

Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ,
Замутилось его сердце молодецкое,
Отказалъ онъ Алёшѣ Поповичу,
Не идетъ на долгіе вечеры
Къ молодой княгинѣ Апраксѣевнѣ,
Забавныя рѣчи баити:
На то княгиня осердилася.
Посылаетъ Алёшиньку Поповича,
Прорѣзать бы его суму рыта бархата,
Запихать бы чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на пріѣздѣ пьетъ.
Алёша-то догадливъ былъ,
Разпоролъ суму рыта бархата,
Запихалъ чарочку серебряну
И зашивалъ гладехонько,
Что познать было не можно;
Съ тѣмъ калики и въ путь пошли,
Калики съ широка двора;
Съ молодой княгиней не прощаются,
А идутъ калики не оглянутся.

И верстъ десятокъ отошли они
Отъ стольнаго города Кіева,—
Молода княгиня Апраксѣевна
Посылаетъ Алёшу въ погонь за нимъ.
Молодой Алёша Поповичь младъ
Настигъ каликъ во чистомъ полѣ.
У Алёши вѣжство не рожденное,—
Онъ сталъ съ каликами здорити,
Обличаетъ ворами-разбойниками:
« Вы-то, калики, бродите по міру по крещеному,
« Кого окрадете, своимъ зовете!
« Покрали княгиню Апраксѣевну,
« Унесли вы чарочку серебряну,
« Которой чарочкой князь на пріѣздѣ пьетъ! »
А въ томъ калики не даются ему,
Молоду Алёшѣ Поповичу,
Не давались ему на обыскъ себѣ.
Поворчалъ Алёшинька Поповичь младъ,

Поѣхалъ ко городу Кіеву,
И такъ пріѣхалъ во стольной Кіевъ градъ.
Во то же время и во тотъ же часъ
Пріѣхалъ князь изъ чиста поля,
И съ нимъ Добрынюшка Никитичь младъ:
Молода княгиня Апраксѣевна
Позоветъ Добрынюшку Никитича,
Посылаетъ за каликами,
За Касьяномъ Михайловичемъ.
Втапоры Добрынюшка не ослушался,
Скоро поѣхалъ во чисто поле,—
У Добрыни вѣжство рожденное и ученое,—
Настигъ онъ каликъ во чистомъ полѣ,
Соскочилъ съ коня, самъ бьетъ челомъ:
« Гой еси, Касьянъ Михайловичь!
« Не наведи на гнѣвъ князя Владиміра,
« Прикажи обыскать калики перехожіе,
« Нѣтъ ли промежу васъ глупаго?»
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
Становилъ каликъ во единой кругъ,
И велѣлъ онъ другъ друга обыскивать,
Отъ малаго до стараго,
Отъ стараго и до большаго лица,
До себя Касьяна Михайловича.
Нигдѣ-то чарочка не явилася,
У молода Касьяна пригодилася.
Братъ его молодой Михайло Михайловичь
Принимался за заповѣдь великую:
Закопали атамана по плеча во сыру землю,
Едина оставили во чистомъ полѣ
Молода Касьяна Михайловича;
Отдавали чарочку серебряну
Молоду Добрынюшкѣ Никитичу,
И съ нимъ написанъ виноватый тутъ
Молодой Касьянъ Михайловичь.
Добрыня, онъ поѣхалъ во Кіевъ градъ,
А и тѣ калики въ Іерусалимъ градъ.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь

Съ ними калики *) прощается.
И будетъ Добрынюшка въ Кіевѣ,
У младой княгини Апраксѣевны,
Привезъ онъ чарочку серебряну:
Виноватаго назначено **),
Молода Касьяна сына Михайлова.
А съ того время-часу захворала скорьбью недоброю,
Слегла княгиня въ великое во гноище.

Ходили калики въ Іерусалимъ градъ,
Впередъ шли три мѣсяца.
А и будутъ въ градѣ Іерусалимѣ:
Святой святынѣ помолилися,
Господню гробу приложилися,
Во Ерданѣ-рѣкѣ искупалися,
Нетлѣнною ризою утиралися,
А все то молодцы отправили,
Служили обѣдни съ молебнами
За свое здравіе молодецкое,
По поклону положили за Касьяна Михайловича.
А и тутъ калики не замѣшкались,
Пошли ко городу Кіеву
И ко ласкову князю Владиміру.
А идутъ назадъ уже мѣсяца два,
На то мѣсто не угодили они,
Обошли маленькой сторонкою
Его молода Касьяна Михайловича.
Голосокъ наноситъ ***) помалехоньку:
А и тутъ калики остоялися ****),
А и мѣсто стали опознавать;
Подалися малехонько,—и увидѣли
Молода Касьяна сына Михайловича.
Онъ ручкой машетъ, голосомъ кричитъ.
Подошли удалы-добры молодцы,
Въ началѣ атаманъ родной братъ его,
Михайло Михайловичъ.

---

*) Каликами.—*О.*
**) Виноватый назначенъ.—*О.*
***) Доносится голосъ Касьяна.—*О.*
****) Останавливались.—*О.*

Пришли всѣ они, поклонилися;
Стали здравствовать;
Подаетъ онъ Касьянъ ручку правую,
А они-то къ ручкѣ приложилися,
Съ нимъ поцѣловалися,
И всѣ къ нему переходили.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ
Выскакивалъ изъ сырой земли,
Какъ ясенъ соколъ изъ тепла гнѣзда:
А всѣ они, молодцы, дивуются,
На его лице молодецкое
Не могутъ зрѣть добры молодцы,
А и кудри на немъ молодецкія до самаго пояса.
И стоялъ Касьянъ не мало число,
Стоялъ въ землѣ шесть мѣсяцевъ,
А шесть мѣсяцовъ будетъ полгода.
  Втапоры пошли калики ко городу Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Дошли они до чудна креста Леванидова,
Становилися во единой кругъ,
Клюки-посохи въ землю потыкали
И стоятъ калики потихохоньку.
Молодой Михайло Михайловичъ
Атаманомъ еще правилъ у нихъ;
Посылаетъ легкаго молодчика *)
Доложиться князю Владиміру:
«Прикажетъ ли итти намъ пообѣдати?»
Владиміръ князь пригодился въ домѣ,
Посылалъ онъ своихъ ключниковъ, ларечниковъ
Побить челомъ и поклонитися имъ-то каликамъ,
Каликамъ пообѣдати,
И молоду Касьяну на особицу.
И тутъ ключники, ларечники
Пришли они къ каликамъ, поклонилися,
Бьютъ челомъ къ князю пообѣдати.
Пришли калики на широкой дворъ.
Середи двора княженецкаго

*) Скораго гонца.—*О.*

Поздравствовалъ ему Владиміръ князь,
Молоду Касьяну Михайловичу;
Взялъ его за бѣлы руки,
Повелъ во свѣтлу гридню.
А втапоры молодой Касьянъ Михайловичь
Спросилъ князя Владиміра
Про молоду княгиню Апраксѣевну:
« Гой еси, сударь, Владиміръ князь!
« Здравствуетъ ли твоя княгиня Апраксѣевна?»
Владиміръ князь едва рѣчи выговорилъ:
— Мы, де, уже недѣлю-другу не ходимъ къ ней.—
Молодой Касьянъ тому не брезгуетъ,
Пошелъ со княземъ во спальну къ ней;
А и князь идетъ, свой носъ зажалъ;
Молоду Касьяну то ничто ему,
Никакого духу онъ не вѣруетъ.
Отворяли двери у свѣтлы гридни,
Разкрывали окошечки косящатыя;
Втапоры княгиня прощалася *),
Что нанесла рѣчь напрасную.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
А и дунулъ духомъ святымъ своимъ
На младу княгиню Апраксѣевну;
Не стало у ней того духу, пропасти;
Оградилъ ее святой рукой,
Прощаетъ ее плоть женскую:
Захотѣлось ей—и пострадала она,
Лежала въ сраму полгода.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
Пошелъ ко князю Владиміру во свѣтлу гридню.
Помолился Спасову образу
Со своими каликами перехожими.
И сажалися за убраны столы,
Стали пить-ѣсть, потѣшатися.
Какъ будетъ день въ половина дня,
А и тѣ калики напивалися,
Напивалися и наѣдалися;

*) Просила прощенія. — О.

Владиміръ князь убивается *),—
А калики-то въ путь наряжаются,—
Проситъ ихъ тутъ Владиміръ князь
Пожить-побыть тотъ денекъ у себя.
Молода княгиня Апраксѣевна
Вышла изъ кожуха, какъ изъ пропасти,
Скоро она убиралася,
Убиралася и наряжалася,
Тутъ же къ нимъ къ столу пришла
Съ няньками, съ мамками
И съ сѣнными красными дѣвицами;
Молоду Касьяну поклоняется
Безъ стыда, безъ сорому,
А грѣхъ свой на умѣ держитъ.
Молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
Тою рученькой правою размахиваетъ
По тѣмъ ѣствамъ сахарнымъ,
Крестомъ ограждаетъ и благословляетъ.
Пьютъ-ѣдятъ, потѣшаются.
Втапоры молодой Касьянъ сынъ Михайловичь
Вынималъ изъ сумы книжку свою;
Посмотрѣлъ и число показалъ:
« Что много мы, братцы, пьемъ-ѣдимъ, прохлаждаемся,
« Уже третій день въ доходѣ идетъ,
« И пора намъ, молодцы, въ путь итти.»
Вставали калики на рѣзвы ноги,
Спасову образу молятся
И бьютъ челомъ князю Владиміру
Съ молодой княгиней Апраксѣевной,
За хлѣбъ за соль его.
И прощаются калики съ княземъ Владиміромъ
И съ молодою княгинею Апраксѣевною.
Собрались они и въ путь пошли,
До своего монастыря Боголюбова,
И до пустыни Ефимьевы.
То старина, то и дѣянье.

* *
*

*) Усильно проситъ остаться и горюетъ о разставаньѣ.— *О.*

ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЪ.

I.

1.

(На Уралѣ).

Изъ за горъ было высокiихъ
Не ясенъ соколъ тутъ вылетывалъ,
Молодой кречетъ тутъ выпархивалъ:
Выѣзжалъ тутъ добрый молодецъ
Дюкъ Степановичъ,
На своемъ онъ на добромъ конѣ, бурымъ Бахматѣ.
Подъ нимъ добрый конь, какъ лютый звѣрь,
Онъ самъ сидитъ, какъ ясенъ соколъ,
Его лукъ-колчанъ по бедрамъ бьется.
У молодца не мало стрѣлъ:
Полтораста стрѣлъ.
Кажда стрѣлочка во пять сотъ рублей,
Только тремъ стрѣламъ цѣны нѣту:
Онъ день стрѣляетъ, а ночь стрѣлы сбираетъ.
Потому эти стрѣлы дороги:
Гдѣ стрѣла лежитъ, тутъ свѣча горитъ,
Свѣча горитъ воску ярова.
Оттого же эти стрѣлы еще дороги:
Въ ушахъ перья все орловые,
Не здѣшнихъ орловъ Тульскихъ,—заморскихъ,
Которые вьются надъ Океянь-моремъ,
Выроняютъ *) въ Океянъ-море;

---

*) Перья.— *О.*

Сбираютъ перья корабельщички.
Ко всему эти перья надобны:
И плоты плотить, корабли снастить,
И для снастей (и для струментовъ) всѣхъ;
Эти перышки царю надобны.

*

2.

(Кирша Даниловъ).

Изъ за моря, моря синяго,
Изъ славна Водынца, красна Галичья,
Изъ тоя Карелы богатыя,
Какъ ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлой кречетъ вонъ выпархивалъ:
Выѣзжалъ удача доброй молодецъ,
Молодой Дюкъ сынъ Степановичь,
По прозванью Дюкъ былъ Боярской сынъ.
А и конь подъ нимъ, какъ бы лютой звѣрь,
Лютой звѣрь конь, и буръ, косматъ,
У коня грива на лѣву сторону, до сырой земли,
Онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ,
Крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ.
Не много съ Дюкомъ живота пошло:
Что куякъ и панцырь чиста серебра,
А кольчуга на немъ красна золота,
А куяку и панцырю цѣна лежитъ три тысячи,
А кольчугѣ на немъ красна золота
Цѣна сорокъ тысячей,
А и конь подъ нимъ въ пять тысячей.
Почему коню цѣна пять тысячей?
За рѣку онъ броду не спрашиваетъ;
Котора рѣка цѣла верста пятисотная,
Онъ скачетъ съ берега на берегъ:

Потому цѣна коню пять тысячей.
Еще съ Дюкомъ не много живота пошло:
Пошелъ тугой лукъ разрывчатой,
А цѣна тому луку три тысячи;
Потому цѣна луку три тысячи:
Полосы были серебряны,
А рога красна золота,
А и тетивочка была шелковая,
А бѣлаго шелку Шимаханскаго.
И колчанъ пошелъ съ нимъ каленыхъ стрѣлъ,
А въ колчанѣ было за триста стрѣлъ,
Всякая стрѣла по десяти рублевъ;
А и еще есть въ колчанѣ три стрѣлы,
А и тѣмъ стрѣламъ цѣны нѣтъ,
Цѣны не было и не свѣдомо;
Потому тѣмъ стрѣламъ цѣны не было:
Колоты онѣ были изъ трость-древа,
Строганы тѣ стрѣлки во Новѣгородѣ,
Клеены онѣ клеемъ осетра рыбы,
Перены онѣ перьицемъ сиза орла,
А сиза орла, орла орловича,
А того орла, птицы Камскія,
Не тоя-то Камы, коя въ Волгу пала,
А тоя-то Камы—за Синимъ моремъ *):
Своимъ устьемъ впала въ Сине море.
А леталъ орелъ надъ синимъ моремъ,
А ронилъ онъ перьица во сине море,
А бѣжали гости корабельщики,
Собирали перья на синемъ морѣ,
Вывозили перья на святую Русь,
Продавали душамъ краснымъ дѣвицамъ:
Покупала Дюкова матушка
Перо во сто рублевъ, во тысячу.
Почему тѣ стрѣлы дороги?
Потому они дороги,

---

*) За Хвалынскимъ, Каспійскимъ; не смѣшана ли здѣсь Кума? — О.

Что въ ушахъ поставлено по тирону,
По каменю по дорогу, самоцвѣтному;
А и еще у тѣхъ стрѣлокъ
Подлѣ ушей перевивано
Аравитскимъ золотомъ.
Ѣздитъ Дюкъ подлѣ синя моря
И стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ, сѣрыхъ малыхъ уточекъ;
Онъ днемъ стрѣляетъ,
Въ ночи тѣ стрѣлки сбираетъ;
Какъ днемъ-то стрѣлочекъ не видѣти,
А въ ночи тѣ стрѣлки что свѣчи горятъ,
Свѣчи теплются воску яраго:
Потому онѣ стрѣлки дороги.
Настрѣлялъ онъ Дюкъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ, сѣрыхъ малыхъ уточекъ,
Поѣхалъ ко городу Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.

Онъ будетъ въ городѣ Кіевѣ,
Что у ласкова князя Владиміра,
Середи двора княженецкаго,
А сскочилъ онъ со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу,
Къ кольцу булатному,
Походилъ во гридню во свѣтлую,
Ко великому князю Владиміру.
Онъ молился Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею,
На всѣ четыре стороны.
Тутъ сидятъ князи-бояра,
Скочили всѣ на рѣзвы ноги,
А глядятъ на молодца, дивуются;
И Владиміръ князь, стольной Кіевскій,
Приказалъ наливать чару зелена вина въ полтора ведра,
Подавали Дюку Степанову.
Принимаетъ онъ, не чванится,

А принялъ чару единой рукой,
А выпилъ чару единымъ духомъ;
И Владиміръ князь, стольной Кіевской,
Посадилъ его за единой столъ хлѣба кушати;
А и повара были догадливые,
Носили яства сахарныя,
И носили питья медвяныя,
И клали калачики крупичаты
Передъ того Дюка Степанова.
А сидитъ Дюкъ за единымъ столомъ
Со тѣми князи и бояры,
Откушалъ калачики крупичаты,
Онъ верхню корочку отламываетъ,
А нижню корочку прочь откладываетъ.
А во Кіевѣ былъ счастливъ добрѣ
Какъ бы молодой Чурила сынъ Пленковичь;
Оговорилъ онъ Дюка Степанова:
«« Что ты, Дюкъ, чѣмъ чванишься?
«« Верхню корочку отламываешь,
«« А нижню прочь откладываешь?»»
Говорилъ Дюкъ Степановичь:
« Ой ты гой еси, Владиміръ князь!
« Въ томъ ты на меня не прогнѣвайся:
« Печки у тебя биты глиняны,
« А подики кирпичные,
« А помелечко мочальное,
« Въ лохань обмакиваютъ;
« А у меня, Дюка Степанова,
« А у моей сударыни матушки,
« Печки были муравлены,
« А подики мѣдные,
« Помелечко шелковое,
« Въ сыту медвяную обмакиваютъ;
« Калачикъ съѣшь—больше хочется.»
Втапоры князю Владиміру
Захотѣлось къ Дюку ѣхати,
Зоветъ съ собой князей-бояръ,
И взялъ Чурила Пленковича.

И пріѣхали они на пашню къ нему,
Ко тѣмъ крестьянскимъ дворамъ;
И тутъ у Дюка стряпчій былъ,
Припасъ про князя Владиміра почестной столъ,
И садился ласковый Владиміръ князь
Со своими князи-бояры
За тѣ столы бѣлодубовы;
И въ тѣ поры повара были догадливы,
Носили яства сахарныя
И питья медвяныя.
И будетъ день въ половину дни,
И будетъ столъ во полу столѣ,
Владиміръ князь полсыта наѣдается,
Полпьяна напивается.
Говорилъ онъ тутъ Дюку Степанову:
«Каково про тебя сказывали,
«Таковъ ты и есть.»
Покушавши, ласковой Владиміръ князь
Велѣлъ домъ его переписывать,
И былъ въ томъ дому сутки четверо:
А и домъ его крестьянской переписывали,—
Бумаги не стало. То оттеля Дюкъ Степановичь
Повелъ князя Владиміра
Со всѣми гостьми и со всѣми людьми
Ко своей сударынѣ матушкѣ,
Честной вдовѣ многоразумныя.
И будутъ онѣ въ высокихъ теремахъ,
И ужасается Владиміръ князь,
Что въ теремахъ хорошо изукрашено.
И втапоры честна вдова, Дюкова матушка,
Обѣдъ чинила про князя Владиміра
И про всѣхъ гостей, про всѣхъ людей;
И садился Владиміръ князь
За столы убраные, за яства сахарныя
Со всѣми гостьми, со всѣми людьми.
Втапоры повары были догадливы,
Носили яства сахарныя, питья медвяныя.
И будетъ день въ половину дни,

Будетъ столъ во полу столѣ,
Говорилъ онъ ласковой Владимiръ князь:
« Исполать тебѣ, честна вдова многоразумная,
« Съ своимъ сыномъ Дюкомъ Степановымъ!
« Употчивала меня со всѣми гостьми, со всѣми людьми;
« Хотѣлъ было вашъ и этотъ домъ описывать,
« До отложилъ всѣ печали *) на радости.»
И втапоры честна вдова многоразумная
Дарила князя Владимiра
Своими честными подарками:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ **) лисицъ,
Еще сверхъ того каменьи самоцвѣтными.

То старина, то и дѣянье:
Синему морю на утѣшенье ***),
Быстрымъ рѣкамъ слава до моря.
А добрымъ людямъ на послушанье,
Веселымъ молодцамъ на потѣшенье.

* *
*

---

*) Заботы, хлопоты.— *О.*
**) Бурыхъ.— *О.*
***) На тишину, чтобъ было тихо.— *О.*

СУРОВЕЦЪ СУЗДАЛЕЦЪ.

I.

1.

(Симбирск. губ., село Головино).

Ой ты гой еси, охотничекъ,
Суровенъ богатъ самъ Суздалецъ *)!
Ѣздилъ ты ровно три года,
Не убилъ ни гуся, ни лебедя,
Ни малова, ни сѣрова утёночка.
Тутъ молодецъ не загнойчивъ **) былъ.
Билъ коня по крутымъ бедрамъ,—
У коня бедры разъяряются,
Молодецкое сердечко разгорается,—
Поѣхалъ самъ далече во чисто поле,
Еще того подалѣ ко раздольицу.

Тутъ стоитъ сырый дубъ,
Сырый дубъ колповистый ***);
На дубу тутъ сидитъ черный вранъ,
Черный вранъ, птица вѣщая;
Провѣщаетъ человѣческимъ голосомъ;
Хочетъ онъ его подстрѣлити,

---

*) *Суздалецъ*, — по мѣсту, откуда родомъ; *Суровенъ*, *Суровецъ* или *Сурожанинъ*, *Суроженинъ*,— торговецъ по Сурожскому или Азовскому морю; объ этомъ см. въ « Замѣткѣ » на концѣ выпуска.— *О.*

**) Можетъ быть это *незазнойчивъ;* если же и *незагнойчивъ* (отъ корня *гни*—, откуда *гнѣвъ* и *гной*), то значеніе одинаково: не задоренъ, не жаденъ, выносливъ, терпѣливъ. Ср. въ другихъ пѣсняхъ выраженіе; « тѣло его распотѣлося (озноилося), сердце пожадѣлося, » наступила жажда и жадность.— *О.*

***) *Колповистый*—кляповистый, покляпый, изогнутый; вѣроятнѣе—*кряковистый*, о чемъ ср. выше.— *О.*

Подстрѣлити, погубити;
Натягивалъ тетивочки шелковыя,
Накладывалъ стрѣлочки кленовыя;
Возговоритъ ему черный вранъ,
Провѣщаетъ человѣческимъ голосомъ:
« Ой ты гой еси, добрый молодецъ,
« Суровенъ богатъ самъ Суздалецъ!
« Что ты меня подстрѣлишь,
« Какую себѣ корысть въ домъ *) получишь?
« Пукъ перья по чисту полю,
« Кровь пустишь по сыру дубу,
« По сыру дубу, во сыру землю.
« Я скажу тебѣ диво-дивовище,
« Самъ тому диву подивуешься:
« Поѣзжай ты далече во чисто поле,
« А еще того подалѣ ко синю морю,
« Ко широкому, ко чистому раздольицу;
« Тутъ стоитъ Кумбалъ царь,
« Кумбалъ царь Самородовичь,
« Со многими Татарами со уланами,
« Хочетъ онъ тебя погубити,
« Погубити и сорубити.»

Тутъ молодецъ не загнойчивъ былъ.
Билъ коня по крутымъ бедрамъ,—
У коня бедры разъяряются,
Молодецкое сердечко разгорается,—
Поѣхалъ онъ далече во чисто поле,
Еще того подалѣ ко раздольицу,
Ко раздольицу, ко синю морю,
Ко тому ли ко царю ко Кумбалу.
Сталъ по силѣ поѣзживати,
Сталъ Татаръ попугивати,
Попугивати, потукывати;
Гдѣ онъ не проѣдетъ—тутъ улица,
Гдѣ онъ не станетъ—тутъ площадью,

*) Въ томъ?—О.

Гдѣ онъ не обернется—тутъ проулочекъ.
Возговоритъ тутъ Кумбалъ царь:
« Не велика птица въ полѣ показалася:
« Много она въ полѣ начудила,
« Начудила и накурила,
« Много Татаръ въ полѣ положила!
« Ой вы еси, Татарищи уланищи!
« Ройте вы ро́вы глубокіе,
« Ставьте поторчи *) желѣзные:
« 'Вось ** ли собака обрушится,
« Ево добрый конь набрушится ***).»
Первый ровъ его Богъ перенесъ,
Другой-то ровъ его конь перевезъ,
Третій ровъ—обрушился,
Его добрый конь набрушился.
Берутъ его за бѣлы руки,
Тысяча беретъ за руку,
Другая тысяча за другу руку.
Возговоритъ добрый молодецъ,
Суровенъ богатъ самъ Суздалецъ:
— Ой гой еси вы, Татарищи уланищи!
— Моя-то смерть будетъ чудная,
— Чудная и прокудная ****):
— Кто у васъ поменѣ, тотъ поближе стань,
— Кто у васъ поболѣ, тотъ подалѣ стань,
— Всѣмъ бы была она видимая,
— Видимая и слышимая.—
Тутъ они его слушались:
Кто у нихъ поменѣ, тотъ поближе сталъ,
Кто у нихъ поболѣ, тотъ подалѣ сталъ.
Встаетъ тутъ молодецъ на рѣзвы ноги,
Онъ беретъ Татарина за ноги,
Сталъ Татариномъ помахивати,

---

*) Къ верху вострые колья, на которые можно наткнуться.— *О.*

**) Авось.— *О.*

***) Напорется (*брухать*—бодать).— *О.*

****) *Прокудная*, то же почти, что *чудная*, но вмѣстѣ съ изъяномъ, съ пакостью для кого ни будь.— *О.*

Сталъ онъ Татаръ попугивати,
Попугивати, потукивати:
Гдѣ онъ ни пройдетъ, тутъ улица,
Гдѣ ни повернется, проулочекъ,
Гдѣ онъ ни станетъ, тутъ площадью.
Возговоритъ тутъ Кумбалъ царь:
« Ой ты гой еси, добрый молодецъ,
« Суровенъ богатъ самъ Суздалецъ!
« Будь ты мнѣ названый братъ,
« Вотъ тебѣ палаты золотой казны,
« И отдамъ тебѣ коней заповѣданныхъ.»
Возговоритъ добрый молодецъ,
Суровенъ богатъ самъ Суздалецъ:
— Ой ты гой еси, Кумбалъ царь!
— Видя смерть, отговариваешься,
— Братомъ нарекаешься,
— Сулишь палаты золотой казны,
— Отдаешь табуны заповѣдные! —

(Получено отъ Языкова).

*

2.

Въ старые вѣки, прежніе,
Не въ нынѣшнія времена, послѣднія,
Какъ жилъ на Руси Суровецъ молодецъ,
Суровецъ богатырь, онъ Суроженинъ,
По роду города Суздаля,
Сынъ отца гостя богатаго.
Охочь онъ ѣздить за охотою,
За гусями, за лебедями,
За сѣрыми за утицами.
Ѣздитъ день до вечера,
А покушать молодцу нечего.

Какъ наѣхалъ во чистомъ полѣ на сырой дубъ,
Сырой дубъ, еще не простой,

Не простой,—корокольчестой *);
Что на томъ на дубу сидитъ черной вранъ,
Черной вранъ, птица вѣщая;
Онъ снимаетъ съ себя крѣпкой лукъ,
Крѣпкой лукъ и калену стрѣлу,
Онъ накладываетъ на тетивочку шелковую,
Хочетъ стрѣлить по верьхъ дерева,
Хочетъ убить черна ворона,
Черна ворона, птицу вѣщую.
Что возговоритъ ему черной вранъ,
Черной вранъ, птица вѣщая:
« Гой еси ты, Суровецъ молодецъ,
« Суровецъ богатырь, еще Суроженинъ!
« Тебѣ меня убить,—не корысть получить:
« Мясомъ моимъ не накушаться,
« Кровью моей не напитися,
« Перьямъ моимъ не тѣшиться.
« Инъ я тебѣ вѣстку скажу,
« Вѣстку скажу, вѣстку радостную:
« Какъ далече-далече во чистомъ полѣ,
« А далѣ того во зеленыхъ лугахъ,
« Какъ стоитъ тамо Курбанъ царь,
« Еще Курбанъ царь да и Курбановичъ,
« Со всею силою могучею,
« Что со всей ли поляницею удалою;
« Что стоитъ онъ широкими рвами окопавшися,
« Землянымъ валомъ оградившися.»

Молодецкое сердце не утерпчивое,
Разгоралася кровь богатырская,
Онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,—
Подымается его добрый конь
Выше дерева стоячаго,
Ниже облака ходячаго,
Горы и долы между ногъ пускаетъ,
Быстрыя рѣки перепрыгиваетъ,
Широкія раздолья хвостомъ устилаетъ,

*) У котораго *кора кольцами:* по значенію то же, что *кряковистый.*—О.

По землѣ бѣжитъ,—земля дрожитъ,
Въ лѣсу раздается, на нивахъ чуть *),
Онъ взялъ—поскакалъ во чистыя поля,
Во чистыя поля, еще къ Курбану царю,
Еще къ Курбану царю да и къ Курбановичу.
Первой ровъ его Богъ перенесъ,
Другой ровъ его конь перескочилъ,
Въ третій ровъ онъ обрушился,
Его доброй конь набрюшился.
Ай что взяли—прискакали удалы молодцы,
Подъ лѣву руку взяли двадцать человѣкъ,
Подъ праву руку взяли его сорокъ человѣкъ,
Поперегъ подхватили—еще смѣты нѣтъ.
Взяли—повели еще къ Курбану царю,
Еще къ Курбану царю да и Курбановичу.
Молодецкое сердце разъярилося,
Богатырская кровь разыгралася,
Какъ взялъ онъ Татарина за волосы,
Да какъ учалъ Татариномъ помахивати,
Какъ куда побѣжитъ, тамо улица лежитъ,
Гдѣ повернется, тамо площадью;
И пробился молодецъ онъ до бѣлаго шатра,
Что до бѣлаго шатра и до Курбана царя.
Какъ возмолится ему Курбанъ царь:
« Ты гой еси, Суровецъ молодецъ,
« Суровецъ богатырь и Суроженинъ!
« Погляди-ко ты, что̀ въ книгѣ написано:
« Что не велѣно вамъ князей казнить,
« Что князей казнить и царей убивать.»

(Пѣсенникъ Новиковскій, ч. II, М., 1780 г., стр. 204—206).

* *
*

*) Слышно.—*О.*

САУРЪ ВАНИДОВИЧЬ

или

САУЛЪ ЛЕВАНИДОВИЧЬ

СЪ СЫНОМЪ.

I.

1.

(Симбирск. губ.).

Изъ сильнаго было царства Астраханскаго,
Жилъ-былъ тутъ князь Сауръ сынъ Ванидовичь.
Накопилъ онъ силушки себѣ многое множество,
Накопя онъ силушки въ походъ пошелъ,
Въ походъ пошелъ подъ три царства:
Подъ первое царство Латынское,
Подъ другое царство Литвинское,
Подъ третіе царство Сорочинское.

Провожала его молодая жена,
Провожала она его за два рубежа,
Отъ третьяго назадъ воротилася.
Входила она на вышку на высокую,
Становилась на бѣлъ-горючь камень,
Глядѣла-смотрѣла въ чисто поле:
« Далеко ли идетъ мой князь
« Сауръ сынъ Ванидовичь?»
Изъ того ли изъ подъ бѣлаго камешку
Выползала змѣя лютая,
Кидалась она княгинѣ на бѣлую грудь,
Бьетъ хоботомъ по бѣлу лицу.
Молодая княгиня испужалася,—

Во чревѣ дитя встрепепулося.
Она пишетъ ярлыки скорописные,
Посылаетъ за самимъ княземъ,
Чтобы князь Сауръ сынъ Ванидовичь
Воротился домой:
« Молодая княгиня беременна.»
Догоняетъ его скорый посолъ,
Кладетъ (пакеты) на бѣлы руки.
(Пакеты тѣ) онъ прочитываетъ:
— Да не первый-то разъ она меня обманываетъ,
— Да не другой разъ она меня назадъ ворочаетъ:
— Теперь не ворочусь я домой!
— Коли дочь родитъ,—пой-корми пятнадцать лѣтъ,
— А на шестнадцатомъ за мужь отдай;
— А сына родитъ,—такъ лелѣй его до восьми годовъ,
— А на девятомъ году присылай его ко мнѣ на помочь.—

Родила княгиня сына себѣ.
Поила-кормила она его восемь лѣтъ,
На девятомъ году собирать
Она стала его на подмочь,
Давала силы съ нимъ сорокъ тысячь.
И пошелъ же молодой вьюношь къ отцу на подмочь:
Латынское царство онъ выжегъ и вырубилъ,
А Литвинское царство въ полонъ все взялъ;
Подходитъ онъ къ царству Сорочинскому.
Увидали старики Сорочинскіе,
Они дѣлали сходки все великія:
«« Подступила намъ, братцы, сила несмѣтная,
«« Просютъ поединщика.»»
Возговорили старики Сорочинскіе:
«« Есть у насъ, братцы, полоненочекъ, затюремщичекъ *),
«« Пошлемъ мы его напротивъ силы поединьщикомъ.»»
Приходили же старики Сорочинскіе къ земляной тюрьмѣ:
«« Ты гой еси, полоненьщичекъ,

*) У Сербовъ *заточникъ:* колодникъ, приберегаемый на случай отчаянной битвы.— *О.*

«« Ты гой еси, затюремщичекъ!
«« Сослужи ты намъ службу великую,
«« Напротивъ силы поединьщикомъ.»»
Возговорилъ еси князь Сауръ сынъ Ванидовичь:
— Ой вы гой еси, старики Сорочинскіе!
— Давайте мнѣ коня добраго
— И збрую богатырскую.—
Сѣлъ на добра коня
И полетѣлъ напротивъ силы во чисто поле.
Съѣхались, поздоровались
И поцѣловались, врозь разъѣзжались,
И бились день до вечера,
И никто никого не одолѣваетъ.
И взозрѣлъ князь Сауръ
Сынъ Ванидовичь на небо:
— Помоги ты мнѣ, Господи,
— Молодаго воина изъ сѣдла выладить!—
И выладилъ изъ сѣдла,
И палъ ему на бѣлу грудь,
И сталъ его спрашивать:
— Охъ ты гой еси, молодой воинъ!
— Какого ты роду-племени?—
« Не моя въ полѣ Божья помонь!
« Не сталъ бы я много спрашивать,
« Срубилъ бы съ тебя буйну голову
« По самыя могучія плечи *)!
« Былъ у меня батюшка
« Князь Сауръ сынъ Ванидовичь,
« Пошелъ воевать подъ три царства,
« Тамъ и пропалъ.»
Тутъ князь Сауръ сынъ Ванидовичь заплакалъ,
И поднялъ за бѣлы руки, и возговорилъ:
— Ой ты гой еси, добрый молодецъ!
— Вѣдь я твой родной батюшка!—
Тутъ онъ написалъ письмо

---

*) Теперь не моя побѣда въ поединкѣ; а была бы моя и сидѣлъ бы я у тебя на грудяхъ, я не сталъ бы тебя спрашивать....— О.

И послалъ гонца къ своей матушкѣ:
«Гой ты еси, моя родная матушка!
«Выручилъ я роднаго батюшку.»

(Доставилъ Языковъ).

2.

(Кирша Даниловъ).

Царь Саулъ Леванидовичь
Поѣхалъ за море синее,
Въ дальну орду, въ Половецку землю,
Брать дани и невыплаты.
А царица его проводила
Отъ перваго стану до втораго,
Отъ втораго стану до третьяго;
Отъ третьяго стану воротилася,
А сама она царю поклонилася:
«Гой еси ты есми, царь Саулъ,
«Царь Саулъ Леванидовичь!
«А кому меня царицу приказываешь,
«А кому меня царицу наказываешь?
«Я остаюсь царица черевоста,
«Черевоста осталась на тѣхъ порахъ *).»
А и только царь слово выговорилъ,
Царь Саулъ Леванидовичь:
— А и гой еси, царица Азвяковна,
— Молода Елена Александровна!
— Никому я тебя царицу не приказываю,
— Не приказываю и не наказываю;
— А то коли тебѣ Господи сына дастъ,
— Вспой-вскорми и за мной его пошли;
— А то коли тебѣ Господи дочерь дастъ,
— Вспой-вскорми, за мужь отдай,
— А любимаго зятя за мной пошли:
— Поѣду я на двѣнадцать лѣтъ.—

*) Беременна на сносяхъ.— О.

Вскорѣ послѣ его царицѣ Богъ сына даетъ,
Попъ приходилъ со молитвою,
Имя даетъ Константинушкомъ Сауловичемъ.
А и царское дитя не по годамъ ростетъ,
А и царско дитя не по мѣсяцамъ;
А которой ребенокъ двадцати годовъ,
Онъ Константинушка семи годковъ.
Присадила его матушка грамотѣ учиться:
Скоро ему грамота далася и писать научился.
Будетъ онъ Константинушка десяти годовъ,
Сталъ-то по улицамъ похаживати,
Сталъ съ ребятами шутку шутить,
Съ усатыми, съ бородатыми,
А которые ребята двадцати годовъ
И которые во полу-тридцати *),—
А всѣ вѣдь дѣти княженецкіе,
А всѣ-то вѣдь дѣти боярскіе,
И всѣ-то вѣдь дѣти дворянскіе,
Еще ли дѣти купецкіе,—
Онъ шутку шутитъ не по ребячью,
А творки творилъ не по маленькимъ:
Котораго возметъ за руку,
Изъ плеча тому руку выломитъ;
И котораго задѣнетъ за ногу,
По ..... ногу оторветъ прочь;
И котораго хватитъ поперегъ хребта,
Тотъ кричитъ-реветъ, окорачь ползетъ,
Безъ головы домой придетъ.
Князи-бояра дивуются,
И всѣ купцы богатые:
«« А что это у насъ за уродъ ростетъ?
«« Что это у насъ за выблядочекъ?»»
Доносили они жалобу великую
Какъ бы той царицѣ Азвяковнѣ,
Молодой Еленѣ Александровнѣ:
Втапоры скоро завела его матушка во теремы свои,
Того ли млада Константинушку Сауловича,
Стала его журить-бранить,

*) Т. е. двадцати пяти.—*О.*

А журить-бранить, на умъ учить, смиренно жить.
А младъ Константинъ сынъ Сауловичь
Только у матушки выспросилъ:
« Гой еси, матушка,
« Молода Елена Александровна!
« Есть ли у меня на роду батюшка?»
Говорила царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна:
— Гой еси, мое чадо милое,
— А и ты младой Константинушка Сауловичь!
— Есть у тебя на роду батюшка,
— Царь Саулъ Леванидовичь;
— Поѣхалъ онъ за море синее,
— Въ дальну орду, въ Половецку землю,
— Брать дани, невыплаты,
— А поѣхалъ онъ на двѣнадцать лѣтъ;
— Я осталася черевоста,
— А черевоста осталась на тѣхъ порахъ,
— Только ему царю слово выговорила:
—« А кому меня царицу приказываешь?»
— Только лишь царь слово выговорилъ:
—« Никому я тебя царицу не приказываю и не наказываю;
—« А то коли тебѣ Господь сына дастъ,
—« Ты, де, вспой-вскорми,
—« Сына за мной пошли;
—« А то коли тебѣ Господи дочерь дастъ,
—« Вспой-вскорми, за мужь отдай,
—« А любимаго зятя за мной пошли.»—
Много царевичь не спрашиваетъ,
Выходилъ на крылечко на красное:
« Конюхи, приспѣшники!
« Осѣдлайте скоро мнѣ добра коня
« Подъ то сѣделечко Черкесское,
« А въ задней слукѣ и въ передней слукѣ
« По тирону по каменю,
« По дорогу по самоцвѣтному:
« А не для-ради меня молодца,

« Басы для-ради *), богатырскія крѣпости,
« Для-ради пути для дороженьки,
« Для-ради темной ночи осенней,
« Чтобы видѣть при пути-дороженьки
« Темна ночь до бѣла свѣта.»
А и только вѣдь матушка видѣла:
Ставалъ во стремя вальящатое,
Садился въ сѣделечко Черкесское;
Только онъ въ ворота выѣхалъ,
Въ чистомъ полѣ дымъ столбомъ;
А и только съ собою ружье **) везетъ,
А везетъ онъ палицу тяжкую,
А и мѣдну литу въ триста пудъ.

И наѣхалъ часовню, зашелъ Богу молитися,
А отъ той часовни три дороги лежатъ;
А и перва дорога написана,
А написана дорога вправо:
«« Кто этой дорогой поѣдетъ,
«« Конь будетъ сытъ—самому смерть;»»
А другою крайнею дорогою лѣвою:
«« Кто этой дорогой поѣдетъ,
«« Молодецъ самъ будетъ сытъ—конь голоденъ;»»
А середнею дорогою поѣдетъ:
«« Убитъ будетъ смертью напрасною.»»
Втапоры богатырское сердце разъярилося,
Могучи плечи разходилися,
Молодой Константинушка Сауловичь
Поѣхалъ онъ дорогою среднею.
Доѣзжать ***) до рѣки Смородины.
А втапоры Кунгуръ царь перевозится
Со тѣми ли Татары погаными.
Тутъ Константинушка Сауловичь
Зачалъ Татаровъ съ краю бить
Тою палицею тяжкою.
Онъ бьется-дерется цѣлой день

*) Для ради красы. — Вѣроятно: «не для ради меня, не для ради красы и крѣпости, а для ради пути-дороженьки,» — О.

**) Оружіе.—О.

***) Вѣроятно: доѣзжать, доѣзжаетъ.—О.

Не пиваючи не ѣдаючи,
Ни на малой часъ отдыхаючи.
День къ вечеру вечеряется,
Ужь красное солнце закатается,
Молодой Константинушка Сауловичь
Отъѣхалъ онъ отъ Татаръ прочь,
Гдѣ бы молодцу опочивъ держать,
Опочивъ держать и коня кормить.
А ко утру заря занимается,
А и молодой Константинушка Сауловичь
Онъ молодецъ ото сна подымается,
Утренней росой умывается,
Бѣлымъ полотномъ утирается,
На востокъ онъ Богу молится.
Скоро, де, садился на добра коня,
Поѣхалъ онъ ко Смородинѣ рѣкѣ.
А и туто Татары догадалися,
Они къ Кунгуру царю пометалися:
«« Гой еси ты, Кунгуръ царь,
«« Кунгуръ царь Самородовичь!
«« Какъ намъ будетъ дѣтину ловить,
«« Силы мало осталося у насъ?»»
А и Кунгуръ царь Самородовичь
Научалъ тѣхъ ли Татаръ поганыихъ
Копати ровы глубокіе:
— Заплетайте вы туры *) высокіе,
— А ставьте поторчины дубовыя,
— Колотите вы надолбы желѣзные.—
А и тутъ Татары поганые,
И копали они ровы глубокіе,
Заплетали туры высокіе,
Ставили поторчины дубовыя,
Колотили надолбы желѣзные.
А по утру рано ранешенько,
На свѣтлой зарѣ, рано утренней,
На всходѣ краснаго солнышка,
Выѣзжалъ удалой доброй молодецъ
Младой Константинушка Сауловичь;

*) Плетушки, насыпаемыя землею.—О.

А и бѣгаетъ-скачетъ съ одной стороны,
И завернется на другу сторону,
Усмотрѣлъ ихъ Татарскіе вымыслы,—
Тамо Татары просто стоятъ;
И которыхъ вислоухихъ—всѣхъ прибилъ,
И которыхъ висячихъ—всѣхъ оборвалъ.
И пріѣхалъ къ шатру къ Кунгуру царю,
Разбилъ его въ крохи ....
А достальныхъ Татаръ домой отпустилъ.

И поѣхалъ Константинушка ко городу Угличу.
Онъ бѣгаетъ-скачетъ по чисту полю,
Хоботы металъ по темнымъ лѣсамъ *),
Спрашиваетъ себѣ сопротивника,
Сильна могуча богатыря,
Съ кѣмъ побиться-подраться и поратиться.
А Углицки мужики были лукавые,
Городъ Угличь крѣпко заперли,
И взбѣгали на стѣну бѣлокаменну,
Сами они его обманываютъ:
«« Гой еси, удалой доброй молодецъ!
«« Поѣзжай ты подъ стѣну бѣлокаменну,
«« А и нѣту у насъ царя въ ордѣ, короля въ Литвѣ,
«« Мы тебя поставимъ царемъ въ орду, королемъ въ Литву.»»
У Константинушки умокъ молодешенекъ,
Молодешенекъ умокъ, зеленешенекъ.
И здавался на ихъ слова прелестныя,
Подъѣзжалъ подъ стѣну бѣлокаменну:
Они крюки-багры заметывали,
Подымали его на стѣну высокую
Со его добрымъ конемъ.
Мало время замѣшкавши,
И связали ему руки бѣлыя
Въ крѣпки чембуры шелковые;
И сковали ему ноги рѣзвыя,
Въ тѣ ли желѣза Нѣмецкія;
Взяли у него добра коня

*) Перемахивалъ участки (хоботы) величиною съ цѣлый темный лѣсъ.— О.

И взяли палицу мѣдную,
А и тяжку литу въ триста пудъ;
Сняли съ него платье царское цвѣтное
И надѣвали на него платье опальное, будто тюремное;
Повели его въ погребы глубокіе,
Мѣсто темной темницы;
Только его посадили молодца,
Запирали дверями желѣзными
И зысыпали хрящемъ, пески мелкими.
Тутъ десятники засовалися,
Бѣгаютъ они по Угличу,
Спрашиваютъ подводы подъ царя Саула Леванидовича:
И которыя подъ царя пригодилися,
И проѣхалъ тутъ онъ царь Саулъ
Во свое царство въ Алыберское.

Царица его царя встрѣтила,
А и молода Елена Александровна;
За первомъ поклономъ царь поздравствовалъ:
« Здравствуй ты, царица Азвяковна,
« А и ты молода Елена Александровна!
« Ты осталася черевоста:
« Что̀ послѣ меня тебѣ Богъ далъ?»
Втапоры царица заплакала,
Скрозь слезы едва слово выговорила:
— Гой еси, царь Саулъ Леванидовичь!
— Вскорѣ послѣ тебе Богъ сына далъ,
— Попъ приходилъ со молитвою,
— Имя давалъ Константинушкомъ.—
Царь Саулъ Леванидовичь
Много ли царицу не спрашиваетъ,
А и только онъ слово выговорилъ:
« Конюхи вы мои, приспѣшники!
« Сѣдлайте скоро мнѣ добра коня,
« Которой жеребецъ стоитъ тридцат лѣтъ.»
Скоро тутъ конюхи метались
Осѣдлали ему того добра коня,
И беретъ онъ царь свою збрую богатырскую,
Беретъ онъ сабельку острую и копье мурзамецкое.

Поѣхалъ онъ скоро ко городу Угличу.
А тѣ же мужики Угличи, извощики,
Съ нимъ ѣхавши разсказываютъ,
Какого молодца посадили въ погребы глубокіе,
И сказываютъ, каковы коня примѣты,
И каковъ былъ молодецъ самъ.
Втапоры царь Саулъ догадается,
Самъ говорилъ таково слово:
« Глупы вы мужики, неразумные!
« Не спросили удала добра молодца
« Его дядины *), отчины;
« Что онъ прежде того
« Не мало у Кунгура царя силы порубилъ:
« Можно за то вамъ его благодарити и пожаловати;
« А вы его назвали воромъ-разбойникомъ,
« И оборвали съ него платье цвѣтное,
« И посадили въ погреба глубокіе,
« Мѣсто темной темницы!»
И мало время поизойдучи,
Подъѣзжалъ онъ царь ко городу Угличу,
Просилъ у мужиковъ Угличевъ,
Чтобы выдали такого удала добра молодца,
Которой сидитъ въ погребахъ глубокіихъ.
А и тутъ мужики Угличи
Съ нимъ со царемъ заздорили,
Не пущаютъ его во Угличь градъ,
И не сказываютъ про того удала добра молодца:
«« Что, де, у насъ нѣтъ такого и не бывало.»»
Старики тутъ вмѣстѣ соходилися,
Они думали думу единую,
Выводили тутъ удала добра молодца
Изъ того ли погреба глубокаго,
И сымали желѣза съ рѣзвыхъ ногъ,
Развязали чембуры шелковые,
Приводили ему добра коня,
А и отдали палицу тяжкую,
А мѣдну литу въ триста пудъ,
И его платьице царское, цвѣтное:

*) Дѣдины.—О.

Наряжался онъ младой Константинушка Сауловичь
Въ тое свое платье царское, цвѣтное;
Подошелъ Константинушка Сауловичь
Ко царю Саулу Леванидовичу,
Сталъ свою родину разсказывати.
А и царь Саулъ схохватается,
А и беретъ его за руку за правую,
И цѣлуетъ его во уста сахарныя:
«Здравствуй, мое чадо милое,
«Младой Константинушка Сауловичь!»
А и втапоры царь Саулъ Леванидовичь
Спрашиваетъ мужиковъ Угличевъ:
«Есть ли у васъ мастеръ заплечной *) съ подмастерьями?»
И тутъ скоро таковыхъ сыскали и къ царю привели.
Царь Саулъ Леванидовичь
Приказалъ казнить и вѣшати,
Которые мужики были главные во Угличѣ.
И садилися тутъ на свои добры кони,
Поѣхали во свое царство въ Алыберское.

И будетъ онъ царь Саулъ Леванидовичь
Во своемъ царствѣ въ Алыберскомъ,
Со своимъ сыномъ младымъ Константинушкомъ Сауловичемъ,
И съѣхалися со царицею, обрадовалися.
Не пива у царя варить, не вина курить:
Пиръ пошелъ на радостяхъ,
А и пили да ѣли, потѣшалися;
А и день къ вечеру вечеряется,
Красное солнце закатается,
И гости отъ царя разъѣхалися.

Тѣмъ старина и кончилася.

—

Конецъ пѣсенъ 3-го выпуска.

*) Палачь.—*О.*

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ 3-МУ ВЫПУСКУ ПѢСЕНЬ,

СОБРАННЫХЪ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

ЗАМѢТКА *).

Съ началомъ положительной русской исторіи, при развитіи сложившагося міра-народа, мало по малу опредѣлялись въ немъ разные *слои*, которые впрочемъ слѣдуетъ строго различать отъ *сословій*, ибо къ послѣднимъ наша древняя исторія питала рѣшительное отвращеніе, и у всѣхъ Славянъ появленіе сословій было всегда вѣрнѣйшимъ признакомъ извращенія народности, гибели самостоятельности или по крайности мучительнаго перелома.

Земская дружина, въ смыслѣ выборныхъ для защиты, огражденія или расширенія дѣйствій Земли и Земщины, слагается также изъ разныхъ слоевъ народа. Во главѣ ихъ такъ называемые *Богатыри*, различные, смотря по различію слоя, изъ котораго они выходятъ.

Сообразно съ симъ, древнѣйшее народное Былевое творчество, вокругъ Владиміра, въ рядахъ Земской Дружины, на богатырскихъ заставахъ и главнѣйшихъ точкахъ тогдашней жизнедѣятельности, выводитъ передъ наши взоры ***Богатырей разныхъ слоевъ:*** мы видѣли доселѣ Богатыря-Крестьянина, главнаго, потомъ Богатыря-Боярина, Поповича, Дьяка.

Теперь является намъ богатырь — ***Гостиный сынъ***, сынъ гостя, или торговца. Какъ народное творчество, желая въ Земской Дружинѣ или богатыряхъ очертить намъ силу молодую, силу движенія, не беретъ богатыря изъ *основы* извѣстнаго слоя, не выводитъ, напримѣръ, попа, и даже вмѣсто князя и боярина употребляетъ охотнѣе названіе «княжескаго» или «боярскаго сына (ср. пѣсни о Дюкѣ Степа-

*) Въ 3-мъ выпускѣ мы не помѣщаемъ въ Приложеніяхъ особой сказки, потому, что въ Замѣтку вошло и безъ того много выдержекъ изъ разныхъ сказокъ.

новичѣ),» такъ точно является и Сынъ Гостиной, какъ *отпрыскъ, побѣгъ* гостинаго или торговаго слоя. Въ былевой пѣсни схвачена только одна сторона его удальства: хвастовство конемъ, тою охотою, которою всегда и вездѣ отличались богатые торговцы. Предметъ не малой важности для исторіи первобытной, успѣхи коня волновали не одну Грецію, не одинъ Римъ: отъ Кіева до Чернигова волнуется вся земля; въ закладъ входятъ князья и бояре, и гости-корабельщики; цѣлая область Черниговская, въ лицѣ своего Владыки, споритъ съ Кіевскою, съ княземъ Владиміромъ; послѣ побѣды, Черниговцы захватываютъ въ полонъ Днѣпровскіе корабли съ заморскими товарами — награда побѣдителя, и, захвативши товары, имущество, хвалятся какъ торговцы, забравшіе въ руки самое сильное орудіе дѣйствительности: послѣ этого, говорятъ они, « князи и бояра никуда отъ насъ не уйдутъ. » — При ближайшемъ разсмотрѣніи, *Иванъ Годиновичъ*, отличенный только отчествомъ какъ сынъ Година, является другою стороною того же Ивана сына Гостинаго; ниже мы должны будемъ войти въ большія подробности объ этихъ любопытнѣйшихъ лицахъ.

За Гостинымъ сыномъ слѣдуетъ богатырь-*Ловчанинъ* или ловчій, охотникъ. Его служба—охота, и самое средство для его гибели выбрано въ той же службѣ: желая его сбыть, ему кладутъ урокомъ—ѣхать на Буянъ островъ, убить звѣря лютаго-сивопрянаго, пымать птичку бѣлогорлицу. Занятіе охотою опять не маловажное для тогдашней жизни; въ ней непремѣнно долженъ былъ явиться слой подвиговъ и подвижниковъ по этой части: вспомнимъ, что пѣсни застаютъ Владиміра частехонько за охотою; что для того были у него особые « потѣшные луга и острова; » что здѣсь же, по лугамъ, рѣкамъ, лукоморьямъ и тихимъ заводямъ, встрѣчаемъ мы безпрестанно богатырей за тѣмъ же промысломъ; Олегъ выражаетъ хитрость-мудрость свою счастливыми ловами; ловъ Свѣналдича открываетъ драму временъ Олега, Ярополка и Владиміра; первые князья и княгини простираютъ по землѣ русской, вмѣстѣ съ сѣтью погостовъ и перевѣсищь, свои ловища; Владиміръ Мономахъ въ Поученіи со всею страстью посѣдѣвшаго охотника пересчитываетъ свои подвиги въ этомъ родѣ; отсюда же занимаетъ Слово о полку Игоря столько живѣйшихъ красокъ ; отсюда , по преданіямъ изъ рода въ родъ , господство охоты при всѣхъ Московскихъ увеселеніяхъ царскихъ, отсюда царь Алексѣй, не послѣдній изъ страстныхъ охотниковъ, и его Уряд-

никъ Соколиной охоты, и т. д., и т. д.—Но подвиги Данилы Ловчанина загораживаются въ пѣсняхъ величавымъ образомъ жены его Василисы Микулишны. Это старшая дочь знаменитаго, впрочемъ такъ еще недавно выяснившагося для насъ, представителя Земли, Микулы Селяниновича. Изъ крестьянскаго быта, изъ семьи пахаря вынесла эта женщина величайшую изъ человѣческихъ силъ, силу самопожертвованія, силу—положить жизнь въ жертву за другаго. Едва ли какое произведеніе какой бы то ни было народной словесности, если взять отдѣльную пѣсню, а не рядъ ихъ, какъ рядъ на примѣръ пѣсень, сцѣпленныхъ въ Одиссею, превзойдетъ своею драматической силой эту русскую пѣсню, гдѣ жена падаетъ на трупъ мужа добровольною жертвой супружеской любви и вѣрности, этой женственной честности брака. Но по тому же самому, по этой высотѣ драматисма, пѣсня, о которой идетъ дѣло, всегда останется особнякомъ среди нашего былеваго творчества; никто не заподозритъ ея народности или самобытности: ея собственный строй разрываетъ спокойное теченіе былевагo творчества и выдѣляетъ ее изъ эпопеи Владиміровой въ драму времени болѣе развитаго, представляя готовое содержаніе даже творчеству позднѣйшему. Такой судъ не принадлежитъ намъ однимъ: онъ произнесенъ уже самимъ былевымъ творчествомъ русскаго народа. Тонкое въ высшей степени по своему художественному чутью, дошедши до предѣла, гдѣ уже предстоялъ выходъ къ драмѣ, оно возвратило героевъ снова на почву Были и Былины: Василиса сдѣлана женою Ставра, и въ этомъ новомъ положеніи, сохранивъ всю силу самопожертвованія, она спасаетъ тѣмъ своего мужа, вразумляетъ Владиміра, и былевое творчество входитъ въ свою привычную колею, на свою покойную дорогу. Въ такомъ видѣ перешло имя Василисы и въ сказки: когда мы будемъ говорить о пѣсни Ставра, мы приведёмъ близко соотвѣтствующія мѣста сказокъ, о Василисѣ Поповой, Василисѣ Прекрасной, Василисѣ Золотой Косѣ.

Трудно рѣшить при настоящихъ данныхъ, имѣло ли въ виду творчество сопоставить богатыря *Данилу Игнатьевича* съ Данилою Ловчимъ. Если оно спасло мужа Василисы, посредствомъ пѣсни о Ставрѣ, то Данило Игнатьевичь можетъ быть продолженіемъ того же Данилы Ловчаго, на закатѣ дней его, когда, разставшись съ женою, постригся онъ въ монастырь (по пѣсни живутъ они врознь: такъ часто въ нашей исторіи полюбовно расходились въ старости своей супруги, чтобы остатокъ дней посвятить одному Богу). Какъ бы то

ни было, эта пѣсня—отрывокъ сказаній о послѣднихъ дняхъ нѣкогда грознаго и страшнаго богатыря: будемъ ожидать открытія пѣсень о былой его славѣ; въ настоящемъ видѣ своемъ, онъ принадлежитъ другому, особому слою Земской, или лучше, Земско-дружинной жизни. Живя при монастырѣ и только по необходимости выходя отсюда на подвиги, преклонный лѣтами, но еще могучій остаткомъ силы, въ огромномъ колпакѣ, съ каличьею клюкою въ сорокъ пудовъ вѣсомъ, онъ то же, что Старчище Пилигримище въ Новгородѣ (извѣстный по пѣснямъ о Васильѣ Буслаевѣ), онъ тожественъ съ *Калѣками Перехожими*.

Эти послѣднія лица, въ особыхъ былевыхъ пѣсняхъ, у насъ помѣщенныхъ, представляютъ намъ еще новый слой тогдашней жизни, занесенный и въ творчество. *Сорокъ каликъ со каликою, старцы* по названію, хотя они иногда и молоды лѣтами, *слѣпые, безобразные* и *нѣмые*—опять не всегда въ дѣйствительности, а въ народномъ представленіи и такъ сказать по службѣ и исповѣданію, полные представители былыхъ временъ, стихій слагавшагося вѣросознанія, кочевья, спасшіеся для новой жизни подъ условіемъ быть странниками по святымъ мѣстамъ и носителями народнаго творчества, въ особенности Стиховъ духовныхъ, они вынесли изъ пройденной эпохи, и удержали еще по характеру тогдашней жизни, громадные и величавые размѣры: они также богатыри, хотя совершенно особаго склада: отъ ихъ зычнаго голоса падаютъ верхи съ теремовъ; отъ ихъ прошенія милостыни, скорѣе похожаго на требованіе, вздрагиваютъ слушающіе; ихъ гуня по тысячѣ пудъ; ихъ колпакъ—дорожный колпакъ земли Греческой, иногда просто церковный колоколъ; ихъ тяжелую клюку просятъ часто на подержаніе самые сильные богатыри; ихъ переметная сума, знамя кочевой жизни, подшита бархатомъ; ихъ лапти преплетены шолкомъ и золотомъ. Въ Новгородѣ, а по его образцу вѣроятно и въ другихъ большихъ городахъ, они составляли особую часть городскихъ обывателей, свою сотню, *Слѣпчево сто;* отъ ихъ кочеваній и передвиженій охали всѣ мыслящіе люди древней Руси, начиная съ Нифонта; отъ яствъ, для нихъ готовившихся, ломились монастырскіе столы; отъ нихъ огораживались братчины, чтобы не ѣли и не пили рни «сильно;» отъ кормовъ имъ, этихъ сладкихъ кануновъ, кряхтѣли доброхотные датели; въ югозападныхъ областяхъ, при западномъ устройствѣ, они завели было свои *Старечьи цѣхи*. Однимъ словомъ, пока, силою развивавшихся Христіанскихъ понятій, эти лица доведены

до скромнаго и уже невиннаго образа нынѣшнихъ Слѣпцовъ, питаемыхъ народомъ за сохраненіе отрывковъ изъ древняго Духовнаго творчества, пока дожили они до нашего времени и уже вымираютъ на глазахъ нашихъ, дотолѣ долго и долго хранили они заданный изъ стари строй и складъ, по которому не рѣдко встрѣчали ихъ словами: «Не калики есте перехожія, есть вы русскія могучія богатыри;» слышались и другіе голоса: «Не калики то ходятъ перехожія, разбойники ходятъ, грабежники.» Въ этой еще древнѣйшей, могучей силѣ, въ этихъ и величавыхъ, и громадныхъ, порою и чудовищныхъ образахъ очерчены намъ лица Калѣкъ предложенными пѣснями. Мы еще возвратимся къ нимъ, когда придется ближе познакомиться съ главою ихъ, богатыремъ *Потыкомъ Михайломъ Ивановичемъ*: тогда будетъ у насъ случай замѣтить, какъ эти образы, близкіе къ Владиміровымъ богатырямъ, имѣютъ и другую сторону; какъ разсказъ о калѣкахъ въ своей завязкѣ близокъ къ Стихамъ объ Іосифѣ Прекрасномъ, и какъ всѣ эти лица, представители особаго слоя жизни изъ поры Владиміровой, тонкостію народнаго творчества не выводятся однако какъ постоянная сила Земской жизни, а только со стороны, мимоходомъ, врываются въ нее и въ Кіевъ съ другой, болѣе важной для нихъ дороги.

Мы пока не помѣщаемъ особыхъ пѣсенъ о *Хотинѣ Блудовичѣ* и *Чурилѣ Пленковичѣ*. Первый изъ нихъ богатырь-Бояринъ, хотя и глубоко отличный отъ Добрыни: его исторія есть начало и зародышь послѣдующаго Мѣстничества, борьбы сословій, пытавшихся подняться изъ народа; онъ выведенъ на сцену благодаря спору матерей, посчитавшихся родами, заслугами отцовъ, воспитаніемъ дѣтей, средствами ихъ жизни; это уже внутренняя исторія древняго города, скорѣе накипь разбогатѣвшей и досужей столичной жизни. Такую же сторону берутъ и пѣсни о Чурилѣ: если кто можетъ служить образцемъ древняго горожанина и посадскаго человѣка, въ его обыденности, возведенной однако творчествомъ въ богатырство, то это онъ, богатырь-*Горожанинъ*, богатырь-*Посадскій*, досужій щеголь древней Руси, краса игръ, хоровода, бесѣдъ и посидѣлокъ, зазноба молодицъ и дѣвушекъ, гроза старыхъ мужей, прислужникъ и потаковникъ княжеской, завистникъ и ругатель заѣзжихъ молодцевъ. Если мы прибавимъ еще этотъ слой городской, посадской жизни къ помянутымъ выше,—вотъ, все, что передала намъ былевая пѣсня о составѣ Земли и ея богатырской Дружины; и мы можемъ прибавить, едва ли исто-

рій по лѣтописямъ и актамъ возсоздастъ намъ слои древнѣйшей жизни яснѣе и ярче этихъ образовъ былевой пѣсни. Только Казачество съ его пѣснями, до которыхъ намъ еще далеко, можетъ дополнить картину, но уже для времени болѣе поздняго, съ характеромъ уже много измѣнившимся.

Теперь обратимся къ богатырямъ другаго рода, о которыхъ предложены пѣсни въ 3-мъ выпускѣ. *Дунай Ивановичъ*, прозвищемъ *Тихій*, собственнымъ своимъ имянемъ напоминаетъ ту древнѣйшую пору, когда Русскіе Славяне, за одно съ прочими своими братьями, жили еще при Дунаѣ; сказаніе о смерти его, давшей имя рѣкѣ, роднитъ его также съ богатырями Старшими, именно съ Суханомъ или Сухманомъ; онъ достаетъ Владиміру знаменитую жену Апраксію и, стало быть, предшествуетъ эпохѣ Владиміровой, когда эта соблазнительная личность начинаетъ играть важную роль во всѣхъ почти пѣсняхъ; однимъ словомъ, *по происхожденію*, это богатырь *Старшій*, и какъ такой, ставится иногда на ряду съ Самсономъ, Святогоромъ, Колываномъ (ср. 1-й выпускъ, стр. 60). Но творчество совершенно почти забыло его древность и пріурочило его къ богатырямъ Владимірова времени, передѣлавши даже самого его, на почвѣ обособившейся Руси, въ *Дона*, а жену его въ *Днѣпру* (ср. Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ, и у насъ вып. 1-й, стр. 60): быть можетъ самая отвлеченность имени, снятаго съ рѣки, была тому причиною. Какъ бы то ни было, онъ стоитъ совершенно въ ряду Ильи, Добрыни, Алёши и даже прочихъ. Только лишь порою творчество даетъ замѣтить, что онъ не исконный житель земли Кіевской, что онъ явился со стороны, что онъ принадлежалъ до появленія на Руси и другимъ племенамъ — Славянскимъ, служилъ многимъ царямъ, многимъ королямъ. Здѣсь переходъ къ богатырямъ *Заѣзжимъ*.

Кромѣ *Мѣстныхъ* богатырей, дѣйствующихъ постоянно вокругъ Владиміра и Кіева, при Владимірѣ и въ Кіевѣ, собравшихся сюда изъ разныхъ слоевъ тогдашней Земли, изъ разныхъ областей, для постояннаго житья «на богатырской заставѣ,» есть еще богатыри *Заѣзжіе*, изъ областей и племенъ, не подвластныхъ Кіеву и Владиміру. Нѣкоторые изъ нихъ, пріѣхавши, оставались здѣсь навсегда: таковъ *Михайло Казариновъ* или Козаринъ, изъ Козаръ, о которомъ скажемъ еще послѣ; другіе, на примѣръ *Соловей Будиміровичъ* и

Дюкъ Степановичь, показывались только на время, чтобы блеснуть передъ Владиміромъ славою своего края, похвастать богатствомъ, поискать русскихъ невѣстъ. О Соловьѣ будемъ мы говорить впослѣдствіи: теперь перейдемъ къ Дюку.

Дюкъ пріѣзжаетъ въ Кіевъ «изъ за горъ высокихъ,» «изъ Волынца красна Галичья,» «изъ славнаго богатаго Волынъ-города,» изъ странъ порубежныхъ, по отдаленности называемыхъ часто въ пѣсняхъ Карелою и Индіею: здѣсь нужно видѣть Русь *Галицкую*, гдѣ онъ былъ «княженецкимъ» или «боярскимъ сыномъ.» Но тамошняя Русь черезъ Угровъ познакомилась рано съ западными пріемами, обычаями, названіями, роскошью: онъ *Дюкъ*, т. е. конечно *Dux*, герцогъ (ср. у Славянъ имя *Дука*, область *Дукадинъ—ducatus*, *Герцеговину*); его пріемы рыцарскіе, образъ жизни болѣе изящный или изысканный, удивляющій Владиміра, богатырей, весь Кіевъ. Любопытный образчикъ, какъ дѣйствовало на простоту нашихъ домосѣдовъ впечатлѣніе иностранныхъ приманокъ еще въ ту пору: Русь поражена домомъ Дюка и не находитъ достаточно красокъ для описанія богатства и роскоши.

Наконецъ въ эпоху Владиміра, внѣ Кіева, не касаясь Новгорода и еще до Москвы, полюютъ по стороннимъ областямъ Руси и другіе богатыри. Такова область *Суздальская* или вообще *Суздальщина*, въ самыя первыя времена, обозначенныя именемъ Владиміра, еще не привтѣлившаяся въ составъ Руси Княжеской. Въ нашихъ пѣсняхъ (вып. 3, стр. 10), богатыри Кіевскіе горюютъ и жалуются, что въ Кіевѣ, «въ слободѣ Ерусалимской,» отведенной для пришельцевъ и заѣзжихъ людей, «нѣтъ молодцевъ удалыхъ *Суздальцевъ*.» Каковы должны быть эти удальцы Суздальцы? Издревле сторона ихъ — сторона мелкихъ торговыхъ промысловъ; издревле ея жители—разнощики и развощики красныхъ и такъ называемыхъ галантерейныхъ товаровъ; какъ Аѳени или Оѳени, они въ переходахъ своихъ выработали даже извѣстный искуственный языкъ, нужный имъ для мелкихъ торговыхъ сдѣлокъ и скрытныхъ переговоровъ, занеся въ него, конечно черезъ Дунайскія и Задунайскія страны, множество словъ греческихъ; таковы они даже доселѣ (по нѣкоторымъ уѣздамъ, особенно Владимірской губерніи), они, развившіе въ народѣ свой особый вкусъ, отъ иконъ до всякихъ узоровъ, извѣстный подъ именемъ *Суздальскаго*. Кромѣ того, въ

древности они являются особенно торговцами по *Сурожу*, *Сурожскому* или *Суровскому*, т. е. Азовскому морю; потому въ пѣсняхъ подобный удалецъ называется обыкновенно по роду *Суздалецъ*, по промыслу и занятію *Суроженинъ* или *Суровецъ*. Это сынъ Гостиный, сынъ торговца, и самъ торговецъ, но любопытно—шелковыми товарами, а шелкъ — *сырецъ* или *суровецъ*, латинск. *sericum*; до сихъ поръ въ Москвѣ рядъ съ шелковыми товарами сохранилъ имя *Суровскаго*. Открыть связь между *Сурожемъ* и *сырцомъ*, *Суровскими* товарами и латинск. *sericum*, — дѣло не столько филолога, который можетъ указать лишь на яркую близость словъ, сколько историка. Какъ бы то ни было, только подвиги Суздальца, отрывкомъ уцѣлѣвшіе въ пѣсни, стоятъ совершенно внѣ Кіева; они близки къ подвигамъ другихъ заѣзжихъ и стороннихъ удальцевъ, Дюка, Михайлы Казаринова, королевичей изъ Крякова (ср. Пѣсни, собр. П. Н. Рыбник.). Достаточно того, что и Суздальца древняя былевая пѣсня съумѣла возвести въ богатырство. Вотъ еще отрывокъ изъ сборника Кирши, не вошедшій въ нашь выпускъ именно по причинѣ своего отрывочнаго склада, несовмѣстнаго съ стройною былиной; сперва запѣвъ былевой пѣсни (1), потомъ другой запѣвъ — шуточная передѣлка Стиха Іерусалимскаго (2), и наконецъ какое-то событіе безъ всякой связи (3):

1. Высока ли высота—поднебесная;
Глубока глубота—Океанъ море;
Широко раздолье—по всей земли;
Глубоки омуты—Днѣпровскіе;
Чуденъ крестъ—Леванидовской;
Долги плеса—Чевылецкіе;
Высокія городы—Сорочинскія;
Темны лѣса—Брынскіе;
Черны грязи—Смоленскія;
А и быстрыя рѣки—Понизовскія.

2. При царѣ Давидѣ Евсеевичѣ,
При старцѣ Макарьѣ Захарьевичѣ,
Было беззаконство великое:
Старицы по кельямъ—родильницы,
Черницы по дорогамъ—разбойницы,
Сынъ съ отцемъ на судъ идетъ,

Братъ на брата съ боемъ идетъ,
Братъ сестру за себя емлетъ.

3. Изъ далеча, чиста поля,
Выскакалъ тутъ, выбѣгалъ
Суровецъ богатырь, Суздалецъ,
Богатаго гостя Заморенинъ сынъ *).
Онъ бѣгаетъ—скачетъ по чисту полю,
Спрашиваетъ себѣ сопротивника,
Себѣ сильна-могуча богатыря,
Побиться, подраться, порататься **),
Силы богатырски проотвѣдати ***),
А могучи плечи прiоправити.
Онъ бѣгалъ-скакалъ по чисту полю,
Хоботы металъ по темнымъ лѣсамъ ****);
Не нашелъ онъ въ полѣ сопротивника,
И поѣхалъ ко городу Покидошу *****).

Во славномъ городѣ Покидошѣ,
У князя Михайлы Ефимонтьевича,
У него князя почестной пиръ.
А и тутъ молодцу пригодилося,
Приходилъ на княженецкой дворъ,
Походилъ во гридню во свѣтлую,
Спасову образу молится,
Великому князю поклоняется.
А князь Михайло Ефимонтьевичь
Наливалъ чару зелена вина въ полтора ведра,
Подаетъ ему, доброму молодцу,
А и самъ говорилъ таково слово:
«Какъ, молодецъ, именемъ зовутъ,
«Какъ величать по изотчеству?»
Сталъ, молодецъ, онъ разсказывати:

---

*) Сынъ Гостиный, сынъ гости, Заморскаго, ходившаго за море, и самъ таковъ же.

**) Вѣроятно «поратиться.»

***) Или «поотвѣдати», или «проповѣдати, провѣдати.»

****) Объясненіе этого выраженія см. выше, вып. 3, стр. 3, 121, въ примѣч.

*****) *Кидешъ, Кидишъ* ср. вып. 1, стр. 79.

— Князь, де, Михайло Ефимонтьевичь!
— А меня зовутъ, добра молодца,
— Суровецъ богатырь, Суздалецъ,
— Богатаго гостя Заморенинъ сынъ.—
А и тутъ князю то слово полюбилося:
Посадилъ его за столы убраные,
Въ ту скамью богатырскую,
Хлѣба съ солью кушати
И довольно пити, прохлаждатися.

Остается сказать о пѣсни *Саулъ Леванидовичь.* Хотя изъ этого имени передѣлано на Татарскій ладъ «Сауръ Ванидовичь,» хотя въ пѣсни, у насъ подъ № 2-мъ, выставленъ Угличь, вообще переведено все на русскую мѣстность, а самая былина, по своему складу указываетъ на одинакую древность происхожденія съ былинами времени Владиміра: но всякого останавливаетъ первый уже вопросъ — какой же тогда могъ быть на Руси «царь», притомъ православный (такъ онъ описывается)? И пѣсня подъ № 1-мъ отчасти выводитъ насъ изъ затрудненія, давая знать, что это царство имѣло дѣло по одну сторону съ царствомъ «Латинскимъ,» по другую съ «Сарачинскимъ,» да и самое поприще дѣйствій для царскаго сына *Константина* назначается въ землѣ «Сарачинской.» Такимъ царствомъ была въ то время только Греція, или, лучше, Византія; такимъ царемъ или царевичемъ православнымъ внѣ Руси могъ быть только Византійскій государь, Константинъ, Самуилъ, Мануилъ, и т. п., съ женою, которая въ пѣсни названа *Еленою*. Поэзія южныхъ Славянъ, выводя часто греческихъ царей, обыкновеннѣе называетъ ихъ *Константинами;* и у насъ, въ Духовныхъ Стихахъ, почти всякой царь православнаго Востока есть непремѣнно *Константинъ Самойловичь* или *Константинъ Сауйловичь*, а въ одной любопытной дѣтской пѣсни разсказывается нѣчто подобое объ неожиданномъ рожденіи царицею «царя Константина *).» Мы не сомнѣваемся почти, что

*) Дѣтскія пѣсни крайне важны; въ одной изъ нихъ покойный Предсѣдатель Общества А. Ст. Хомяковъ открылъ описаніе отношеній Тіуна (княжескаго) и Владыки: см. Моск. Сборникъ 1852 г., стр. 322. Не менѣе любопытна и слѣдующая пѣсня (изъ сборника П. А. Безсонова):

Туру, туру, пастушокъ!
Далеко ли отошелъ?

все это — отрывки преданій, занесенныхъ изъ тогдашней Греціи и только привитыхъ къ Руси посредствомъ передѣлки; будемъ ожидать разъясненія отъ дальнѣйшихъ открытій.

Въ этой же надеждѣ на будущее, при пѣсняхъ 3-го выпуска ставили мы вездѣ «Отдѣлъ I-й,» хотя II-го пока еще нѣтъ: но если въ наше время возможны такія открытія въ народной русской словесности, какія представилъ намъ недавно посвященный Обществу Любителей Р. Словесности Сборникъ П. Н. Рыбникова, то не позволительно ли ожидать, что отрывки нашихъ былинъ успѣютъ еще значительно пополниться новыми трудами собирателей?

*

Мы обѣщали возвратиться къ Ивану Гостиному сыну и Ивану Годиновичу, или, говоря короче, къ *Ивану-богатырю:* это тѣмъ болѣе необходимо намъ, что здѣсь же, при случаѣ, опредѣлимъ мы отношенія Былины къ Сказкѣ, вопросъ, котораго, раньше или позже, намъ никакъ нельзя миновать при изданіи.

При всемъ томъ, что былины объ Иванѣ-богатырѣ крайне отрывочны, лице это до такой степени многозначительно, что въ состояніи приковать глубочайшее вниманіе, и на глазахъ нашихъ возникъ объ немъ и перешелъ было въ литературу самый горячій споръ между наиболѣе умѣреннымъ (а потому наиболѣе надежнымъ) русскимъ миѳологомъ, Д. И. Щепингомъ, и К. С. Аксаковымъ: первый готовъ былъ видѣть въ немъ полнаго представителя

«Отъ поля до моря,
«До Кіева города
(Разнорѣчіе—Далеко ли ты пасешь
Отъ Кіева города?).»
Что царь дѣлаетъ?
«Туру ногу (испорчено) пишетъ,
«На золотомъ стулѣ,
«На серебряномъ блюдѣ.
«Стулъ подломился,
«Царь покатился:
«Жена его Марья
«Сына породила.»
А какъ ему имя?
«Царя Костянтина.»

русской жизни, олицетвореннаго въ народномъ творчествѣ; второй, разумѣется, не уступалъ этой чести, подобающей Ильѣ Муромцу *).

Какъ бываетъ большею частію, истина остается между рѣшеній крайнихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Иванъ-богатырь имѣлъ, и мы знаемъ — доселѣ имѣетъ для Руси значеніе огромное. Имя Ивана — самое любимое у Русскихъ: пословица шутитъ надъ этой любовью, заставляя горевать женщину — «Горе мое, горе, что мужъ Григорій; хоть бы болванъ, да Иванъ.» Послѣ сказокъ и былинъ, раскройте всѣ другія русскія пѣсни: вездѣ любимый герой Ванюша. Царство растительное окрашено самыми живыми сказаніями по поводу цвѣтка — «Иванъ да Марья.» Есть много основаній думать, что имя это зачалось въ языкѣ своимъ самостоятельнымъ путемъ еще въ язычествѣ: необъясненное доселѣ *Эванъ* Ѳрако-пеласгическихъ *Сабацій*, повторяемое доселѣ въ праздновaніи западно-славянскихъ *Соботекъ*, видимо подходитъ къ христіанскому имени *Ивана* въ соотвѣтствующемъ у юго-восточныхъ Славянъ торжествѣ женственной *Купалы*, которая въ свою очередь сближаетъ съ одной стороны праздникъ *Кивелы* или *Кувелы* (греч. υ соотвѣтствуетъ у насъ краткому *у*) съ Сабаціями, а съ другой, въ христіанское время, перешла на день Ивана Крестителя. Многочисленныя народныя сказанія объ Иванѣ Крестителѣ, окрашенныя рѣзкими чертами язычества, ввели это имя у южныхъ Славянъ также въ самое развитое употребленіе и дали покойному Ю. И. Венелину основательный поводъ доказывать, что у Болгаръ и Сербовъ названіе *Ивана* опережаетъ времена христіанскія, вырождаясь изъ названія *Ивы*, какъ *Вербанъ*, *Славянъ*, *Драганъ*, *Цвѣтанъ*, *Миланъ*, и т. п. Какъ бы то ни было, по сіе время имя *Иванъ* у насъ почти что нарицательное, общее, готовое собою замѣнить каждое: вспомните, что всякой возница, или, лучше, всякой, кому не знаемъ личнаго имени, *Ванька*. Отъ того же вся Русь окрещена у Болгаръ однимъ общимъ именемъ *Ивана*: «дѣдо Иванъ, чичё (дядюшка) Иванъ.» Но названіе русскаго Ивана-богатыря перешло и за предѣлы Славянскіе; въ заносной отъ сопредѣльныхъ народовъ сказкѣ объ Еруславнѣ Лазаревичѣ, «Иванъ русской богатырь», является богатыремъ страшнымъ и общеизвѣстнымъ; его отправляется искать Еруславнъ:

*) Статья г. Шепинга, которою поднятъ вопросъ, помѣщена была въ Москвитянинѣ 1852 г., № 21; К. С. Аксаковъ обратился къ Московскимъ Вѣдомостямъ.

«И ѣхалъ мѣсяцъ, и другой, и третій, ажно наѣхалъ Еруслонъ Лазаревичь въ чистѣ полѣ рать-силу побитую, и ѣхалъ Еруслонъ Лазаревичь въ тое ратное побоище, и крикнулъ громко голосомъ: «« Есть ли въ сей рати живъ человѣкъ.., чья рать-сила побитая, и кто ее побивалъ? »» И говоритъ ему живъ человѣкъ: ... — Та рать-сила побитая лежитъ Ѳеодула царя змія, а побивалъ ее князь Иванъ руской богатырь, а доступаетъ у него прекрасной царевны Кондуріи Ѳеодуловны, а и ищетъ ее за себя взять неволею. — И говоритъ ему Ер. Лаз.: «« Брате, живъ человѣкъ! Далече ли его сустигать? »» И говоритъ ему живъ человѣкъ: — Государь Е. Л.! Не далече его съѣжжать, князя Ивана рускаго богатыря: объѣдь ты сію рать-силу побитую, и увѣдаешь коней слѣдъ. — И Е. Л. объѣхалъ рать-силу побитую, и нашелъ ступь коневью и копытъ *), скакано зъ горы на гору, долы и подолки вонъ выметываны **). И Е. Л. поѣхалъ тѣмъ же путемъ, и сталъ скакать съ горы на гору, долы и подолки вонъ выметывалъ. И говоритъ самъ себѣ: «« Конь коня лутче, а молодецъ молодца и давно удалѣя! »» И ѣдетъ мѣсяцъ, и другой, и третей, и наѣхалъ въ чистѣ полѣ — шатеръ стоитъ, а у шатра доброй конь стреноженъ, на бѣлой полстѣ ***) зоблетъ бѣлоярую пшеницу. И Е. Л. припустилъ добра коня Араша вѣщаго къ тому коню, а самъ пошелъ въ бѣлъ шатеръ: ажно въ бѣлѣ шатрѣ опочиваетъ младъ молодецъ замертво. И Е. Л. вынялъ у себе саблю булатную, и хощетъ его скоро смерти предать; а самъ себѣ подумалъ: «« Не честь мнѣ будетъ, не хвала, что сонного убить: сонной человѣкъ, аки мертвой. »» И Е. Л. легъ опочивать въ шатрѣ, на другой сторонѣ, и уснулъ крѣпко. И князь Иванъ руской богатырь пробудился и вышелъ изъ шатра вонъ, и посмотрилъ на свой доброй конь: ажно его доброй конь далече отбитъ, и щиплетъ траву въ чистомъ полѣ, а на бѣлой полстѣ чюжь конь незнаемой зоблетъ бѣлу-ярую пшеницу. И князь Иванъ руской богатырь вшедъ въ шатеръ, и посмотрилъ; ажно въ бѣлѣ шатрѣ, на другой сторонѣ, спитъ младъ молодецъ; и князь Иванъ руской богатырь, вынял саблю булатную, хощетъ его смерти предати, а самъ себѣ подумалъ: — Не честь мнѣ будетъ, не

---

*) Вѣроятно « ископытъ. »

**) Ср. у насъ въ пѣсняхъ: « широкія раздолья выметывалъ, хоботы метáлъ по темнымъ лѣсамъ. » Таковъ именно, какъ ниже описывается, конь у Ивана Гостинаго сына.

***) Полости.

хвала молодецкая, соннаго человѣка убити: сонной человѣкъ аки мертвой.—Учалъ будити: — Стань, человѣче, убудись, не для ради моего буженья, для ради своего спасенья! Не вѣдаеши, что не по себѣ товарища избираешь: за то рано напрасною смертію умрешь. За что лошадь свою къ чюжему корму припущаешь, а самъ не спросясь въ чужей шатеръ ходишь? за то люди напрасно много крови проливаютъ. И какъ еси тебя зовутъ по имени, и откуды ѣздишь, и какова отца сынъ?—И говоритъ ему Е. Л.: «« Господине, князь Иванъ руской богатырь! Язъ ѣду отъ Картаусова царства, отецъ у меня князь Лазарь-Лазаревичь, и мати у меня Епистимія, а меня зовутъ Еруслономъ; а добра коня къ чюжему корму припустилъ, что ему стоять безъ корму неудобно, а твоего коня прочь не отбивалъ; что ты говоришь, не гораздо ладно: когда бываютъ люди добрые, и они прежь худыхъ рѣчей пьютъ и ѣдятъ, и потѣшаются, въ чистѣ полѣ разьѣзжаются. Есть ли у тебя, князь Иванъ руской богатырь, чѣмъ вода черпати?»» И говоритъ ему князь Иванъ руской богатырь:—Есть у меня чара, чѣмъ вода черпати. — И говоритъ ему Е. Л.: «« Князь Иванъ руской богатырь! Когда тебѣ есть чѣмъ вода черпати, и ты почерпни воды и умойся, да мнѣ подай.»» И говоритъ князь Иванъ руской богатырь:—Е. Л.! тебѣ вода черпати да и мнѣ подавать: и ты дитя молодое. — А въ тѣ поры Е. Л. шти лѣтъ по седьмому году пошелъ. И говоритъ Е. Л.: «« Князь Иванъ руской богатырь! тебѣ вода черпати да и мнѣ подавать: не имавъ птицу, да теребишь, а добра молодца, не отвѣдавъ, да хулишь и хулу возлагаешь.»» И говоритъ Иванъ руской богатырь: — Я во князѣхъ князь, а въ боярехъ бояринъ, а ты казакъ: тебѣ вода черпати да и мнѣ подавать.—И говоритъ ему Е. Л.: ««Язъ въ чистѣ полѣ богатырь, и у царей во дворѣ богатырь; а ты когда у царей во дворѣ, и тогда ты князь, а когда ты въ чистѣ полѣ, и тогда ты песъ, а не князь: тебѣ вода черпать да и мнѣ подавать.»» И видитъ князь неминучую бѣду, и вземъ чару, и почерпаетъ воду, и самъ умылся, да и ему подалъ. И Е. Л. умылся и садился на своего добраго коня, и князь Иванъ руской богатырь поѣхалъ во всю пору лошадиную, и Еруслонъ поѣхалъ ступью бредучею; и понадогналъ Е. Л., и ударилъ своего добраго коня Араша вѣщаго по окорокамъ, и выпередилъ князя Ивана рускаго богатыря, и помолился: «« Боже, Боже, Спасъ милостивъ! Дай мнѣ, Господи, всякаго человѣка убить копьемъ, тупымъ концомъ! »» И оборотилъ

Еруслонъ свое долгомѣрное копье тупымъ концемъ, и ударилъ князя Ивана рускаго богатыря долгомѣрнымъ своимъ концемъ *), и вышибъ его изъ сѣдла вонъ; и Арашь, его вѣщей конь, наступилъ на долгосиѣшное **) ожерельеце. И обратилъ Е. Л. свое копье долгомѣрное острымъ концемъ, и хощетъ его смерти предать; и говоритъ ему князь Иванъ руской богатырь: — Государь Е. Л.! Не дай смерти, дай животъ: прежь сего у насъ брани не бывало, а и впредь не будетъ. — И Е. Л. слазилъ зъ добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю, и принимаетъ его за правую руку, и цѣлуетъ его во уста сахарныя, и называетъ его братомъ. И поѣхалъ Е. Л. ко бѣлу шатру, ажно и братъ его за нимъ: и припустили своихъ добрыхъ коней къ одному корму, а сами пошли въ бѣлъ шатеръ, и учали пити и ясти, и веселитися. И какъ будутъ оба на веселіе ***); и говоритъ ему Е. Л.: «« Брате, князь Иванъ руской богатырь! Ѣхалъ я въ чистое поле, и наѣхалъ я—двѣ рати побитыя лежатъ: и кто ихъ побивалъ? »» И говоритъ князь Иванъ руской богатырь: —Та рать-сила побитая Θеодула царя змія, и побивалъ язъ, а доступалъ у него язъ прекрасныя царевны Кондуріи Θеодуловны, и хощу ея за себя взять; а сказываютъ, что ея краше на свѣтѣ нѣтъ; и въ завтра у меня будетъ останошной бой. И ты, Е. Л., стань въ сокровенномъ мѣстѣ, и посмотри моей храбрости, и потѣшайся.— Легли спать. И по утру, вставъ рано, князь Иванъ руской богатырь осѣдлалъ своего добраго коня и поѣхалъ въ чистое поле, а Е. Л. пошелъ пѣшь и сталъ въ сокровенномъ мѣстѣ, и учалъ смотрѣть. И какъ пріѣдетъ на князя Ивана руского богатыря Θеодулъ царь змія, конныхъ и вооруженныхъ отроковъ 30,000 по морю и по брегу, и не ясенъ соколъ напущается на гуси и на лебеди, напущаетъ Иванъ руской богатырь на рать Θеодула царя змія, и побилъ, и присѣкъ, и конемъ притопталъ 20,000, и самого Θеодула царя змія убилъ, и которые остались, люди малые и старые; и некому противъ Ивана рускаго богатыря вытти. И взялъ князь Иванъ руской богатырь прекрасную царевну Кондурію Θеодуловну, и повелъ ее къ своему шотру, а достанная сила Θеодула царя змія воротилась къ своему царству ****).» За симъ продолжаются другіе

*) Копьемъ.

**) Драгоцѣнное.

***) На веселѣ.

****) Изъ «Памятниковъ стар. русск. литер.», 1860, вып. 2, по списку XVII в.

подвиги Еруслана, между которыми впрочемъ встрѣчаетъ онъ какбы повтореніе Ивана-богатыря, «Ивана Бѣлую Епанчу,» слугу Индѣйскаго царя «Далмата,» у котораго подвизается и нашъ Иванъ-богатырь по сказкѣ объ Иванѣ царевичѣ, Жаръ-птицѣ и Сѣромъ волкѣ. Такое свидѣтельство о богатырѣ Иванѣ въ сказкѣ явнаго восточнаго происхожденія (какъ думалъ покойный А. Ст. Хомяковъ отъ Ариянъ или Грузинъ; *Еруслань* есть извѣстное восточное имя *Арсланъ,* левъ), при томъ свидѣтельство, чуждое русскаго пристрастія, ибо Еруслань побѣждаетъ Ивана, весьма важно, показывая широкую извѣстность послѣдняго. Нельзя также не припомнить, что при Артуровомъ «Кругломъ столѣ» занимаетъ мѣсто богатырь *Yvain* или *Owen*, а нашего Ивана-дурачка напоминаетъ въ Бретанскихъ сказкахъ *Передуръ*. Однимъ словомъ, очевидно, что Иванъ-богатырь знаменитъ и что онъ дѣйствительно представитель Руси, для нея самой и сосѣдей: весь вопросъ — для какого времени онъ представитель? И мы сей-часъ увидимъ, что дѣйствительно Иванъ съ Ильею Муромцемъ размежевали между собою и время, и области славы, такъ что въ народномъ творчествѣ для одной поры, и при томъ *по сказкамъ*, главный богатырь Иванъ, а для другой поры и *по былинамъ*— Илья.

Всего ближе въ знакомство съ Иваномъ-богатыремъ вводитъ былина «о Ванькѣ, удовкинѣ сынѣ,» напечатанная въ собраніи П. Н. Рыбникова. Она довольно уже близка къ сказкѣ: но на сколько въ ней удержанъ характеръ былины, это, можетъ быть, древнѣйшая изъ былинъ, никакъ не моложе, а вѣроятно еще старше пѣсень о Святогорѣ. Событія взяты по ту сторону сложившагося міра-народа Русскаго, не только въ язычествѣ, въ колебаніи стихійнаго вѣросознанія и кочеваго быта, но даже при самомъ еще началѣ всего этого. Лице дѣйствующее, представитель Руси, еще не обособившейся отъ Славянскаго племени и едва выдѣляющейся отъ другихъ племенъ, Иванъ представляется «сыномъ вдовкинымъ,» т. е. сиротой, меньшимъ и слабѣйшимъ въ семьѣ раздѣляющихся народовъ, подобно тому, какъ сказочный Иванъ всегда сынъ меньшой между сыновьями, братъ младшій, большею частію загнанный, запуганный, оклеветанный, одураченный, вслѣдствіе именно того, что онъ выдѣляется изъ семьи позднѣе, когда прочіе уже возмужали, и вся его надежда на одно будущее. Онъ служитъ рабски существу, въ которомъ видите древнѣйшаго, первобытнаго бога, «царю *Волшану*,» имя кото-

раго однокоренно и однозначуще съ *волхвомъ* и *волшебствомъ*, а въ формѣ *Волота* (извѣстнаго по стихамъ Іерусалимскимъ) стоитъ рядомъ съ *Велесомъ*, *Волосомъ*, и прочими существами, означающими стихійность, расплывчивость, отсутствіе всякой опредѣленности вѣросознанія *). По былинѣ, путь впередъ начинается съ того, что Ивану нужно отъ Волшана «обрядиться,» т. е. спрятаться, такъ, чтобы не нашелъ, передѣться, пройти иные виды бытія. По сказкамъ задача такого рода выражается разными уроками, которые задаетъ Ивану выполнить притѣснитель, государь, иногда отецъ. Иванъ пускается на подвигъ: по сказкамъ онъ отворачиваетъ камень и спускается въ яму, въ колодецъ, въ пропасть, въ подземелье,—т. е. ищетъ скрыться, перейти въ бытіе скрытное сравнительно съ прежнимъ. Въ миѳологіи, въ общей исторіи вѣросознанія народовъ, это скрывательство обозначаетъ въ конечной цѣли обращеніе къ средоточію человѣческаго духа, и прійти сюда предстоитъ многотрудными путями и переходами, въ началѣ же приходится прятаться даже въ камень, куда уходитъ сила духа отъ древняго стихійнаго божества, какъ въ кремень искра. И такъ Иванъ прячется. Въ этомъ скрытномъ бытіи начинается исторія его переходовъ отъ одного вида бытія къ другому дальнѣйшему: чрезъ всѣ царства природы, еще не бывшей для духа внѣшнею, но владѣвшей имъ какъ божество, чрезъ минералы, растенія, животныхъ. Въ былинѣ это выражается такъ: Иванъ оборачивается въ горностая, пролѣзаетъ въ подворотню,

Пошелъ–поскакалъ по чисту полю,
Прошелъ–проскакалъ тридевять вязовъ,
Тридевять вязовъ, тридевять цвѣтовъ,
Зашелъ за тый ли за единый вязъ,
И сидитъ тамъ (спрятался было) добрый молодецъ.

Во второй разъ:

Прошелъ-проскакалъ тридевять вязовъ,
Тридевять вязовъ, тридевять цвѣтовъ,

---

*) Корень не болѣе, какъ *влъ* или *въл*, откуда Ц. слав. *въл-а-твсв*; съ развитіемъ посредствомъ *х*—*влъ-х-въ*, *влъ-х-ва*; *вл-а-х-ъ*—вялый, скопецъ; съ переходомъ *х* въ *с* — *влъ-с-ынъ*, косноязычный, нѣмой; *власъ*; съ переходомъ *х* въ *ш*— *влъ-ш-ьба*; съ развитіемъ посредствомъ *к* — *влакно*, *волокно*; посредствомъ *г*—*влъ-г-а*, влага; съ *н* — *влъ-н-а*, въ смыслѣ воды и шерсти, волосъ и т. д.

Зашелъ за тый ли за единый дубъ,
И сидитъ тамъ добрый молодецъ.

Но у Волшана есть «Книга Волшенская:» въ ней законы тогдашняго бытія; стóитъ раскрыть ее Волшану, и она волхвуетъ ему, разсказываетъ, куда дѣвался и спрятался Иванъ; каждый разъ Волшанъ находитъ его и ворочаетъ, угрожая наказаніемъ. Иванъ не достигаетъ искомой цѣли, принужденъ снова и снова возвращаться къ прежнему, опостылѣвшему виду бытія. Въ сказкахъ это выражается переходами своего рода: въ подземельѣ Иванъ ходитъ по тремъ царствамъ, отъ одного къ другому; гоняется за тремя дѣвушками, отъ одной къ другой, одна другой лучше: на пути его встрѣчаютъ существа, о которыхъ здѣсь было бы долго распространяться, но которыя представляютъ собою кочевой бытъ: это *Кощей безсмертный* или *Кошь*, костлявый, вѣчно блуждающій всадникъ, похититель дѣвицъ *умычкою* — знаменемъ кочевья, извѣстный изъ Слова о П. И. по «сѣдлу Кощіеву,» признаку кочеваго быта, извѣстный по имени, переносившемся на Половцевъ и всѣхъ кочевыхъ народовъ (ихъ называли «погаными кощеями»), извѣстный по названію *коша*, перешедшаго позднѣе къ козачеству, наконецъ даже по словопроизводству имени тожественный съ *кочевьемъ;* во вторыхъ *Баба-яга, костяная нога*, скачущая въ ступѣ, заметающая всякій слѣдъ своихъ блужданій, и для которой, подобно какъ для Кощея, Иванъ былъ представителемъ «русскаго духа:» пахнетъ русскимъ духомъ, русскою косткой. Такъ или иначе, Иванъ отъ нихъ отдѣлывается, убиваетъ разныхъ зміевъ, чудовищь, сражается, въ сказкѣ «объ Иванѣ крестьянскомъ сынѣ,» съ *Полканомъ*, этимъ полдвинчатымъ богатыремъ, получеловѣкомъ, полуконемъ, извѣстнымъ въ ряду нашихъ старшихъ или стихійныхъ богатырей, и т. п.

Наконецъ Иванъ достигаетъ цѣли переходовъ. По былинѣ, при третьей попыткѣ укрыться, онъ добрался до берега:

Выскочилъ Ванька на крутъ бережокъ.
Пошелъ-поскакалъ о сине море
По этому по крутому по бережку,
Пришелъ-прискакалъ къ сыру дубу.
Сидятъ птицы, дѣти Могуль-птицы,
Сидятъ они—всѣ перезябнули,

Сидятъ они—всѣ перемокнули,
Сидятъ они—всѣ перехолоднули.

Иванъ спасаетъ ихъ отъ голодной и холодной смерти; налетѣла Могуль-птица, хотѣла пожрать его, но, узнавъ о спасеніи дѣтей, въ благодарность сама спасаетъ его. Она выноситъ его, на своихъ огромныхъ крыльяхъ, *на свѣтъ Божій;* наученный ею, Иванъ заклинаетъ и Волшана, и его Книгу, и всѣ «слова проклятыя.» Книга умолкаетъ въ своихъ волхвованіяхъ; Волшанъ въ отчаяніи сожигаетъ ее; разрушены законы этого постылаго бытія; Иванъ спасается, становится самъ царемъ.

Раскрываемъ сказку объ *Иванѣ царевичѣ и Норкѣ-звѣрѣ* (Аѳанас. Нар. русск. сказки, 1858 г., вып. I, стр. 28 и дал.). У царя въ царствѣ проявился великій звѣрь Норка, все поѣдаетъ; нужно убить его, а для того лазить за нимъ по норамъ, въ подземельѣ. Два старшіе сына не могутъ ничего сдѣлать, приходится меньшому, Ивану (вспомнимъ, что при нашемъ *ныр-ять*, *нор-а*, стоитъ санскрит. *нри*, *нара*, человѣкъ, а названіе *Норци* носили Славяне на извѣстной ступени ихъ древняго племеннаго бытія). Царевичь подымаетъ камень, спускается въ подземелье, совершаетъ тамъ обычные переходы, убиваетъ звѣря. Но какъ Волшанъ, съ помощію книги, не даетъ Ивану высвободиться, такъ въ сказкахъ ту же роль играютъ старшіе братья Ивана, родные, дядька, и т. п., т. е. другіе старшіе, сравнительно съ Русью, народы, успѣвшіе созрѣть прежде, завидующіе успѣхамъ младшаго. Они обманываютъ его разными способами, обрѣзаютъ веревки, когда совсѣмъ было поднялся уже онъ на свѣтъ Божій изъ подземелья, и т. д. Они *погружаютъ* его въ то же бытіе, обрекаютъ опять на блужданіе. «Ишовъ, ишовъ царевичь. Во якъ паднялась буря, заблискала моланьй, загремѣвъ громъ, полився дождь. Іонъ пришовъ къ деряву, штобъ захаванца (спрятаться) падъ имъ. Глядить: ажъ на томъ дерявѣ маленькіе птушки (пташки), савсѣмъ измокли; іонъ и знявъ съ себе адёжу, да и накрывъ ихъ, а самъ сѣвъ падъ деревамъ. Кали лятить птица, да такая вяликая, што и свѣтъ затмився: то было тёмна, а то яще патямнѣло. То матка тыхъ птушакъ, што накрывъ царевичъ. Прилятѣвши тая птица, якъ пабачила, што яё дятёнышы адѣты, и кажа: «Хто накутавъ маихъ птушакъ?» А далѣ, набачивши царевича, и кажа: «Ега ты зра-

бивъ, спасиба тябѣ. Чаго хочешъ, праси адъ мене за ета, все сдѣлаю для тябе!» Іонъ кажа:— Выняси мене на тей свѣтъ. —... *Лятѣвши* чи багата, чи мала, вынесла яго, папращалась и палятѣла.» Почти слово въ слово, какъ въ былинѣ.

Птица эта, знаменитая въ нашихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ *Могуль*-птица, *Ногъ* или *Нога*, сербск. *Ној*, страусъ, въ передѣлкѣ съ греческой формы *Страфиль*, *Стратимъ*, и т. п., «великая, страховитая,» извѣстная особенно по Голубиной Книгѣ, отчасти по Стихамъ объ Егорьѣ, гдѣ онъ встрѣчаетъ ее, поѣзжая по Руси и водворяя благоденствіе жизни. По совершеніи подвига, спасеніи русскаго человѣка, она умирена христіанскими воззрѣніями и, какъ символъ нѣкогда совершившейся черезъ нее побѣды, водворена въ Кіевѣ на вратахъ Корсунскихъ, гдѣ по Стихамъ и Сказаніямъ, пугала подступавшихъ враговъ Руси.—Въ другихъ сказкахъ объ Иванѣ эта птица является знаменитою *Жаръ-птицей*, которую для спасенія своего старается добыть Иванъ-царевичь.

Въ сказкахъ есть и другіе образы, впрочемъ сходные между собою и выражающіе также спасеніе Ивана, а въ немъ Русскаго человѣка. Между ними слѣдуетъ упомянуть одно сказаніе: Иванъ разными путями дознался, въ чемъ жизнь и смерть Кощея: «У меня смерть, признался Кощей, въ такомъ-то мѣстѣ; тамъ стоитъ дубъ, подъ дубомъ ящикъ, въ ящикѣ заяцъ, въ зайцѣ утка, въ уткѣ яйцо, въ яйцѣ моя смерть.» Подобно, какъ при встрѣчѣ съ Ягой-бабой, Ивану приходится спасаться посредствомъ разныхъ силъ и существъ природы, деревьевъ, волка, медвѣдя, вороны или сокола, рака или щуки, такъ и здѣсь предстояло пройти ему разные образы бытія. Онъ встрѣчаетъ волка, ворону, щуку и спасаетъ ихъ: за то щука перевозитъ его черезъ море; изъ найденнаго подъ дубомъ ящика, выскочилъ и побѣжалъ заяцъ,—онъ пойманъ волкомъ; когда изъ разрѣзаннаго зайца вспорхнула утка, ворона нагнала утку. Наконецъ яйцо въ рукахъ у Ивана: прошедши всѣ возможные виды бытія, онъ дошелъ до средоточія, до скорлупы, въ которой сосредоточена смерть и жизнь, смерть для Кощея, для бытія прежняго, стихійнаго, для быта кочеваго, начало жизни для бытія новаго. Только пожать яйцо въ рукѣ, и Кощей чувствуетъ уже страшную боль; онъ молится: «Не бей меня, Иванъ царевичь! станемъ жить дружно, намъ весь міръ будетъ покоренъ,»—сознаніе,

что въ яйцѣ сокрыта міровая сила, и, пока яйцо не тронуто, міръ не развивается, въ бытіи скрытомъ. Но Иванъ царевичь раздавилъ яйцо,—Кощей умеръ, начался новый порядокъ вещей. Такъ у всѣхъ древнѣйшихъ народовъ, особенно Индѣйцевъ, уцѣлѣло вѣрованіе, что міръ творится—для человѣка, для его духа и сознанія—послѣ того какъ раздавлено яйцо и изъ него высвобождается жизнь (ср. Сказки А. Н. Аѳанас., 1856 г., вып. II, стр. 66—72, 168—173).

По спасеніи Ивана, всѣ враги, мѣшавшіе его освобожденію, разнымъ образомъ побѣждены, пристыжены, запуганы въ сказкахъ. Человѣкъ русскій становится въ рядъ съ другими старшими народами, опередившими его на пути развитія; ему обѣтуется царство, за правду, за подвиги въ ея имя.

Приведенныя нами черты могутъ быть блистательно выяснены и подтверждены тысячами примѣровъ изъ миѳологіи другихъ народовъ, проходившихъ тотъ же, общій для всѣхъ путь развитія въ язычествѣ, пока народъ слагается, образуется въ народъ, занимаетъ мѣсто между другими народами. Разнорѣчія изъ множества русскихъ сказокъ могутъ быть подысканы въ прекрасномъ собраніи А. Н. Аѳанасьева.

Съ окончаніемъ для вѣросознанія путей стихійныхъ, черезъ посредство разныхъ видовъ бытія отъ природы неорганической до органической, и высшей, начинается развитіе внутренняго человѣческаго духа, обрѣтшаго свое средоточіе, мѣру, цѣль и цѣлость: близко запечатлѣніе духа Христіанствомъ. Въ положеніи внѣшнемъ, за пройденымъ путемъ племеннаго броженія и кочевья, выдѣляется народъ съ началами и основами своей народности: для русскаго человѣка создался міръ-народъ, форма его бытія политическаго, съ значеніемъ Земли и Земщины, Дружины, міра-сходки, общины, верви, города, и т. д. Сообразно тому, настала и пора истиннаго творчества: творчество на этой первой порѣ явилось Былевымъ, сосредоточено около Владиміра, въ области Кіевской.

Посмотримъ на Ивана-богатыря въ этомъ новомъ періодѣ жизни. Здѣсь объ немъ должны быть *Былины*, а онъ самъ долженъ явиться *Богатыремъ времени Владимірова*.

Такъ и случилось: была минута, когда *Иванъ-богатырь*, какъ

представитель русскаго человѣка, могъ быть какимъ-угодно древнѣйшимъ русскимъ богатыремъ.

Во первыхъ, онъ является представителемъ самой Земли и Земщины, весьма близкій къ *Микулѣ Селяниновичу*, хорошо извѣстному по сборнику П. Н. Рыбникова. Таковъ Иванъ въ сказкахъ—съ прозвищемъ *Голь Воянскій:* онъ маленькій, худенькій, пахарь; какъ Микула, выпрегъ онъ кобылку изъ сохи и поѣхалъ на подвиги съ богатырями; перепугалъ ихъ всѣхъ, — Илья Муромецъ, Чурила Пленковичь и прочіе почтительно ему служатъ; онъ убиваетъ Добрыню и, какъ « мужичёкъ съ ноготокъ, бородка съ локотокъ, » помялъ онъ бока самому Ильѣ Муромцу (см. Приложенія къ 1-му выпуску Пѣсень П. В. К.). Но на этой ступени Иванъ не могъ удержаться въ народномъ представленіи и творчествѣ: тогда какъ черты Микулы въ высшей степени строги, Иваномъ овладѣваетъ въ сказкѣ шутка; рѣзкая противоположность между его фигурой и степенствомъ служащихъ ему богатырей подаетъ поводъ ко множеству остроумныхъ выходокъ въ сказкѣ. Выпишемъ шутливое описаніе начала его подвиговъ: « Одинъ разъ отецъ и снохи стали Ивана посылать на полё допахать сколько-то лѣхъ (бороздъ) пашни. Парень поѣхалъ. Пріѣхалъ на пашню, запрёгъ лошадь, проѣхалъ съ сохой разъ ли, два ли, — видитъ: счоту нѣтъ комаровъ да мошокъ. Онъ схватилъ хлыстикъ, стегнулъ по боку лошадь, убилъ ихъ безъ смѣты; ударилъ по другому, убилъ сорокъ паутовъ (слѣпней), и думаетъ: « Вѣдь я на одинъ зáмахъ убилъ сорокъ богатырей, а мелкой мошки смѣты нѣтъ (сравните разсказъ Микулы, какъ побилъ онъ мужичковъ въ Городни)!» Взялъ ихъ всѣхъ, положилъ въ кучу... самъ не сталъ пахать, выпрёгъ лошадь, поѣхалъ. » Или: « Мужичокъ простачокъ пахалъ пашню; лошаденка его была худенькая, хромоногая, и ту облѣпили слѣпни съ комарами. Вотъ простачокъ взялъ свой кнутъ, да взмахнулъ такъ счастливо на диво, что разомъ убилъ тридцать трехъ слѣпней, а комаровъ безъ счета. Простачокъ мужичокъ думать сталъ: « Малъ да удалъ, въ богатыри я попалъ; тридцать трехъ молодцовъ съ разу положилъ, а мелкой силы и смѣты нѣтъ! » Големъ мужичокъ назывался: смотришь, и Голь взвеличался. Выпрягъ свою лошаденку, взобрался на нее полегоньку, сѣлъ верхомъ, выѣхалъ на большую дорогу, срубилъ дерево стоярростовое, и поставилъ столбъ съ надписью: « Здѣсь проѣхалъ богатырь Голь

Воинской, встрѣтился съ силой бусурманской, тридцать трехъ богатырей съ разу положилъ, а мелкой силы и смѣты нѣтъ; если какой богатырь на встрѣчу ѣдетъ, у столба поджидай, а позади, такъ меня договяй (см. Сказки Аѳан., вып. II, стр. 8—12; 135—139 и др.).» Здѣсь исторія Ивана есть совершенно исторія Микулы Селяниновича, только на выворотъ и въ шутку.

Далѣе Иванъ отождествляется съ *Ильею Муромцемъ*, именно въ той точкѣ, когда богатырь сложившагося міра-народа только что выходитъ изъ поры предшествовавшей, сидитъ сиднемъ, поднимается на ноги Калѣками перехожими. Это *Иванъ крестьянской сынъ*, въ сказкѣ того же имени. Сказанія объ Ильѣ знаемъ мы по 1-му выпуску Пѣсень П. В. К. и собранію П. Н. Рыбникова; объ Иванѣ выпишемъ начало лубочной сказки (весьма замѣчательной, съ годомъ—1793, въ собраніи П. А. Безсонова): «Въ нѣкоей деревнѣ былъ крестьянинъ не весма богатой. И тотъ крестьянинъ жилъ со своею женою три года, а дѣтища у нихъ не было. На четвертое лѣто жена ево понесла и родила сына, котораго и назвали Иваномъ. Когда Ивану сему минуло пять лѣтъ, а ходить онъ не могъ, потому что былъ сидень, то отецъ его и мать стали кручинитца и просили Бога, чтобъ далъ сыну ихъ здоровье, ноги. Однако сколько они ни молилися, а сынъ ихъ не могъ ходить и сидѣлъ сиднемъ тридцать лѣтъ и три года. Въ нѣкое же время пошелъ крестьянинъ съ своею женою къ обѣднѣ. И въ то же время пришолъ подъ окно ихъ избы нищей и сталъ у Ивана крестьянскова сына просить милостыню. Иванъ крестьянской сынъ на то ему сказалъ: «Я бы подалъ тебѣ, подалъ милостыню, да встать съ мѣста не могу.» Тогда ему нищей молвилъ:—Встань и сотвори мнѣ милостыню: ноги твои здоровы.— Исцѣленый Иванъ крестьянской сынъ тотъ часъ всталъ съ мѣста, и несказанно обрадовался, что ноги его совсѣмъ стали здоровы и невредимы. Онъ кликнулъ нищаго въ избу и накормилъ. Тогда нищей попросилъ у него пива напиться: а Иванъ тотъ часъ пива принесъ. Однако нищей пива не пилъ, и велѣлъ ему всю ендову выпить; а онъ въ томъ не отрекся и выпилъ. Тогда нищей спросилъ его: —Что, Иванушка, много ли ты теперь въ себѣ силы чувствуешь?— «Очень много, отвѣчалъ ему Иванъ.»—Прости же теперь,—молвилъ нищей, и проговоря сіи слова сталъ невидимъ; а Иванъ остался въ великомъ удивленіи. Вскорѣ послѣ того пришелъ его отецъ съ ма-

терью, и увидя сына своего здрава, весма удивились, и стали его спрашивать, какъ онъ исцѣлился отъ болѣзни; тогда Иванъ пересказалъ ѳбо всемъ ясно. И старики подумали, что приходилъ къ нему не нищей, а нѣкій святый человѣкъ исцѣлилъ его отъ скорби, и начали пировать. А Иванъ пошелъ силу испытывать: вышедши въ огородъ, и взялъ въ руки колъ, воткнулъ въ огородѣ по срединѣ онаго, и повернулъ его такъ сильно, что вся деревня съ коломъ повернулась (сравните слова Илья: «кабы столбъ отъ земли до неба, я бы своротилъ всю землю»). Послѣ онъ вошелъ въ избу и началъ съ стариками своими прощаться и просить у нихъ благословенія. Старики стали плакать горкими слезами и просили его, чтобъ онъ пожилъ у нихъ хотя малое время. Однако Иванъ, не смотря на ихъ слезы, сказалъ имъ: «Ежели вы меня не отпустите, то я и такъ отъ васъ уйду.» Тогда старики его благословили, и сталъ Иванъ крестьянской сынъ молиться, на всѣ четыре стороны кланяется, съ отцомъ и матерью прощается, и сошелъ съ своего двора.» Похожее начало, гдѣ Иванъ выходитъ на подвиги благодаря также оказанной милостынѣ, есть начало сказки объ *Иванѣ-царевичѣ:* «У одново царя много лѣтъ содержался мужичокъ — руки желѣзны, голова чигунна, самъ мѣдной, хитрецъ былъ, важной человѣкъ. Сынъ царю Иванъ-царевичь былъ малинькой, ходилъ мимо тюрьмы. Этотъ старикъ подкликалъ ево къ себѣ и взмолился ему: «Дай, пожалуста, Иванъ-царевичь, напиться.» Иванъ царевичь еще ничево не зналъ, былъ малинькой, почерпнулъ воды и подалъ ему: старика съ этово въ тюрьмѣ не стало... Старикъ зовётъ ево: «Поѣдемъ, говоритъ, ко мнѣ въ гости.» Поѣхали. Старичокъ ввёлъ его въ богатой домъ, крикнулъ малой дочерѣ: «Ей, давай-ко намъ пить и ись, да и полуведёрную чашу вина!» Закусили. Вдругъ дочь приноситъ полуведёрную чашу вина и подноситъ Ивану-царевичу. Онъ отказывается, говоритъ:—Мнѣ не выпить!—старикъ велѣлъ браться. Взялъ чашу, и откуда у него сила взялася, на одинъ духъ такъ и выпилъ это вино. Потомъ старикъ созвалъ его разгуляться. Дошли до камня въ пятьсотъ пудовъ. Старикъ говоритъ: «Поднимай этотъ камень, Иванъ-царевичь!» Онъ думатъ себѣ: — Гдѣ мнѣ поднять такой камень! Однако попробую.—Взялъ, и легкô перекинулъ. Самъ опять и думатъ: — Откуда жо у меня берётся сила? Небось этотъ старикъ въ винѣ её мнѣ подаётъ!» — Все больше и больше

поятъ Ивана, а въ немъ все прибываетъ силы. «Пошли со старикомъ разгуляться: Иванъ-царевичь легонько метнулъ камень въ полторы тысячи пудовъ. Тогда Старикъ далъ ему статёртку-самовёртку, и говоритъ: «Ну, Иванъ-царевичь! Въ тебѣ теперь много силы: лошадѣ не поднять! Крыльцо дома вели передѣлать: тебя оно не станётъ поднимать; стулья надо други жо, подъ полы можно наставить чаще подстоекъ. Ступай съ Богомъ (см. Сказки Аѳан. вып. II, стр. 47—54)!» Того же сидня изображаетъ сказка объ *Ивашкѣ Запечномъ* и замѣчательнѣйшая объ *Иванѣ Попяловѣ*, изъ которой приведемъ начало: «Іонъ двѣнацать лѣтъ лижавъ у пóпялѣ, во пасля́ таго вставъ изъ пóпялу, и якъ стряхнувся, дакъ изъ яго́ злятѣло шесть пудовъ пóпялу (Ск. Аѳан. вып. I, стр. 24 — 28; вып. II, стр. 100 — 103).» Нельзя здѣсь не вспомнить, что по Ляшскимъ и Чешскимъ преданіямъ родъ *Попеловъ* самый старшій и *Попелъ* есть родоначальникъ, представитель Славянскаго племени въ минуту раздѣленія на Славянскіе народы. Но на этой ступени, на которой сталъ твердо Илья Муромецъ, опять не удержался Иванъ: дальнѣйшіе его подвиги сказочные, свойственные ему одному и сказкамъ; любопытно однакоже, что въ сказкѣ объ *Иванѣ крестьянскомъ сынѣ*, подобно тому, какъ Илья встрѣчается съ стихійно-кочевымъ богатыремъ Святогоромъ, Иванъ борется съ такимъ же *Полканомъ*.

Еще далѣе, Иванъ сближается съ *Добрынею*, именно въ томъ обстоятельствѣ, которое служитъ существенною частію былинъ о богатырѣ-бояринѣ: когда отъѣздомъ богатыря воспользовался другой, обвѣнчался было съ его женою, но богатырь воротился, наказалъ виноватаго, простилъ жену, бросившуюся къ нему изъ за свадебнаго стола (см. 2-й выпускъ Пѣсень П. В. К. и сборникъ П. Н. Рыбникова). Раскрываемъ заключеніе сказки *объ Иванѣ царевичѣ, Жаръ-птицѣ и Сѣромъ волкѣ* (по старому лубочному изданію изъ собранія П. А. Безсонова): «Иванъ-царевичь пошелъ въ городъ, и, пришедши во дворецъ, засталъ, что братъ его Василій царевичь женится на прекрасной королевнѣ Еленѣ (онъ воспользовался во зло положеніемъ Ивана и хотѣлъ взять добытую имъ королевну), и сидитъ за столомъ, пріѣхавши отъ вѣнца. Иванъ-царевичь пошелъ въ полаты, и, какъ скоро вошелъ въ тотъ покой, гдѣ сидитъ за столомъ братъ Василей царевичь съ прекрасною ко-

ролевною Еленою, а прекрасная королевна Елена, увидѣвъ Ивана-царевича, выскочила изъ за стола и его начала въ сахарныя уста цѣловать, и закричала: «Вотъ мой любезный женихъ, Иванъ-царевичъ, а не тотъ злодѣй, которой за столомъ сидѣлъ!» Такое же заключеніе въ сказкѣ *о Булатѣ молодцѣ*, помогавшемъ Ивану-царевичу за оказанное благодѣяніе (по весьма старому лубочному изданію изъ собр. П. А. Б.): «Иванъ-царевичъ пошелъ въ кухню и легъ спать. По утру рано царь, вышедъ на теремъ, и смотрѣлъ на непріятельское войско, и видитъ, что все побито, послалъ за нареченнымъ зятемъ (дядькою Ивана, который, играя роль послѣдняго, хотѣлъ воспользоваться его добытою невѣстой), и сказалъ ему: — Ну, любезный зять! Теперь отдаю я тебѣ въ супружницы.— Тогда начали дѣлать приуготовленія и чрезъ нѣсколько дней обвѣнчался дядка на прекрасной царевнѣ Церія. И когда послѣ вѣнца они сидѣли за столомъ, тогда Иванъ-царевичъ, пришедъ къ повару, отпросился у него (посмотрѣть), какъ баринъ сидитъ за столомъ съ невѣстою своею; поваръ отпустилъ и далъ ему свое платье. (см. 2-й вып. Пѣсень, собр. П. В. К., гдѣ Добрыня, отправляясь на свадебный пиръ, передѣвается скоморохомъ или калѣкой; сказаніе о томъ, что Иванъ пришелъ на пиръ отъ повара изъ кухни, возникло ближе всего изъ того, что Добрыня на пиру выступаетъ «изъ за печки»). И тогда Иванъ-царевичъ, пришедъ въ царскія палаты, сталъ за людми и смотрѣлъ на своего дядку и на прекрасную царевну Церію. Тогда царевна Церія узнала Ивана-царевича, выскочила изъ за стола, взяла Ивана-царевича за руку, и сказала: «Вотъ этотъ мой женихъ, а не тотъ, а не тотъ, которой со мной вѣнчался!» Но и на этой ступени, художественно переданной въ былинахъ о Добрынѣ, Иванъ не удержался, и сказки, изъ которыхъ привели мы заключеніе, очерчиваютъ совсѣмъ другіе сказочные его подвиги.

Теперь обратимся къ *Ивану Гостиному сыну*, гдѣ герой нашъ является подъ собственнымъ своимъ именемъ. По первому выпуску Пѣсень П. В. К. намъ извѣстно, что вставши на ноги и получивши силу, Илья началъ пытать коней, какой годится, и долго пыталъ, пока нашелъ. То же передается въ сказкахъ объ Иванѣ. *Объ Иванѣ царевичѣ и Булатѣ молодцѣ:* «Тогда Иванъ-царевичъ пошелъ въ царскія конюшни и выбиралъ себѣ добраго коня. На котораго

руку наложитъ, и конь тотъ ежели падетъ на колѣни, то оной для него не годился. Итакъ ходилъ онъ по всѣмъ стойламъ, а не могъ выбрать себѣ коня по мысли, и пошелъ въ великой кручинѣ изъ конюшни.» Булатъ молодецъ указалъ ему, гдѣ достать коня подходящаго: «Иванъ-царевичь пошелъ въ чистое поле, и увидѣлъ три дуба зеленыя, и нашелъ дверь желѣзную съ мѣднымъ колцомъ, и взялъ онъ за то колцо, и поднелъ дверь (совершая переходы по подземелью, Иванъ оттуда же добываетъ и коня; ср. выше), збилъ двѣнадцать замковъ, и отворилъ двѣнадцать дверей, и вошелъ въ конюшню, гдѣ и увидѣлъ добраго коня и всю збрую богатырскую; и наложилъ Иванъ-царевичь свою руку коню на спину, и тотъ конь на колѣни не падаетъ, а толко погнулся отъ руки ево, и услышалъ конь по себѣ сѣдока, началъ ржать громкимъ голосомъ, на колѣни передъ Иваномъ-царевичемъ падаетъ, дается ему взнуздаватца.» Въ сказкѣ *объ Иванѣ крестьянскомъ сынѣ:* «Иванъ крестьянской сынъ привелъ ихъ (рабочихъ) предъ царской домъ и велѣлъ рыть землю. Работники, рывши землю, и увидѣли желѣзную дверь съ мѣднымъ колцомъ, и ту дверь Иванъ крестьянской сынъ одною рукою отломилъ, и оттуда выбросилъ, и увидѣлъ тамъ добраго коня богатырскаго со всею збруею и доспѣхами богатырскими, и конь увидѣлъ по себѣ сѣдока, палъ предъ нимъ на колѣни, и промолвилъ человѣческимъ голосомъ: «Охъ ты гой еси, доброй молодецъ, Иванъ крестьянской сынъ! Засаженъ я здѣсь силнымъ и храбрымъ богатыремъ Лукоперомъ, и сижу здѣсь лѣты несмѣтныя, и ждалъ сюды тебя ровно тридцать лѣтъ и три года, и на силу дождался. Садись на меня и поѣзжай, куды тебѣ надобно: я служить тебѣ буду вѣрой и правдою, какъ служилъ Лукоперу силному богатырю.» Въ другихъ сказкахъ Иванъ получаетъ коня «откуда ни возьмись,» въ подарокъ отъ отца, за уваженіе къ нему преимущественно передъ другими сыновьями. Какъ бы то ни было, до сихъ поръ, когда идетъ выборъ коня и добываетея конь подходящій, мы видимъ изъ былинъ Илью Муромца, отчасти и другихъ богатырей: но, когда конь появился, выступаетъ въ былинахъ настоящій Иванъ Гостиный сынъ. Мы видѣли изъ пѣсень 3-го выпуска, что всѣ былины, о немъ уцѣлѣвшія, сосредоточиваются на его Сивкѣ-буркѣ-кауркѣ, носпаточкѣ, троелѣточкѣ, на его поскокахъ, на добытой имъ побѣдѣ въ раздольѣ отъ Кіева до Чернигова; у другихъ богатырей знамениты

кони, но знамениты и другіе подвиги, — у Ивана Гостинаго сына одинъ подвигъ, подвигъ коня; конь по преимуществу, конь изъ коней, есть по былинамъ конь Ивана Гостинаго сына. Таковъ же конь Ивана сказочнаго: это одинъ и тотъ же богатырь. Приведемъ описанія коня изъ сказокъ, отзывающіяся весьма сильно складомъ былинъ. Въ сказкѣ объ *Иванѣ крестьянскомъ сынѣ:* «Иванъ крестьянской сынъ сѣдлаетъ того добраго коня, надѣваетъ на него уздечку тесмяную, накладываетъ сѣделичко Черкаское, и подтягиваетъ двѣнадцать подпругъ шелку Шемахамскаго, и садится на добраго коня, и бьетъ его по крутымъ бедрамъ, и тотъ конь осерживается, отъ земли подымается, выше лѣсу стоячева, что пониже облака ходячева, долы и горы между ногъ пускаетъ, великіе рѣки хвостомъ устилаетъ, и изъ ушей своихъ выпускаетъ густой дымъ, а изъ ноздрей кидаетъ пламя великое.» — Объ *Иванѣ-царевичѣ и Булатѣ молодцѣ:* «И осѣдлалъ Иванъ-царевичъ добраго коня, и взялъ палицу боевую, и мечь кладенецъ, и вывелъ коня изъ конюшни, вонъ и сѣлъ въ сѣделичко Черкаское, и взялъ шелковой поводъ въ руку бѣлую, и захотѣлось ему добраго коня испытать: онъ билъ его по крутымъ бедрамъ. И конь доброй осерживается, отъ земли отдѣлиется, подымается выше лѣсу стоячеву (такъ), а пониже облака ходячева, горы и долы межъ ногъ пропускаетъ, мелкіе рѣчки хвостомъ устилаетъ, глубокія рѣки переплываетъ, чрезъ болота перепрыгиваетъ.» — *О Сивкѣ-буркѣ, вѣщемъ воронкѣ* (Аѳан. вып. II, стр. 73—77): «Иванъ-дуракъ поѣхалъ въ чисто полё, въ широко раздольё, самъ свиснулъ молодецкимъ посвистомъ, гайкнулъ богатырскимъ голосомъ: «Сивко-бурко, вѣшшой воронко!» Сивко бѣжитъ, только земля дрожитъ, изъ очей пламё пышотъ, а изъ ноздрей дымъ столбомъ. Иванъ-дуракъ въ одно ушко залѣзъ— напился-наѣлся, въ друго вылѣзъ — одѣлся, молодецъ такой сталъ, что и братьямъ не узнать, сѣлъ на сивка и поѣхалъ.» — *О Иванушкѣ дурачкѣ* («Лѣкарство отъ безсонницы» 1819 г., и отдѣльно 1838 и 1847 г.): «Дуракъ пошелъ въ чистое поле, самъ свиснулъ молодецкимъ посвистомъ, гаркнулъ богатырскимъ покрикомъ: «Сивка-бурка, вѣщая каурка! Стань передо мной, какъ листъ передъ травой!» Прибѣжалъ конь и сталъ какъ вкопанной. Дуракъ въ одно ушко коню влѣзъ, — напился тамъ наѣлся, хорошохонько нарядился, а въ другое вылѣзъ — и сталъ такой молодецъ, что ни вздумать ни взгадать, ни

въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Сѣлъ на коня и поѣхалъ... И какъ пріѣхалъ къ лобному мѣсту, ударилъ коня по крутымъ бедрамъ: его конь осержается, отъ земли отдѣляется, выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго.» Въ сказкахъ этого послѣдняго рода, конь — главное: какъ Иванъ Гостиный сынъ въ былинѣ выигрываетъ закладъ, такъ сказочный богатырь всѣми успѣхами одолженъ коню. Любопытно, что въ былинахъ конь такого рода описывается обыкновенно «какбы лютый звѣрь,» т. е. волкъ: подобное сравненіе основано не на одномъ наглядномъ сближеніи, а истекаетъ изъ представленій древнѣйшихъ. Иванъ, мы видѣли, до выхода на свѣтъ Божій, въ міръ-народъ, долженъ былъ пройти безчисленные виды бытія, чрезъ образы разныхъ царствъ природы, и наконецъ животныхъ. На этомъ основалось русское сказаніе объ оборотняхъ: въ сложившейся Руси, оборачиваться въ образы животныхъ, ходить въ нихъ, означило быть мудрымъ, то есть пройти періодъ потребнаго народному герою развитія. Въ оборотняхъ же главную роль играетъ всегда волкъ: сравните Слово о П. И. Потому, въ тѣхъ сказкахъ объ Иванѣ, гдѣ не обрисованъ ярко его конь, тамъ Иванъ, напр. *Иванъ-царевичь*, вмѣсто коня пользуется «сѣрымъ волкомъ,» лютымъ звѣремъ; волкъ зачастую подъ Иваномъ превращается въ коня, и на оборотъ. — Наконецъ передъ нами въ сказкахъ является и *Гостиный сынъ* или *Купеческій*, т. е. съ тѣмъ же именемъ, какъ въ былинахъ и съ тѣмъ же конемъ. Такова сказка *О свинкѣ-золотой щетинкѣ, золоторогомъ оленѣ и золотогривомъ конѣ* (Аѳан. вып. II, стр. 88—95), изъ которой мы выпишемъ начало: «Жилъ-былъ царь, у него была дочь, царевна Неоцѣненная Красота, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Царь сдѣлалъ кличь по всѣмъ городамъ: кто поцѣлуетъ царевну черезъ двѣнадцать стёколъ, тотъ, какого бы роду ни былъ, возьмётъ царевну себѣ въ жены и получитъ за нею полцарства (закладъ на подвигъ удалаго коня). А въ этомъ царствѣ жилъ *купецъ*, у него было *три сына*: два, старшій и середній, умные, *а третій, меньшой, дуракъ*. Вотъ старшіе братья и говорятъ: «Мы, батюшка, поѣдимъ добывать царевну.» — Поѣзжайте съ Богомъ, — говоритъ купецъ. Взяли они себѣ что ни самыхъ лучшихъ лошадей и стали собираться въ путь-дорогу, а дуракъ то же себѣ собирается. «Куда тебѣ, дураку, ѣхать», говорятъ братья, «гдѣ тебѣ поцѣловать царевну!» И вся-

чески надъ нимъ смѣются. Поѣхали они, а дуракъ вслѣдъ потащился на худой поршивой лошадёнкѣ. Выѣхалъ въ поле, да какъ крикнетъ зычнымъ голосомъ: «Гой ты, сивка-бурка, вѣщая каурка! Стань передо мною, какъ листъ передъ травою.» Откуда ни взялся отличной конь, бѣжитъ — земля дрожитъ. Дуракъ влѣзъ ему въ одно ушко, въ другое вылѣзъ, и сдѣлался такой молодецъ да красавецъ, что и не видано, и не слыхивано. Сѣлъ на коня, пріѣхалъ къ царскому дворцу: какъ разлетится, такъ шесть стёколъ и разбилъ,» и т. д. (подъ конецъ добываетъ конемъ царевну).— Другая сказка, объ *Иванѣ Купеческомъ сынѣ*, выводитъ такого же Ивана-дурака, съ обыкновенными сказочными приключеніями (ср. помянутую статью г. Шепинга, стр. 10); далѣе есть сказка объ *Иванѣ-Кручинѣ, Купеческомъ сынѣ* («Русск. народ. сказки, собр. Б. Броницынымъ», Спб. 1838); Сахаровъ упоминаетъ (хотя и не печатаетъ) изъ своего собранія двѣ сказки — *Соловей сынъ Гостяной Ивановичь* и *Иванъ Гостиной сынъ* («Русск. нар. сказки,» 1841, стр. 269); наконецъ цѣлая книга въ двухъ частяхъ — «*Похожденіе Ивана Гостинаго сына* и другія повѣсти и сказки,» С.п.б., 1785 и 1786 г., гдѣ, при передѣлкахъ и искаженіяхъ, проскользаютъ однако, какъ поводъ къ сочиненію, нѣкоторыя черты чисто-народныя *).—Такимъ образомъ *Иванъ Гостиный сынъ*, хотя и удержался въ былинахъ, какъ богатырь времени Владимірова, но не на долго: былины объ немъ коротки, отрывочны, сосредоточены только около коня. Изъ былинъ вырвался Иванъ въ широкое раздолье сказокъ: но и здѣсь не удержался подъ именемъ одного *Гостинаго сына*, а раздробился и на *Сына крестьянскаго*, и на *Царевича*, и на *Ивана-дурака*, и т. д.

Наконецъ, Иванъ-богатырь всего болѣе удержался въ былинахъ подъ именемъ *Ивана Годиновича* (см. нашъ 3-й выпускъ и сборникъ П. Н. Рыбникова). Мы замѣтили выше, что онъ тождественъ съ *Иваномъ Гостинымъ сыномъ*: вопреки характеру прочихъ богатырей Владиміра, отличающихся подвигами разнообразными, все дѣло Ивана Годиновича сосредоточено на одномъ — сватаньѣ, женидьбѣ; онъ ѣдетъ свататься «*ко гостю ко купцу* ко Дмитрищу

---

*) Книга эта чрезвычайно рѣдка.

(Рыбник. № 33), » « къ Дмитрію *гостю богатому* (у насъ вып. 3, № 2),» то есть ищетъ ровню себѣ, какъ сынъ Гостиной; и на оборотъ, когда нужно добыть невѣсту для Владиміра, о невѣстахъ, какъ опытный дѣлецъ, подаетъ совѣтъ *Иванъ Гостиный сынъ* (у насъ вып. 3, стр. 70, 71). Съ другой стороны мы убѣждаемся, что Иванъ Годиновичь—тотъ же извѣстный сказочный герой: подобно сказочному Ивану, онъ ведетъ изъ за невѣсты борьбу съ *Кощеемъ Трипетовымъ* (Рыбник. № 33; Кощей Трипетовъ—тройной; сравни три царства въ похожденіяхъ Ивана, три царевны и т. д.). Еще болѣе: былина объ Иванѣ Годиновичѣ перешла почти цѣликомъ въ знаменитую сказку объ *Иванѣ царевичѣ, Жаръ-птицѣ и Сѣромъ волкѣ*. Стóитъ только хорошенько разобрать ту и другую (беремъ старую лубочную сказку изъ собран. П. А. Б.):

а) Отецъ Ивана-царевича *Выславъ*, напоминающій «солнушка *Всеславича*,» какъ часто именуется Владиміръ (Всеславъ могло перейти въ Выслава, благодаря чтенію рукописей), названый отецъ богатырей.

б) Соперникъ Ивана Годиновича (см. у насъ вып. 3, № 2), имѣющій виды на его невѣсту, есть *царь Афромей*: соперникъ Ивана-царевича *царь Афронъ*.

в) Добывши невѣсту, Иванъ Годиновичь, на возвратномъ пути къ Кіеву, легъ съ нею спать въ шатрѣ: сказка передаетъ — «Иванъ царевичь возлюбилъ сердцемъ своимъ Елену, а она Ивана царевича.... Иванъ-царевичь поѣхалъ вмѣстѣ съ прекрасной королевною Еленою на конѣ златогривомъ, и не доѣхавъ до своего государства за двадцать верстъ, остановился и слѣзъ съ прекрасною королевною съ коня вмѣстѣ для отдохновенія, и легли отъ зноя солнечнаго на траву подъ деревомъ, а коня привязалъ къ тому же дереву...Они лежали и разговаривали полюбовныя разговоры, и заснули.»

г) Въ то самое время наѣхалъ на Ивана Годиновича соперникъ, отняли невѣсту, Ивана связали; Иванъ высвободился благодаря налетѣвшему черному ворону, какъ передается у Рыбник. № 33:

На ту пору на то времячко
Налетала птица черный вранъ,
Садился онъ вранъ на сырой дубъ,
Проязычилъ языкомъ человѣческимъ:

«А не владѣть-то Марьей Дмитріевичной
«Царю Кощею сыну Трипетову,
«А владѣть Ивану Годиновичу,» и проч.

Такъ точно во время сна Ивана-царевича наѣхали враги, убили его, невѣсту взяли: «Иванъ-царевичъ лежалъ мертвъ на томъ мѣстѣ ровно тритцать дней; и въ то самое время набѣжалъ на него сѣрой волкъ...; увидѣлъ сѣрой волкъ одного ворона и двухъ воронятъ:» тутъ и спасъ воронъ Ивана-царевича.— Такимъ образомъ нашъ Иванъ, какъ Иванъ Годиновичъ, удержался въ былинахъ, но самыя эти былины сказочнаго свойства.

Изъ всего нашего изслѣдованія получаемъ три вывода:

1) Иванъ-богатырь, по ту сторону сложившагося міра-народа русскаго, времени Владимірова и былинъ Владиміровскихъ, съ своими приключеніями и похожденіями, выражавшими развитіе племенное, обще-славянское, стихійную пору вѣросознанія и кочевой бытъ, занесенъ только въ одну былину «о Ванькѣ удовкинѣ сынѣ,» въ полнотѣ же обрисованъ многочисленными русскими сказками. Съ наступленіемъ новой поры въ вѣросознаніи, бытѣ и творчествѣ, онъ хотя и попадалъ въ отрывочныя былины, и мѣнялся ролею съ нѣсколькими богатырями, но вообще не удержался въ былинахъ и перешелъ цѣликомъ въ сказки: почему это было — потому же, что онъ былъ старше новаго порядка вещей, не имѣлъ твердости и крѣпости сего послѣдняго, выражалъ стихійность и броженіе. Сказки совершенно овладѣли существомъ его: кромѣ приведенныхъ и помянутыхъ выше, къ нему же относятся еще сказки—*Иванъ Водовичъ*, весьма народный, сражающійся съ *Чудомъ-Юдомъ* (ср. помянутую статью г. Шепинга, стр. 13); *Иванъ-царевичъ и Мареа-царевна* (Аеан. вып. II, стр. 47—54); *Иванъ-царевичъ и лягушка* (тамъ же, 58—66); *Лягушка и Иванъ-богатырь* (162—167); *Иванъ-дуракъ* (многочисленныя сказки, отчасти съ главною ролью коня, отчасти со вставочными шутками, вообще направленія шутливаго); *Объ Ивашкѣ Медвѣжьемъ Ушкѣ*, и т. д., и т. д. Но, какъ лицо Ивана-богатыря, мы видѣли, перешло въ сказанія не только прочихъ Славянъ, но и разноплеменныхъ сосѣднихъ народовъ, такъ точно, и естественно, въ сказки этого рода, какъ въ распахнувшіяся двери, вторглось вліяніе и Запада, и Востока: пер-

наго—въ разныхъ рыцарскихъ чертахъ и пріемахъ, втораго — въ восточныхъ именахъ, черезъ чуръ фантастическихъ краскахъ. Отъ того-то большая часть нашихъ изслѣдователей проходила мимо Ивана-богатыря, не признавая въ немъ яркихъ отличій древняго русскаго лица, и честь перваго серьезнаго вниманія къ этому дѣлу принадлежитъ все-таки г. Шепингу.

2) Второй выводъ совершенно уясняетъ намъ различіе *Былины* отъ *Сказки* и взаимныя ихъ отношенія. Былевое творчество, выражаемое въ Былинахъ извѣстнаго склада, началось собственно тогда для Руси, когда она сложилась прочно и крѣпко въ міръ-народъ, со всѣми отличіями этой новой поры жизни; Былина есть именно выраженіе, Слово (эпосъ) этой поры, признакъ ея, спутникъ: Сказка началась раньше, предшествовала Былинѣ, откликаясь на событія доисторической жизни, на времена броженія въ вѣросознаніи, бытѣ и творчествѣ. Былина имѣетъ строго-опредѣленный характеръ; въ ней всегда опредѣлены имена, или *историческія*, или *какъ историческія*; также точно опредѣлена мѣстность, указано *по своему* время событія; складъ опредѣленный, стихъ выработанный, до того, что если онъ и разрушенъ въ устахъ пѣвца, но знакомый съ другими былинами можетъ съ приблизительною точностію возстановить его, благодаря обычнымъ былевымъ (эпическимъ) пріемамъ, постояннымъ прозвищамъ (эпитетамъ), мѣрѣ, чуткой для уха образованнаго: ничего этого нѣтъ въ Сказкѣ, если не брать исключеній; характеръ распущенный, дающій просторъ полный вымысламъ и воображенію, не охотно подчиняющійся правиламъ народнаго искусства; объемъ можетъ расширяться въ безконечность, in perpetuum; имена переставляются, нѣтъ притязанія на ихъ историчность, какъ нѣтъ притязанія на дѣйствительность приключенія; мѣстность и время—повсюду и всегда; самыя отдаленныя событія передаются какъ вчера и нынче, какъ здѣсь и рядомъ; складъ сопровождается нѣкоторой пѣвучестью, но, болѣе опредѣляясь, переходитъ въ стихъ Былины, а Былина, разрушиваясь, черезъ Побывальщину и Бабью Старину, разрѣшается въ сказку; не запишите Сказки вѣрно или запишите отъ дурнаго разскащика, и никогда, какой бы вы ни были знатокъ народной словесности, не возстановите внѣшняго склада, пѣвучести, даже едва ли подыщите выпавшее слово, прозвище. Отъ того вообще Былина крѣпче составомъ и долговѣчнѣе жизнію въ из-

вѣстномъ своемъ видѣ; она меньше допускаетъ постороннихъ вставокъ; съ ослабленіемъ былеваго творчества въ народѣ, она дробится, переходитъ въ Былицу изъ Богатырской въ Козаческую, въ Молодецкую, въ Безъимянную, но переходитъ какъ Былина, и даже вымираетъ какъ Былина, то есть скорѣе готова умереть, чѣмъ измѣнить своему свойству и складу: Сказка, по мѣрѣ приближенія къ былевому содержанію, можетъ быть крѣпка, но тогда она просто повторяетъ Былину, понемножку лишь подтачивая ее и растлѣвая, — таковы сказки объ Ильѣ Муромцѣ, Добрынѣ, Васильѣ Буслаевѣ, и т. п., образецъ которыхъ находимъ мы въ нѣкоторыхъ изданіяхъ лубочныхъ и отчасти въ изданіи Сахарова, хотя, правду сказать, въ послѣднемъ наложена уже рука художника внѣ народа; въ собственномъ же, своеобразномъ видѣ своемъ, какъ преддверіе ли Былины, или какъ ея обломокъ, а чаще независимо и сама по себѣ, по внутреннему условію своего существа, Сказка расплывчива, даетъ просторъ всевозможнымъ вставкамъ, роднится съ любымъ произведеніемъ народной словесности, готова растянуться въ Сказаніе и Повѣсть, въ ряды Сказаній и Повѣстей, да и сжаться въ Пословицу и Поговорку; она, какъ вышла изъ поры стихійной, такъ и доселѣ какъ стихія, способная принять всевозможные образы, сплотиться при легкомъ напѣвѣ, принять отпечатокъ музыкальной мѣры, и тутъ же разлетѣться въ нескладицу; потому ей невозможно вымереть въ народѣ, она не знаетъ смерти, ибо готова оборотиться оборотнемъ какимъ угодно. Былину полуразрушенную не станетъ пѣть пѣвецъ хорошій, какъ ни просите; много, если согласится ее *пересказать:* Сказку, какъ бы ни складна она, не станутъ пѣть какъ Былину, и никогда никто не откажется передать ее, хоть бы зналъ долю и отрывокъ; чего нѣтъ, всякій замѣститъ и добавитъ, хоть бы самъ видѣлъ порчу, хоть бы вы чувствовали ее сами. Однимъ словомъ, какъ всего короче и вѣрнѣе выразился самъ народъ русскій, — «Сказка *складка*, а Пѣсня (въ основномъ и первобытномъ видѣ своемъ) *Быль*.»

3) Наконецъ о значеніи Ивана-богатыря, въ сходствѣ и отличіи отъ Ильи Муромца. Мы согласны съ г. Шеппингомъ, что Иванъ-богатырь, или, лучше, просто-Иванъ въ народномъ творчествѣ есть дѣйствительно представитель Руси, человѣка русскаго; но съ ограниченіемъ—для времени первобытнаго, стихійнаго, бродячаго, коче-

ваго, до міра-народа, до Владиміра, до истиннаго и главнаго былеваго творчества; онъ вторгается и въ міръ былинъ, но лишь вторгается, не занимая опредѣленнаго мѣста, рѣдко подъ собственнымъ именемъ, чаще подъ именами чужими; онъ переводитъ на себя и пріемы, и отчасти содержаніе былинъ, но переводитъ чтобъ раздробить и размельчить; онъ остается представителемъ Руси и послѣ сложившагося міра-народа, и послѣ Владиміра, и внѣ былинъ, но остается лишь по стольку, по скольку есть въ народѣ память доисторическая, а вмѣстѣ, по скольку не всѣ еще первичныя силы, зародившіяся въ обще-славянскомъ племени, волновавшіяся Русь такъ сказать до Руси, народъ до народа, въ пору разгара язычества, когда слагался языкъ и народъ, по скольку, говоримъ, эти силы не всѣ еще поступили въ опредѣленный складъ вѣросознанія, не всѣ закрѣпились въ опредѣленную форму быта, не всѣ выразились былевымъ словомъ, а продолжаютъ бродить какъ стихія, волноваться летучимъ эѳиромъ, носить въ себѣ сѣмена еще неоплодотворившіяся, откликаться народнымъ лепетомъ. Однимъ словомъ, это представитель Руси, но только *въ сказкѣ*. Согласны мы съ мнѣніемъ и покойнаго К. С. Аксакова, не разъ отъ него слышаннымъ: самый главный, выразительный и опредѣленный представитель Руси въ народномъ творчествѣ есть Илья Муромецъ. Онъ представитель міра-народа,—но *съ тѣхъ поръ*, какъ создался этотъ опредѣленный народный міръ, умирился и сложился народъ, съ вѣросознаніемъ, вскорѣ завершившимся въ Христіанствѣ, съ бытомъ своимъ, съ былевымъ творчествомъ; и *до тѣхъ поръ*, пока народъ не перестанетъ быть народомъ, не измѣнитъ опредѣленію своего народнаго бытія; представитель въ дѣйствительности, въ были, *въ былинѣ*. Чѣмъ глубже онъ народенъ, тѣмъ менѣе исключителенъ и болѣе человѣченъ: вспомнимъ, какъ больше всѣхъ товарищей щадитъ онъ всякую новую и молодую силу, какъ бережетъ и лелѣетъ Ермака, котораго, какъ младшаго и позднѣйшаго богатыря, творчество подводитъ къ нему ребенкомъ. Въ этой мягкости своей и благосклонности, даетъ Илья, какъ и самъ народъ, мѣсто и просторъ нарожденію и образовательности силъ, постоянно бьющихъ въ народѣ свѣжимъ ключемъ, новой струею: а эти силы, въ бытіи еще несозрѣломъ и несформировавшемся, въ задаткѣ, въ плывучести, въ лепетѣ и сказкѣ, сосредоточиваетъ вокругъ себя то лице народнаго творчества, которое нѣкогда и предшествовало Ильѣ,

и объ немъ предсказывало, и рядомъ пошло съ нимъ, и не мнимо что нашлось даже именами, и доселѣ не отстаетъ съ боку—русскій Иванъ, богатырь ли, крестьянской ли или гостиной, купеческій сынъ, князь ли или царевичъ, и какого угодно званія, слоя и вида: Илья — представитель *Русскаго народа*, Иванъ — представитель *Русскаго человѣка*. Одинъ отъ другаго хотя и дѣлятся съ разныхъ точекъ зрѣнія, но пока существуютъ оба вмѣстѣ въ народномъ русскомъ творчествѣ, и одинъ безъ другаго не существуетъ.

П. Б.

КОНЕЦЪ 3-ГО ВЫПУСКА.

ОГЛАВЛЕНІЕ 3-ГО ВЫПУСКА.

